

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ
АПРЕЛЬ **N2(140)**

МОСКВА 2022

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2022. № 2. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия);
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.ю.н. В.Ю. Стромов (Тамбов); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д-р богосл. проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешенок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183

e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

сайт: <http://www.phil.h.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2022

Содержание

Осознать бы (<i>Главный редактор</i>).....	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Общество и капитал.....	11
<i>М.М. Гузев</i>	
Человек в ловушке трансформации.....	14
<i>А.Г. Пудов</i>	
Философия северного хозяйствования:	
к постановке проблемы	25
<i>Н.Б. Шулевский, Е.С. Зотова</i>	
Экономика в петле уророборота.....	45
<i>В.И. Бакланов</i>	
Россия: генезис капитализма гибридного типа	57
Раздел II. Экономическая теория	
<i>В.А. Ушанков</i>	
К вопросу о методологии институционального анализа	
экономических преобразований в России	71
<i>Н.А. Шапиро</i>	
Либертарианский патернализм и поведение государства	
в условиях пандемии COVID-19.....	80
<i>А.Ю. Козловский</i>	
Научная парадигма социально-экономической	
типологии стран мира в исторической ретроспективе	93
<i>О.Л. Королев</i>	
Индивидуализация производства и потребления	
в цифровой экономике.....	112
<i>В.В. Скалкин, С.А. Сидорова</i>	
Проблема спонтанности в институциональной	
экономической теории.....	124
<i>Н.Н. Керимова</i>	
Инклюзивность экономического роста и доходов	
населения: современные взгляды и реалии	133
<i>Р.Р. Бабкин</i>	
Особенности финансирования государственных	
(муниципальных) учреждений в современных условиях	146

<i>Е.Н. Стрижакова, Д.В. Стрижаков</i> Планирование и прогнозирование развития экономических систем: основные принципы, методы и подходы	154
--	-----

Раздел III. Актуальная философия

<i>К.В. Молчанов</i> Базовые положения диалектической концепции кибер интеллекта.....	179
<i>В.А. Кон</i> Русская философия как предмет рецепции русской интеллигенции в XIX—XX вв.	195

Раздел IV. Актуальная социология

<i>А.Г. Штейнберг</i> Объективация женственности: фактор материнства — 2	209
<i>А.Ю. Горбачев</i> Феминизм и феминизация (тезисы)	218
<i>В.Н. Иванова</i> Цикличность типов институциональной логики как метод регулирования социальных отношений в малых неоднородных группах	230

Раздел V. Рецензии и отклики

<i>В.К. Королев</i> Энциклопедия философии хозяйства (Ю.М. Осипова): экзистенциальный «ракурс».....	257
---	-----

Научная жизнь

<i>Т.С. Сухина</i> Социум России: состояние и тенденции (обзор дискуссии)	257
<i>Е.С. Зотова</i> Экономика сегодня: какая, чья, зачем, куда? (обзор актуальной дискуссии)	265
<i>И.П. Смирнов</i> Ложь ложью спасается	276
<i>Е.С. Зотова</i> «Эпоха постправды» как правда об эпохе	281

Анонсы	294
---------------------	-----

Наши авторы	297
--------------------------	-----

Contents

Would Realize (Chief Editor)	7
------------------------------------	---

Part I. Philosophy of Economy

I.G. Shevchenko

Society and Funds	11
-------------------------	----

M.M. Guzev

The Man Trapped is Transperman

A.G. Pudov

The philosophy of Northern management:

towards the formulation of the problem	25
--	----

N.B. Shulevsky, E.S. Zotova

Economy in the Uroboros Loop	45
------------------------------------	----

V.I. Baklanov

Russia: Genesis of Hybrid Capitalism	57
--	----

Part II. Economic Theory

V.A. Ushankov

On the Methodology of Institutional Analysis

of Economic Transformations in Russia	71
---	----

N.A. Shapiro

Libertarian Paternalism and Government Behavior

in the Context of the COVID-19 Pandemic	80
---	----

A.Yu. Kozlovski

The Scientific Paradigm of the Whole World Countries` Social

and Economic Typology within the Historic Retrospective	93
---	----

O.L. Korolyov

Individualization of Production and Consumption in Digital Economy ...	112
--	-----

V.V. Skalkin, S.A. Sidorova

Spontaneity Problem in Institutional Economics	124
--	-----

N.N. Karimova

Inclusiveness of Economic Growth and Income

of the Population: Modern Views and Realities.....	133
--	-----

R.R. Babkin

Features of Financing of State (Municipal) Institutions

in the Modern Conditions	146
--------------------------------	-----

E.N. Strizhakova, D.V. Strizhakov

Planning and Forecasting the Development of Economic

Systems: Basic Principles, Methods and Approaches.....	154
--	-----

Part III. Actual Philosophy

K.V. Molchanov

The Basic Provisions of the Dialectic Conception
of Cyber Intelligence..... 179

V.A. Kon

Russian Philosophy as a Subject of Reception of the Russian
Intelligentsia in the XIX—XX Centuries..... 195

Part IV. Technogenesis as a Generator of Change

A.G. Shteinberg

Objectivation of Feminity: Factor of Motherness — 2 209

A.Yu. Gorbachev

Feminism and Feminization (Theses) 218

V.N. Ivanova

Cyclical Types of Institutional Logic as a Method
of Regulating Social Relations in Small Heterogeneous Groups 230

Part V. Reviews and Responses

V.K. Korolev

Philosophy of the Economy Encyclopedia (Yu.M. Osipov):
Existential Discourse 257

Scientific Life

T.S. Sukhina

Society of Russia: Status and Trends (Review of Discussion)..... 257

E.S. Zotova

Economy Today: Which, Whose, Why, Where?
(Overview of The Current Discussion) 265

I.P. Smirnov

Lies are Saved by Lies 276

E.S. Zotova

«The Post-Truth Era» as the Truth about the Era..... 281

Anounce 294

Our Authors 299

Осознать бы!

Что осознать? Ясно, что осознать *все*, что вокруг, на Земле, в нынешней России, в человечестве вообще. А что же такое вокруг? Самое поразительное, что... *ничто* — нет, не совершенная вовсе пустота, вовсе нет, но ведь не то, что не мир человеческий, а даже и не реальность человеческая, как и не жизнь человеческая, а что-то уже обратное и *об*оротное, когда на месте человеческого мира теперь нечеловеческий антимир, на месте гуманитарной реальности — постгуманитарный симулякр, на месте людской жизни — нелюдская нежизнь, да и не что-то лишь и попросту виртуальное, а воистину... *призрачное*, но не в аспекте невыраженности чего-то, реально возможного или даже уже в реалиях существующего, а в плане *призрака как призрака*, что позволяет говорить, что ежели что-то ныне и существует, то уже *как призрак и только призрак*, то бишь не призрак *чего-то* вроде того же призрачного коммунизма, а призрак уже самого себя — *призрака*!

Тот же коммунизм, как, собственно, и гуманизм с демократией, не получили своего реального воплощения, но зато обрели призраки, да ладно бы призраки самих себя, а то и ведь мира, реальности, жизни, где и благополучно сгинули.

Всё жизненное, мировое, реальное, как раз человеческое, гуманитарное, людское вдруг стало стремительно уходить, если не камнем падать, в бездну, из которой когда-то и вышло по воле Творца, но при этом уходить и падать, замещаясь не на что иное, а как раз на призраки, лишь рисуночно, контурно, штрихово похожие, как в случае с печально знаменитым генеральным прокурором, на своих тающих, расплывающихся и исчезающих прототипов.

Предвижу «законное» возражение: «Может, что-то призрачное и есть, и оно чувствительно, но в целом вокруг все те же мир, реальность, жизнь, точнее, не совсем, конечно, те же, а уже другие, новые, куда более совершенные, насыщенные, разнообразные, в общем — привлекательные!».

«Да, — отвечаю, — есть, еще и прельстительные!»

Однако не перестану напирать на призраки: цивилизаций, государств, правлений, политик, культуры, экономики, идеологий, народов, элит, науки (в первую очередь гуманитарной, в чем легко

убедиться, печально-озабоченно глядя на Scorpius'ы, рейтинги и баллы, убивающие содержание науки и приветствующие ее призрачные формуляры), спорта, даже армий и войн, в общем — всего бывшего человеческого, а теперь все более пост- и античеловеческого, как не остановлюсь перед утверждением о появлении и все большем доминировании вслед за *постправдой* (!) такой вещи (вести), как пост- и антисознание, что не есть вполне бессознание, но не есть вполне и сознание, а так... некое провальное *межсознание*.

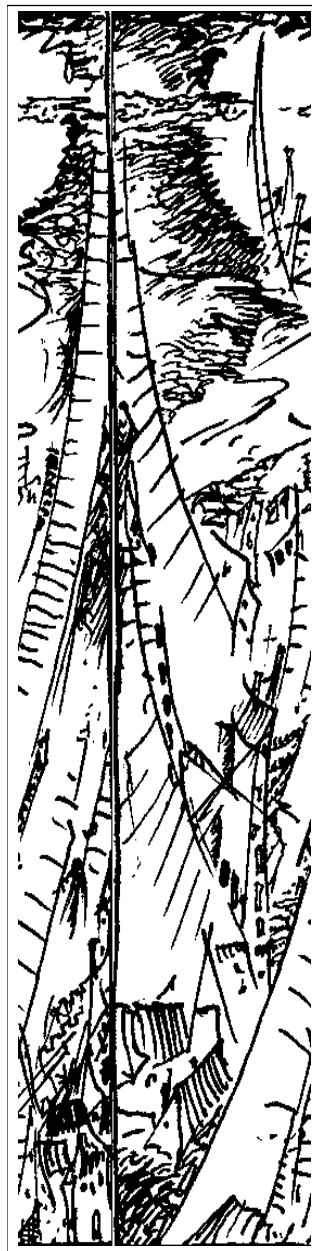
Может, во всем этом призракогенном превращении всего вокруг бытующего гуманитарного в уже во что-то призрачно постбытующее и был, как и есть, чей-то замысел, то ли вошедший изначально в проект «ЧЕЛОВЕК», то ли в него по ходу введенный, то ли как-то сам вдруг возникший на векторе «от природы к неприроде», от естественного к искусственному, от сакрального к обыденному, от божественного к сугубо людскому, но сейчас это уже *сам-себе-процесс* — продукт и наследник *прогресса* — ПРОГРЕССА!, который, видно, уже не остановить, но в который можно, по-видимому, войти с целью, хоть это и маловероятно, оседлать его и добиться в итоге чего-то *иного* — ИНОГО!, как раз человеческого, разумеется, уже *иного человеческого*.

Какого же? О-о, этого никто не знает, даже само ИНОЕ не знает, как, надо думать, и сам Господь на сейчас не знает, отчего все, что остается *все-еще-человеку*, конечно же, из думающих, понимающих, озабоченных, так это *осознать* всю ныне происходящее и неумолимо наступающее во всей своей полноте, красе, безобразности и роковой заданности, чтобы выйти осознанно, пусть и не без наития, на путь *спасения* — СПАСЕНИЯ! — и никак иначе, памятуя при этом, что спасутся от призракового наваждения и прельстительного помрачения, увы, *немногие*!

Главный редактор

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

И.Г. ШЕВЧЕНКО
Общество и капитал*

Аннотация. Главенство капитала в общественной жизни транслировало фиктивность капитала в фиктивность общества, породило системный процесс самоликвидации человечества и приближающуюся неизбежность выбора человечества между регрессом и возвратом к началу нового исторического цикла или формированием новой общечеловеческой общности.

Ключевые слова: капитал, фиктивность, общество, саморазрушение, новые феодалы, единый организм-человечество.

Abstract. The primacy of capital in public life translated the fictitiousness of capital into the fictitiousness of society, gave rise to a systemic process of self-destruction of humanity and the approaching inevitability of humanity's choice between regression and a return to the beginning of a new historical cycle or the formation of a new universal community.

Keywords: capital, fictitiousness, society, self-destruction, new feudal lords, asingle organism-humanity.

УДК 330
ББК 65в

Одним из важнейших факторов производства является капитал, на поверхности экономических явлений выступающий как самовозрастающие деньги. При этом уже не одно столетие исследователи отмечают наличие у капитала особой, глубинной природы, капитал рассматривается как особое общественное отношение, объединяющее труд, природные ресурсы, информацию в особый стоимостной комплекс, являющийся основой современного хозяйства и подобно магнитному полю охватывающему всю нашу планету.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шевченко И.Г. Общество и капитал // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 11—14.

Значимость капитала нашла свое отражение и в названии всего общественного строя, именуемого капитализмом, и в таком противоречивом и всеохватном явлении как капитализация. В узком смысле капитализацией называют оценку предприятия на фондовом рынке, более широко капитализацию понимают как процесс расширенного воспроизводства капитала. С точки зрения философии хозяйства капитализацией является добровольно принудительный процесс (что-то вроде современной вакцинации) превращения в капитал самих основ жизни человека и общества: природы, искусства, науки, самого человека и его (не только предпринимательских) способностей. Общеупотребительными становятся понятия: «моральный капитал», «политический капитал», «человеческий капитал», «научный капитал»...

Развиваясь и расширяясь, захватывая все новые ниши, территории и смыслы, капитал, тем не менее, не утрачивает своей денежной первоосновы, которая, подобно скелету, поддерживает саму несущую конструкцию современного общества: банковское и биржевое дело превратились в самую важную отрасль мирового хозяйства, управляющую не только товарным производством, но и оказывающую прямое и недвусмысленное воздействие на культуру, политику, военное дело, на сам образ жизни современного человека. Возвышение капитала как общественного феномена, превращение общества человеческого в общество денежное способствовали рассмотрению триумфа капитала как его особую высшую стадию развития — финансизм.

Описание особенностей и форм проявления капитала занимает сотни томов и тысячи публикаций, но одна его специфическая черта является наиболее важной для понимания всей общественной динамики. Этой чертой является фиктивность.

Первоначально под фиктивным капиталом понимался биржевой, спекулятивный капитал, акции и долговые ценные бумаги. Анализируя под руководством Ю.М. Осипова рынок российского акционерного капитала, я пришел к выводу, что фиктивность не является чертой исключительно ценных бумаг, производно отражающих движение реальных ресурсов действительного, производительного капитала. Фиктивность является глубинным свойством капитала вообще, отражающим его двойственную природу: с одной стороны, капитал, используя материальные ресурсы и труд, производит товары, с другой стороны, капитал создает новое богатство, имеющее

выраженную вероятностную природу, убедительно проявляемую банкротствами, кризисами, крахами и войнами.

На первоначальной стадии развития капитала его фиктивность играла важную созидательную роль. Подобно садовнику отрезающему высохшие, больные ветви, фиктивность безжалостно уничтожала неэффективные проекты, неподкрепленные амбиции и, в конечном счете, способствовала оздоровлению хозяйства и общества, формируя более надежную и рациональную структуру общественного производства, минимизируя разрушительные последствия неизбежного субъективизма и ограниченности человеческого сознания.

Последующее развитие капитала, превратившее его в доминирующий общественный феномен, придало фиктивности новую грозную силу. Если раньше фиктивность уничтожала отдельные проекты, в наше время фиктивность на плечах вездесущего капитала начинает превращать в мираж само человеческое общество: размываются и объявляются устаревшими моральные нормы, переписывается и фальсифицируется история, обычным предметам и явлениям приписываются несуществующие качества, реальные достижения вытесняются фальшивыми презентациями фальшивых результатов.

Начинается слом границ и национальных суверенитетов, дискредитация семьи и религии, размывается и ликвидируется сама человеческая идентичность, человек превращается в био-приставку электронных устройств, в объект агрессивных манипуляций многотысячной армией специалистов по рекламе, маркетингу, психологии, политологии, эзотериков и просто мошенников. Из инструмента оздоровления и гибкой настройки хозяйственной деятельности фиктивность капитала превратилась в инструмент самоликвидации человечества.

Остается открытым вопрос: дойдет ли ускоряющееся саморазрушение общества до своей финальной точки или остатки здравого смысла смогут спасти человечество? События последних лет позволяют сохранять сдержанный оптимизм: все большее количество людей начинают осознавать разрушительную природу капитала, его мировая система, объединившая, подобно Вавилонской башне, страны и народы, начинает разваливаться под собственной тяжестью на региональные подсистемы — здесь и утрата США мирового лидерства, и обособление Великобритании, США, Канады, Австралии и, возможно, Новой Зеландии в военно-политический союз, и формирование Китая собственной мировой хозяйственной зоны. Усиление

фиктивности денежного обращения усиливает спрос на реальные ресурсы, растет их цена и рациональность использования.

Все это подрывает могущество все более стремящегося в виртуальную реальность мирового капитала, ускоряет тот решающий момент времени, когда человечество окажется перед выбором: регресс в новое средневековье, с вырождающимися физически и деградирующими морально новыми феодалами или формирование нового, планетарного человека, когда каждая отдельная личность будет ощущать себя частью, а материальные блага будут лишь одним из условий поддержания биологического и духовного здоровья людей.

М.М. ГУЗЕВ

Человек в ловушке транспермен*

Аннотация. Исследуется проблема транспермен в мире и России. Раскрывается необратимый процесс краха либеральной идеологии в условиях цифровизации, в результате которого человек попал в своеобразную ловушку «транспермены — традиции»: транспермены неизбежны, геополитические, экономические, социальные, но самым устойчивым к трансперменам... оказался сам человек, с его мыслительной способностью, известной исключительностью и консерватизмом. Показываются особенность транспермен в России, необходимость реализации российской модели развития («быть самой собой»), делается вывод, что «искусственные человеки» не завоюют мир, будет преодолён «синдром жертвы» и человеку естественному удастся усмирить и бунт людей, и «бунт машин».

Ключевые слова: транспермены, крах либерализма, цифровизация, «синдром жертвы», миссия России, ловушка «транспермены — традиции», искусственный человек.

Abstract. The article reveals an irreversible process of the collapse of liberal ideology in the conditions of digitalization that leads to falling into the trap «transchanges — traditions»: transchanges, geopolitical,

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гузев М.М. Человек в ловушке транспермен // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 14—24.

economic, social, are irreversible; a man with his cognitive abilities, uniqueness and conservatism turned out to be the most resistant to transchanges. It shows the peculiarity of transchanges in Russia, the necessity of implementing the Russian model of development («being itself»). The article concludes that «artificial people» will not conquer the world, the «victim syndrome» will be overcome, a natural man will manage to put down the rebellion both of people and machines.

Keywords: transchanges, the collapse of liberalism, digitalization, «victim syndrome», the mission of Russia, the trap «transchanges-traditions», an artificial man.

УДК 1:316
ББК 60.02

В мире трансперемены случаются нечасто, вообще-то говоря, весь мир подвижен и изменчив, как и всякая живая система, он развивается, но не сказать, что совершенствуется, хотя не без этого. Правда, хотелось бы заранее определиться с критериями развития и совершенствования. Трудность состоит в том, что современный мир многолик и многообразен, в нем что-то для одних считается развитием, для других — обыденностью. Кроме того, составные части современного мира в каждый данный момент находятся на различных этапах своего исторического развития. Еще сложнее определиться с прогрессом: развитие и прогресс, наверное, не одно и то же, хотя они могут и совпадать. Поэтому говорить о происходивших транспеременах в мире довольно сложно, но все же, руководствуясь выбранными критериями, можно выделить некоторые исторические периоды, которые претендуют на роль особенных периодов в развитии человеческого общества — периодов трансперемен.

Если брать материальную составляющую критериев, к таким периодам трансперемен можно отнести рубеж XVIII—XIX вв. — переход к машинному производству, рубеж XIX—XX вв. — переход к «веку электричества», середину XX в. — переход к ядерной эпохе. В аспекте формационных изменений — за последние 2000 лет произошла всего одна трансперемена — переход от хозяйства к экономике в XVIII—XIX вв., и это касалось значительного меньшинства человечества, но «передового». В аспекте политического устройства общества к транспеременам можно отнести, с известной долей

условности, доминирующую тенденцию развития от монархии к постмонархическому устройству авторитарного или парламентского типа, которая проявлялась противоречиво и неоднозначно. К географическим трансформациям следует отнести эпоху Великих географических открытий и последовавший за ними передел мира.

Особенность нынешних трансформаций, которые назрели и уже начались, в их всеобщности и системности — изменяется все: идеология, материальная база, система экономических отношений, формы общественно-политического устройства общества, глобальные точки и территории роста и развития, доминирующие народы, религии и человеческие популяции, сам образ жизни людей.

На заре нынешних трансформаций Ф. Фукуяма предсказывал «конец истории», поскольку мир якобы достиг своего совершенства на базе единственной жизнеспособной либеральной идеологии. По прошествии некоторого времени, он, правда, стал сомневаться в этом тезисе, отдавая дань роли государства в общественном развитии. Свой вклад в предсказание нынешних трансформаций внес и С. Хантингтон, усомнившийся в универсальности либеральной идеологии для всего мира и предрекий в будущем «столкновение цивилизаций», прежде всего либеральной, свойственной Западу, и других культур. Если же сделать в истории шаг назад, то увидим, что точно такие же надежды возлагались в свое время на коммунистическую идеологию, которая должна была привести весь мир... тоже к «концу истории» — с повсеместным установлением коммунизма. И точно так же, как сейчас либеральная идея, коммунистическая идея не выдержала проверку временем, во всяком случае, в тех формах, в которых она реализовывалась.

Личная свобода человека, равенство — провозглашенные базовые принципы либерализма, как и формирование гармонично развитой личности, гуманизм — базовые принципы коммунизма, в настоящее время, в начале XXI в., ставятся под сомнение, более того, переход к информационному обществу, чипизации и искусственному интеллекту открывает невиданные перспективы для подавления свободы и роста неравенства, дегуманизации и тотального контроля человека. Это наблюдается и на национальном, и на глобальном уровнях, причем, процесс все более ускоряется, а растущие в геометрической прогрессии киберопасности не гарантируют не только

свободу и равенство, но и саму жизнь человека. Многие уже перестают отличать жизнь реальную от жизни виртуальной, обособляясь в собственном, унифицированном, безликом Я.

Всеобщий кризис и необходимость трансформации проявляются и в нарастании глобальных угроз современной цивилизации — от экономики и экологии до устойчивости политических и социальных систем. Экономический рост, на котором строится либеральное развитие, перестает быть драйвером прогресса. Особенно показателен тупик либеральной идеологии при решении проблемы бедности и нищеты, которые охватывают не только «слаборазвитые» территории, но и присутствуют в немалом количестве в самых «развитых» государствах мира. Причем, либеральная модель развития, как это становится совершенно очевидным, несмотря на колоссальный научно-технический прогресс, не способна решить проблему нищеты и бедности на планете в принципе.

Сбываются предсказания О. Шпенглера о «Закате Европы» как особой цивилизации, выстроенной на либеральной основе, высказанные ровно 100 лет тому назад. Кризис либерализма взял вековую паузу и в настоящее время в полной мере подтверждает правоту этого предсказания. Охватившая весь мир пандемия еще ярче высветила многие болезни либерализма, ускорила уход его с мировой сцены как доминирующей идеологии. Автору была предоставлена возможность высказаться по этому поводу на страницах «Философии хозяйства» в 2020 г.: *«Пандемия коронавируса — это последний гвоздь, вбитый в крышку гроба неолиберализма, конец глобализма в его нынешнем виде, и решающий аргумент в пользу авторитарного мироустройства государств с учетом опыта социалистического подхода в экономике, политике и социальной сфере»* [2, 41—42]. Даже такой яркий представитель глобальной либеральной элиты, основатель и руководитель Давосского форума К. Шваб не мог не отреагировать на очевидное, заявив, что пандемия — это смертный приговор неолиберализму, отдающему предпочтение конкуренции и рыночному фетишизму перед государственным вмешательством. Проявление кризиса либеральной модели многообразно. Прежде всего, как углубление противоречия между ростом технико-экономических возможностей решения проблем существования и развития человека и его ускоряющейся духовной деградацией. Все это чревато крахом не

только господствующей идеологии, но и крахом вселенским. Крах коммунистической идеологии проявился как крах советской системы и олицетворявшего ее Советского Союза. Крах либеральной идеологии охватывает «все цивилизованное человечество» и, очевидно, приведет к физическому краху олицетворяющих ее Европы и Америки.

Естественный вопрос: что дальше? Что взамен, если и либеральная идеология (капитализм), и марксистская идеология (социализм) оказались неспособными решать актуальные проблемы развития и прогресса? Трансперемены происходят независимо от воли или желания отдельных людей, хотя в этих переменах люди активно участвуют, появляются лидеры и глашатаи. Трансперемены — это объективный процесс развития и эволюции человеческого общества. Марксизм обосновывает историческую неизбежность перехода к социализму (коммунизму), но реализация различных социалистических моделей на практике в XX в. оказалась неоднозначной. О том, что «нужно отказаться от всей предыдущей истории и создать совершенно новый мир, новую нормальность, новый мировой порядок» (К. Шваб) писалось и раньше. Г. Уэльс еще в 1940 г. говорил о «новом мировом порядке», в котором будут управлять интеллектуалы. В книге Д. Оруэлла, вышедшей из печати в 1948 г., «1984» изображена тоталитарная система, пришедшая на смену капитализму, в которой отрицаются свобода и автономия личности, единая идеология, монополия на средства коммуникации и контроль над общественной и частной жизнью, подавление инакомыслия. В докладах Римскому клубу в 1972 и 1974 гг. (Д. Медоуз, Д. Форрестер, М. Месарович, Э. Пестель) в аспекте глобальных угроз настаивается на необходимости изменений, направленных на: 1) ограничение потребления, 2) сокращение населения, 3) установление мирового надгосударственного управления. Уже в наше — цифровое и информационное — время высказывается идея о переходе к эпохе «безлюдной демократии»: «В результате неизбежной цифровизации и роботизации политической системы возникнет высокотехнологичное государство — безлюдная демократия <...> Безлюдная демократия станет высшей и финальной формой человеческой государственности в преддверии эры машин. На ее платформе выстроится линейка вторичных и промежуточных моделей политического существования — карликовая

сверхдержава, экологическая диктатура, постпатриотическое сообщество, виртуальная республика...» [6].

Размышляя о выборе оптимальной модели развития для человеческого общества, хотелось бы акцентировать внимание на наступлении опасного периода эволюции общества и человека в аспекте международных отношений. После двух чудовищных по своим последствиям для «прогрессивного человечества» мировых войн, настало время, когда практически ушли поколения, участвовавшие или видевшие последнюю войну, этот ужас, выросло другое поколение, не отягощенное этой памятью, легко, с помощью компьютера рассматривающее историю виртуально и участвующее в ней дистанционно. Реальный и виртуальный мир переплелись в головах многих людей настолько, что человек перестает осознавать окружающий мир, легко способен на самые опасные поступки. Во многом так же строятся и международные отношения: вместо содержательных договоренностей и обязательств — фейковые новости и безответственные поверхностные суждения. В международных отношениях исчезает «красная черта», которую раньше невозможно было переступить. Теперь возможно все! Непрерывно идет процесс совершенствования орудий убийства людей, разрабатываются изощренные планы превентивных ударов, в том числе ядерных.

В последние три десятилетия мир постепенно втягивается в новое состояние, которое можно назвать «синдромом жертвы»: все обвиняют всех в своих проблемах и неспособности их решить; каждый стремится обеспечить собственное благополучие, нисколько не задумываясь о других; используются фейковые доказательства для оправдания крайне эгоистического поведения. Главным мировым «злодеем» все чаще выставляют Россию, которая «незаслуженно» владеет огромной территорией с колоссальными природными ресурсами. Многие политики на Западе, столкнувшись с ограниченностью возможностей либеральной модели устройства западного общества для решения современных национальных и мировых проблем, видят выход в территориальных изменениях, и главным полем таких изменений, по их мнению, должна стать Россия. Не в последнюю очередь по этой причине нашей стране 30 лет назад были навязаны, с помощью внутренних компрадоров, ненавистников и недалекого ума людей, так называемые либеральные ценности. Реализация

либеральной модели развития в России привела к расхищению ее интеллектуального, людского, материального и природно-ресурсного потенциала. Уходящий с мировой сцены, неолиберализм не мог дать стране нового импульса развития, даже если бы не было фатальных ошибок и преступлений с приватизацией и дегуманизацией. Прав О. Арин, утверждавший еще 20 лет назад: «В силу множества объективных и субъективных причин капитализм для России означает смерть. Именно эту банальную аксиому не может осознать правящая элита страны; не осознают ее и, как говорится, широкие массы. Кстати сказать, капитализм несет разрушение не только России, но и Западу, поскольку все свои творческие и прочие положительные качества он уже “отдал”» [1, 5—6].

В настоящее время внешние обстоятельства и нарастание реальных угроз постепенно приводят к пониманию национально-ориентированной российской элитой, что «существующая модель капитализма исчерпала себя», нужны трансформации. На страницах «Философии хозяйства» в течение многих лет убедительно обосновывается эта реальность, в противовес господствующей политике российских «европейцев»: «Сложившаяся в России экономическая “система” не способна стать основой прорыва и действенной политики: она неизбежно нивелирует все благие намерения и стратегии. При этом, несмотря на некоторые внешние системные признаки, она, скорее, является *псевдосистемой*, поскольку опутана деформациями как системными свойствами, не содержит в себе прогрессивную конструктивную ориентацию и слабо реализует национальные потребности, показывая свой хронически неконкурентоспособный характер» [3, 39].

В этой связи, обратимся к наследию русского философа Н.Я. Данилевского, который еще в XIX в., рассматривая исторически враждебное отношение к России и славянству со стороны Европы, обосновывал идею о причинах этой враждебности: Европа уже вступила в период упадка, в то время как славянская цивилизация находится на подъеме. Можно соглашаться или нет с таким выводом, но за последние 210 лет объединенная Европа неоднократно пыталась поработить Россию, «освободить ее от отсталости», сократить ее территориально и демографически, переделать ее на свой европейский лад, будь то бонапартизм, фашизм или неолиберализм, тем более что

со времен Петра I в России всегда существовало «европейское лобби». Не забыты эти планы и в современной Европе. Миссия же России, по Н.Я. Данилевскому, — быть самой собой, сохраняться особой цивилизацией, в этом ее сила и историческое преимущество.

Приведенные выше аргументы позволяют говорить об исторической неизбежности системных изменений экономической модели развития России, а вслед за этим, и вместе с этим, нас ждут глубокие изменения общественных институтов, механизмов и инструментов социально-экономического развития. И не просто ждут — требуется действие, требуется воля, требуется мобилизация. Известно и куда направлять это действие. Об этом давно и аргументированно заявляет Ю.М. Осипов: «Инфернальным потокам, нахлынувшим на Россию, придется противопоставить, ежели России суждено не только остаться географически, но и восстать Россией субъектно — **НОВОЙ РОССИЕЙ!** — не что иное, как *свои* — российские по духу, смыслу и значению — перемены, причем не левые и не правые, не либеральные и не консервативные, не европейские и не азиатские, а именно *российские*, о которых российский добропорядочный, не говоря об антироссийском ублюдочном, гражданин даже не подозревает» [4, 14].

Если с трансперементами в мире более или менее многое ясно — они неизбежны, хотя их содержание, формы и последствия далеко не однозначны, если с трансперементами в России тоже постепенно становится яснее — они также неизбежны, в направлении к сохранению собственной цивилизации, и субъектно, и демографически, и территориально, и экономически, и духовно, то с трансперементами самого человека все намного сложнее. Более того, человек попал в своеобразную ловушку «трансперемента — традиции»: трансперемента неизбежны, геополитические, экономические, социальные, но самым устойчивым к трансперементам <...> оказался сам человек — с его мыслительной способностью, известной исключительностью, традиционализмом и консерватизмом, вытекающими из многотысячелетнего опыта борьбы за существование как вида и как мыслящего существа. Но неумение изменяться, приспосабливаться — это скорее родовой недостаток, чем преимущество, в котором заложены многие возможные коллизии существования человека как вида. А, возможно, это и преимущество, поскольку сохранение

связи времен — и поколенческое, и духовное, и материальное — придает некоторую устойчивость современному обществу и самому человеку в быстро меняющемся мире.

Проблемность современного человека особенно проявляется на фоне разворачивающейся на наших глазах цифровой революции в глобальном масштабе. Как джин, выпущенный из бутылки, цифровизация и искусственный интеллект захватывают все новые и новые сферы человеческой жизнедеятельности. Вначале охватившая головы людей эйфория постепенно перешла в осторожную радость, а сейчас все больше возникает вопросов, появляется все большая озабоченность по поводу последствий тотального перехода на цифру для человеческого мира.

Цифровизация, как из рога изобилия, плодит лишних людей, не только лишних, как временно или абсолютно безработных, что является закономерностью капитализма, но и лишних абсолютно, согласно Т. Мальтусу, т. е. которых нужно либо кормить (бессмысленная трата средств), либо «проредить», либо попросту уничтожить, чтобы снизить непроизводительные расходы капитала. По разным оценкам, количество «лишних» может составить несколько миллиардов человек, пока.

Цифровизация все больше подменяет реальную жизнь на виртуальную, которая развивается по своим законам, лишь иногда пересекаясь с реальной. В результате этой имитации жизни, возникают и ее субъекты: «хозяева жизни» — закулисы, теневая элита; заказчики; исполнители — создатели цифрового продукта; массовые потребители, не способные к критическому восприятию жизни.

Цифровизация стремительно формирует новый тип «человека» — искусственного. Искусственный интеллект сначала подменяет естественного человека при выполнении различного вида работ, но постепенно начинает его вытеснять из общественного производства и общественной жизни и, в конечном счете, заменяет его полностью. Иллюзия реальной жизни становится абсолютной, когда искусственный интеллект перейдет к «рождению» или порождению себе подобных, что непременно случится. От чего недалеко и до «бунта машин».

Цифровизация разрушает «старую» — человеческую — цивилизацию и ведет к возникновению новой — искусственной —

цивилизации, в которой будут: искусственные «люди»; естественные оцифрованные люди, с новым смыслом жизни; новый регулируемый в масштабах планеты Земля климат; новые средства коммуникации; новые центры силы и принятия решений; новое расселение народов. Цифровизация разрушает личность человека. Вот это и будут транс-перемены.

Цифровизация не только рискует вырваться из-под контроля человека, но и приближает его к апокалипсису, поскольку «искусственные человеки», не отягощенные исторической памятью и ценностями естественных людей, будут действовать по законам неземной логики.

Что касается особенностей трансперемен для человека в России, то на ее сегодняшнем состоянии заметный след оставила уходящая неолиберальная идеология. Духовная разобщенность. Материальное доминирует над духовным. Животная составляющая превалирует над человеческим (человек и античеловек, по Ю.М. Осипову). Личные интересы становятся выше общинных, общенациональных и государственных. Ослабевают скрепы нации и государства. Православие пытается играть такую скрепляющую роль, но эта функция ему в XXI в. явно не по плечу, в силу многих причин: количество храмов еще ничего не говорит о качестве духовном, об идеологии, которая только и может объединить нацию.

Человек в ловушке трансперемен пытается найти выход из этого лабиринта, правда, пока не очень активно, на уровне добровольности, в свободное от работы время. Но время неумолимо, и ответ нужен сейчас. «В какой же роли окажется в составе искусственного разума человек — господина, вассала или раба? Наверное, во всех трех ролях сразу, однако непременно уже в разыгрываемой общим кентаврическим — искусственно-человеческим — разумом бытийной пьесе. Да и надолго ли? Очень уж это напоминает финальные акты театральных представлений» [5, 280]. И все же есть надежда, что человек останется человеком, усмирит «бунт машин», обратит взор на себя, подтверждением чему является само происхождение человека. Наверное, не зря он появился на планете Земля.

Литература

1. *Арин О.А.* Россия в стратегическом капкане. (Сер. Национальный интерес.) М.: Алгоритм, 2003.
2. *Гузов М.М.* Философско-хозяйственные уроки коронавируса COVID-19 // *Философия хозяйства*. 2020. № 4.
3. *Кульков В.М.* Социально-экономические перемены: поводы и ориентиры // *Философия хозяйства*. 2020. № 1.
4. *Осипов Ю.М.* Россия в переделье // *Философия хозяйства*. 2020. № 6.
5. *Осипов Ю.М.* Технологизм как похищение человека и ликвидация мира человеческого // *Философия хозяйства*. 2019. № 4.
6. *Сурков В.А.* Безлюдная демократия и другие политические чудеса 2121 года. Владислав Сурков специально для «Актуальных комментариев». Подробности от АК: URL: <https://actualcomment.ru/bezlyudnaya-demokratiya-i-drugie-politicheskie-chudesas-2121-goda-2110111125.html> (дата обращения: 20.11.2021).

References

1. *Arin O.A.* Rossiya v strategicheskom kapkane. (Ser. Nacionalnyj interes.) M.: Algoritm, 2003.
2. *Guzev M.M.* Filosofsko-hozyajstvennye uroki koronavirusa COVID-19 // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 4.
3. *Kul'kov V.M.* Socialno-ekonomicheskie peremeny: povody i orientiry // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 1.
4. *Osipov YU.M.* Rossiya v peredele // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 6.
5. *Osipov Yu.M.* Tekhnologizm kak pohishchenie cheloveka i likvidaciya mira chelovecheskogo // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 4.
6. *Surkov V.A.* Bezlyudnaya demokratiya i drugie politicheskie chudesas 2121 goda. Vladislav Surkov special'no dlya «Aktu-al'nyh kommentarijev». Podrobnosti ot AK: URL: <https://actualcomment.ru/bezlyudnaya-demokratiya-i-drugie-politicheskie-chudesas-2121-goda-2110111125.html> (data obrashcheniya: 20.11.2021).

А.Г. ПУДОВ

**Философия северного хозяйствования:
к постановке проблемы***

Аннотация. Новые мирохозяйственные уклады потребовали новой философии экономического развития, при этом обозначилось противоречие между социокультурной особенностью государства и капиталистическим способом производства. Наиболее остро это противоречие существует в северных регионах России — с большой инерцией традиционализма хозяйственных занятий, конципированных отголосками культуры домодерна. Целью работы является освещение методологических вопросов, вырастающих на повестке согласования ценностных и социокультурных императивов регионов России с возникающим посткапиталистическим мирохозяйственным укладом и общественно-экономическими отношениями. По мнению автора, философия северного хозяйствования должна быть основана на современной культурной динамике этнонационального региона, сочетающей традицию и модерн. При этом значимость обретают: феномен сакрального права собственности на Севере, «договорные отношения» с окружающей северной и арктической природой, закреплённые ценностями традиционализма, и холодовой фактор, фундированные идеей культурного федерализма и программами этнокультурной модернизации.

Ключевые слова: философия северного хозяйствования, этнокультурная модернизация, культурная самобытность, метафизика традиционной стоимости.

Abstract. New world economic structures demanded a new philosophy of economic development, and at the same time, a contradiction emerged between the socio-cultural features of the state with the capitalist mode of production. This contradiction is most acute in the northern regions of Russia with a large inertia of traditional economic activities,

*Тема обсуждалась на семинаре Отдела социально-экономического развития села ФГБНУ ЯНЦ СО РАН Якутского НИИ сельского хозяйства им. М.Г. Сафронова.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шевченко И.Г. Общество и капитал // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 25—44.

conceived by echoes of pre-modern culture. The aim of the work is to highlight the methodological issues that arise on the agenda of harmonizing the value and socio-cultural imperatives of the regions of Russia with the emerging post-capitalist world economic structure and socio-economic relations. According to the author, the philosophy of northern management should be based on the modern cultural dynamics of the ethno-national region, combining tradition and modernity. At the same time, the following things acquire significance: the phenomenon of sacred property rights in the North, «contractual relations» with the surrounding northern and Arctic nature, fixed by the values of traditionalism and the cold factor, founded by the idea of cultural federalism and programs of ethno-cultural modernization.

Keywords: northern economic philosophy, ethno-cultural modernization, cultural identity, metaphysics of traditional value.

УДК 130.2: 332.1
ББК 65в

Введение

Северо-восток и Арктика Российской Федерации были и остаются малонаселенной территорией земного шара. Традиционный уклад и хозяйственные занятия населения этих территорий столетиями закрепляли систему «договорных» отношений между обществом и природой, закрепленных социально-культурными особенностями, записанных на языке мифологических концептов. Тонкий слой бытия разворачивался на обширных малолюдных территориях, главным пафосом которого было продление феномена жизни и культуры, заданных в абсолютных концептах нравственного и духовного начала. «Экономика» хозяйствования изначально приняла форму природо- и человекомерной системы, концептуальным элементом которой стала метафизическая стоимость в противовес меновой стоимости рынка. Суть метафизики традиционной стоимости заключалась в дарообменных отношениях между природой и обществом, переносимых на всю совокупность общественных отношений, закрепляемых мифологическим мировоззрением. С вторжением активных товарно-денежных отношений капиталистического характера, со второй половины XIX столетия в Якутии начинается первая фаза социокультурной модернизации, меняющей феномен стоимости, принципиально искажающей традиционные ценностные установки,

подрывая сложившиеся хозяйственные модели, что отразилось на состоянии главного занятия — животноводства, испытавшего значительный спад. Так поголовье всех видов домашних животных Якутии с 1860 по 1905 г. сократилось с «585 048 до 430 179», т. е. на 26,47% [3, 111]. Столкновение двух ценностных доминант и соответствующих типов хозяйствования, двух моделей рационализма — традиционного, исключаящего прибыль, и капиталистического, где прибыль является приоритетом, стало разрушать животноводство. В данном историческом случае, погоня за прибылью подорвала одно из основных средств сельскохозяйственного производства на Севере — поголовье и племенное качество животных. На волне коллективизации и создания крупных аграрных хозяйств советского времени ментальные установки якутских селян в целом оставались традиционно конципированными. Дело в том, что патриархальное мировоззрение стало лишь основой, на которой были выстроены советские мифы, а плановая система ведения сельского хозяйства не развивала предпринимательские и инновационные ценности. По существу, хозяйственные императивы продолжали оставаться комплиментарными традиционной эпохе, не придающей товарному аграрному производству важной ценностной составляющей.

В настоящее время, когда Север и Арктика получают новую волну индустриального и социально-экономического развития, капиталистические модели экономики усугубляют хрупкие «договорные» отношения между обществом и природой. Они уже были напряженными в период советской эпохи промышленного освоения недр Севера и Арктики, сдерживаемого плановыми механизмами, несмотря на отраслевые перегибы. Хищнические инстинкты прибыли частного капитала нуждаются в противовесе со стороны общества и государства, в пристрастной экологической и гуманитарной экспертизе. Создание институтов-противовесов становится насущной хозяйственной задачей для всех регионов страны, а особенно на Севере и в Арктике.

Таким образом, в период глобального перехода к новым мирохозяйственным укладам и «философиям» экономического развития, в посткапиталистическую эпоху остро актуализировалось фундаментальное противоречие, вырастающее из онтологии социокультурных и мировоззренческих особенностей государства и его регионов с принятой парадигмой социально-экономического развития — капиталистической общественно-экономической формацией, в терминологии

К. Маркса, или, другими словами, капиталистического способа производства с присвоением прибавочного продукта частной стороной. Наиболее остро это противоречие обозначено для регионов, чья мировоззренческая позиция склонна к инерции традиционализма хозяйственных занятий, конципированных мифологическими отголосками домодерна. К таким регионам и относится Северо-Восток Российской Федерации — Республика Саха (Якутия), где преобладающая доля экономических занятий коренного населения приходится на аграрное производство с преобладанием традиционных отраслей — скотоводства, табунного коневодства, оленеводства, рыболовства и охотпромысла, а с XIX в. земледелия — фундирующих сохранение этнокультурных традиций, обычаев, ритуалов и языка.

Целью статьи является освещение методологических вопросов, вырастающих на повестке согласования ценностных и социокультурных императивов регионов России с определяемым в посткапиталистическую эпоху мирохозяйственным укладом, складывающимися общественно-экономическими отношениями.

В контексте категориальной пары «должного и сущего», методологической основой исследования становится дуалистическое видение:

а) соответствия общественно-экономической формации сложившейся традиции мирохозяйственного уклада, его ценностным предпочтениям и мировоззренческим установкам;

б) ограничения ценностных предпочтений и мировоззренческих установок наличествующего социокультурного уклада и национального характера со стороны институтов и отношений капиталистического способа производства.

Россия слишком многообразна своим социокультурным капиталом и природно-климатическими и географическими особенностями для того, чтобы иметь одинаково эффективный единый мирохозяйственный уклад на своей обширной территории. Ее мирохозяйственная особенность должна быть интегральным результатом дифференцированных эффективных культурных программ составляющих ее регионов.

Тенденции современной мировой экономики

На фоне заката модели неолиберальной глобализации, смены технологических и мирохозяйственных укладов [7] происходит смена лидера векового цикла накопления капитала. Центр мировой

экономики, по мнению С.Ю. Глазьева, смещается в Китай и Юго-Восточную Азию [5]. Выстраиваемая странами этого региона экономическая парадигма вбирает принципы госконтроля над главными параметрами воспроизводства экономики, идеологии общего блага и частной инициативы, заточенной на общее благополучие и личную ответственность [5, 20]. Альтернативный вариант нового мирохозяйственного уклада под гегемонией «хозяев денег» усматривается в инклюзивном капитализме, управляемом «мировым правительством», а технологический базис видится во всеобщей цифизации населения планеты на волне развязанных мировых пандемий [5, 26].

У М.Л. Хазина своя концепция распада Бреттон-Вудской долларовой системы и формирования в ближайшем десятилетии нескольких валютных зон — американской, евразийской, китайской и индийской, формирующих свои технологические зоны влияния и воспроизводственные экономические контуры [27]. Есть у автора контурный вариант будущего развития вне капиталистической и социалистической парадигмы, использующий потенциал солидарного капитала на основе социального и технологического прогресса.

Вместе с тем, с большой вероятностью общие тенденции могут быть подчинены инерции классической экономической мысли Запада: «живет лучше тот, кто больше потребляет». Поэтому оценки уровня и в какой-то мере качества жизни в данной парадигме измеряются в показателях потребления, которые ежегодно должны расти, вне зависимости от окружающего мира, человека и восстановления ресурсов [9, 81]. Альтернативами видятся позиции, предлагаемые в рамках буддисткой восстановительной экономики, когда через оптимальное потребление достигается максимальное удовлетворение потребностей. Главная цель, заинтересовавшая в указанном экономическом подходе — достижение самообеспечения. Вторым важным критерием, становится идея органического хозяйствования [11, 38] о натуральности и безопасности для человека продукции сельского хозяйства и промышленного производства.

Интересна позиция «буддийской экономики» Шиничи Иноу и Э. Шумахера — «срединного» пути между капитализмом и социализмом, между «безрассудством материализма и неповоротливостью традиционализма», где базовыми ценностями, согласно буддизму, являются ненасилие, в данном случае над природой, и простота, что подразумевает снижение стандарта потребления, ориентировку в производстве лишь на местные ресурсы [25]. Этот вариант

комплементарен для китайской и индийской экономических зон, являясь собственно культурно-историческим ядром данных цивилизаций. На этом фоне евразийская экономическая зона может обрести новую парадигму своего развития в ценностном поле аутентичной хозяйственной парадигмы северной циркумполярной цивилизации как идеального и модельного варианта для обретения гармоничного экономического хозяйствования в американской и евразийской макроэкономических зонах.

Следует заметить, что феномен рентабельности на Севере и в Арктике в рамках классической западной экономической парадигмы трудно реализуем, особенно в аграрных отраслях, в рамках имеющихся технологических укладов. Это нужно принять как должное. Поэтому ценностная составляющая этнокультур Севера и Арктики вырастает на традиционализме, аппликативном для разных сфер современной универсальной культуры, например, для современной глобальной экономики, находящейся на перепутье. Туда можно отнести феномен метафизики стоимости и идеи сакральной собственности, что может пригодиться для формулировки принципов новой общественно-экономической формации. Вообще эпичность разворачивающихся сегодня мировых политических сюжетов с крахом глобальной либеральной идеологии и финансового капитализма, пандемией и ростом военно-политического напряжения стала изоморфной, без всяких снисхождений, героике эпосов народов Севера, в частности, Олонхо у якутов, и это парадоксально. Поэтому этнокультура народов, проживающих на Северо-Востоке России, становится своего рода культурной миссией Севера и Арктики России в современном мире, где феномен Холода диктует свои границы и ценностные императивы.

Философские принципы традиционного северного хозяйствования

«Homo traditional» — человек традиционный, подчиняет свою хозяйственную жизнь канонам традиции [29, 43], которая трактует мир мифологической моделью космического и божественного порядка домодерна, который следует принять таким, какой он есть, подчиняясь ему, следуя его законам, умиловив специальными обрядами и ритуалами национальных мистерий. Все это вместе определяло хозяйственную систему «производства — распределения — обмена — потребления», которую в привычной последовательности

лучше начинать не с производства — ценностной доминанты модерна, настроенной на рост потребностей, а с императива естественного потребления — чем питаться зимой и сколько есть, так как изначально, на стадии зарождения хозяйственного традиционализма, оно было центрирующим началом при скудных ресурсах, де-факто определявших норму потребления для удовлетворения потребности сохранения и простого воспроизводства жизни.

Норма потребления являлась производной циклического повторения инсценировки мифа, а последний напоминал о воспроизводстве человеческого в полноте физических, нравственных и моральных качеств, где накопление благ не являлось главной мировоззренческой ценностью [29], а, следовательно, производство не было нацелено на максимальный прибавочный продукт, предназначенный для обмена-продажи, не говоря уже о таких изобретениях европейской культуры как ссудный процент. Торговля в традиционном обществе была средством поддержания существования [29, 44], а не извлечения прибыли, следовательно, возникшие деньги уже считались потенциальным источником неблагого, «дериватом» ростовщичества и ренты, трансформации феномена метафизической стоимости [28, 43] в меновую. Распределение в такой системе становилось институтом, транслирующим культурный феномен справедливости, основанный также на метафизико-нравственном универсальном начале — воспроизводстве человека. Это было хозяйствование, построенное на нравственных основаниях. Иначе, особенно на экстремально-климатическом Севере и Арктике, хозяйственное бытие не проявлялось. Оно и сегодня продолжает на Севере нести эту инерцию традиционного общества в XXI в., в этом уникальном геотрионе единства малочисленного населения, «ойкономики» (домостроительной экономики в аристотелевском смысле) и обширной природно и климатически дифференцированной территории. Сохранность и приумножение населения региона являлось и является в XXI столетии целью его социально-экономического развития, закрепившейся в инерционных механизмах менталитета, кодирующего неписаные установки и ценности, снивелированные примерно двумя столетиями неорганической модернизации — колониальной, советской и капиталистической.

Считаем, что для этнонациональных регионов России в настоящее время сложилась интересная и перспективная историко-культурная ситуация. Испытывая достаточно интенсивные для изменения

ментальности и социальных кодов поведения неорганические модернизации, начиная с царской России второй половины XIX столетия, затем советской модернизации, что отражено в диффузной и структуралистской культурной динамике [26], этнонациональные комплексы вышли на этап органической модернизации своей культурной среды на рубеже XX—XXI столетий. В своих работах, посвященных философии этнокультуры [16], мы констатируем особую ситуацию обретения ими европейского модерна, ярко заявившего о себе на первом этапе в сфере искусства. В культурной динамике искусство — в авангарде процесса. Последующая потребность реализации парадигмы этномодерна [20] финализируется и закрепляется в культурных практиках повседневного хозяйствования. В парадигме синергетики ситуация может быть описана наличием возможности этнокультурным регионам России реализовать новую хозяйственную парадигму, адекватную точке бифуркации в пересечении тенденций глобального, государственного и макрорегионального, внутренних возможностей самой культуры региона. Ясно, что инерция хозяйственных аттракторов пересиливает в силу инерции менталитета. Однако имеющаяся культурная динамика позволяет выстраивать планы реализации новых хозяйственных альтернатив.

Трудности в овладении рыночными императивами аграрниками, читай, сельскими жителями Республики Саха (Якутия), сегодня налицо. На фоне старения типичного представителя сельского хозяйства доля инновационно мыслящих предпринимателей не велика. В сельскохозяйственных организациях республики среди руководящего состава и специалистов доля лиц пенсионного возраста в 2019 г. (19,2%) превышает численность молодых специалистов до 30 лет (8,1%), а в 2020 г. соответственно 17,5% и 7,5%. Среди работников массовых профессий доля рабочих старше пенсионного возраста (12,2%) почти равна доле молодых рабочих до 30 лет (12,6%) [23, 584]. Получается, что превалирующий склад ментальности аграрника Якутии сформировался в советской, социалистической системе планового хозяйствования. Стоит заметить, что основания общественного сознания продолжали оставаться традиционалистскими и даже мифологическими. По крайней мере, подсознательное народа саха (самоназвание якутов) и в советские времена доминировало мифологически выстроенными концептами. Советская идеология сама представляла виток мифологизации превращенных христианских принципов. Поэтому, определяя перспективную философию

хозяйства этнонационального региона, следует сопоставить традиционные этические принципы хозяйствования, сложившиеся как в советскую эпоху, так и наработанные веками на Северо-Востоке России с возможной ее моделью. Этот подход согласуется с постепенным, но все более активным переосмыслением экономической парадигмы в России на фоне тупиковости предлагаемых неолиберальной элитой программ. Это также косвенно свидетельствует о коренных формационных изменениях в общественно-экономическом устройстве [14, 59—60], начавшихся в первой четверти XX в. на фоне нравственной истощенности капиталистической общественно-экономической формации, а именно внутренних противоречиях несоответствия нравственной природы и хозяйственного поведения. Наиболее остро эти противоречия проявляются не столько в средней полосе России, где возникает необходимость сконцентрироваться не на цивилизационных и формационных принципах, а, по мнению представителей московской школы философии хозяйства, на накоплении человеческого потенциала [21, 28]. Проявляются они во всей остроте на северных и арктических территориях России, где сама природа и ее климатические характеристики диктуют особую этику «договорных» взаимоотношений между природой, человеком и обществом, апеллируя к ценности метафизической, нежели меновой стоимости. Подобно русскому миру [21, 23], глубинной ценностью в Якутии является одухотворенная мифологическим верованием Природа, а не собственность, получающая легитимный статус опосредованно, природным созволением. Поэтому сакральным богатством является жизнеутверждающая продолженность поколений жизни на родной земле в согласии с природными законами традиций предков.

Включение в экономический анализ многоаспектности феномена человека ускоряет сдвиг к новой экономической парадигме, центром которой по праву должна стать российская цивилизация, и ее существенная часть — «циркумполярная цивилизация» [15]. В российской цивилизации преобразование модели человека, принятой в экономической теории, происходит с учетом его многомерной природы: нравственных ценностей, иррациональных привычек, неэгоистической мотивации и онтологии взаимодействия гетерогенных субъектов [13]. Если конкретизировать взаимосвязь этики и нехватки ресурсов [1, 55] в условиях традиционного хозяйствования на Севере, при нехватке хозяйственных ресурсов в тепле, свете, питательной растительности для животных и человека, умеренное,

нерасточительное, этически выверенное мифологическим мировоззрением поведение является необходимостью. При этом, каждая последующая единица потребляемого блага имеет на Севере прирастающую полезность с позиции этики удовлетворения будущих потребностей [13].

В связи со сказанным, сознание права собственности на Севере и в Арктике исторически сформировалось в модели сакральной, не индивидуализируемой «общечеловеческой собственности». Она принадлежит всем поколениям северян, а не отдельным из них, конципированная мифологемами «договорных отношений» с северной природой, что является результатом подсознательных императивов, сформированных мифопоэтическим пластом культуры. Этические принципы и моральные установки сформировали интеллектуальные достижения северной культуры, закрепив источники воспроизводимых и невозпроизводимых ресурсов северного края как природно-общественные достояние и собственность, не рассматриваемые как предмет частнособственнических интересов.

Технологический уклад на Севере и в Арктике остается смешанным, здесь преобладает масштабный аграрный и предпромышленный (добывающий) с элементами промышленного и информационного технологических укладов.

Отсталость технологического уклада обеспечена отсутствием линейки специальных холодовых технологий, не имевших широкого применения и не имеющих поныне место в условиях резкоконтинентального климата с крайне низкими температурами. Данный фактор остается сдерживающим для развития всех разновидностей технологических укладов региона. Без преодоления отставания в этой сфере говорить об экологичности и в какой-то мере рентабельности в принятой рыночной экономической парадигме сложно.

Указанное обстоятельство подталкивает к переосмыслению экономической парадигмы на Северо-Востоке, существовавшей на протяжении столетий — патриархальной, затем колониальной, далее — советской модели с элементами значительных социальных и технологических модернизаций и затем постсоветской безыдейности и социально-технологической деградации северных и арктических территорий. В настоящий момент, характерными особенностями экономического уклада районов Арктической зоны Якутии являются сырьевая направленность, неразвитость логистики и зависимость от внешнего завоза энергетической и социальной инфраструктуры,

отсутствие самообеспечения продовольствием, «высокозатратный механизм хозяйствования и неэквивалентное удорожание завозимых грузов» [22, 134]. В связи с этим возникает философский вопрос о границах применимости принятых для Севера и Арктики технократических установок, которые должны повернуться к эколого-гуманитарному и экологическому осмыслению экономической парадигмы [6], мы добавим, сохранению культурного капитала немногочисленных народов, освоивших эти огромные по площади и неблагоприятные по природно-климатическим условиям территории, исполняя геополитическую функцию присутствия человека на обширной холдной российской территории Северо-Востока Евразии.

Это должна быть смешанная экономическая парадигма с преобладанием новой модели экономики для Севера и Арктики. За основу предлагаемой парадигмы должна быть взята традиционная мирохозяйственная модель Севера и Арктики в части ценности экологических и «договорных» взаимоотношений общества и природы, а концептуальной основой — новая философия хозяйствования для Севера и Арктики Российской Федерации, использующая возобновляемые ресурсы.

К социокультурному профилю Якутии в свете новых экономических принципов северного хозяйствования

«Научись в жизни довольствоваться малым.
Если не научишься, потом тебя ничто не сможет
удовлетворить и насытить...» [10, 134]

На вызов культурной глобализации возникает логичный ответ в форме социокультурной модернизации, перестающей быть «догоняющей» западные культуры по использованию культурных особенностей региона и страны, которые волею истории сохранились и продолжают культивироваться, в отличие от многих регионов планеты. Это предполагает выстраивание регионами долгосрочных программ развития, институтом которых может стать идея «культурного федерализма» [18]. Культура Севера должна обрести роль капитала, а для многонациональной России реализоваться содержанием в форме «культурного федерализма», трансформировавшись в социокультурную экономику [2]. Если у А.А. Аузана прорыв социокультурной экономики приурочен к культурному и социальному капиталу нации

в целом [2, 5], то на внутрироссийском экономическом поле должна быть выстроена национально-дифференцированная система хозяйственных и культурных программ регионов, реализующая их социокультурный капитал.

На общемировом уровне, по мнению А.А. Аузана, доминирует преуспевание России в производстве уникальных штучных изделий, например, ядерных реакторов, и за это ответственны уникальные социокультурные коды «левши», чужающиеся стандартизации, конвенности, «копирности» с отсутствием вариативности и инновационности в процессе производства [2]. На внутреннем экономическом рынке этнокультурных предложений у регионов должно реализоваться свое «особенное», несмотря на наличие «общего» — национального экономического эгрегора. Так, глядя на феномен якутского кинематографа, занимающего сегодня третье место по количеству кинокартин в год после Москвы и Санкт-Петербурга, стоит отметить корреляцию к общенациональному — страсти к изготовлению «штучных изделий», и региональному — потребности в выражении искренности. То же самое нужно отнести к IT-компаниям якутского сектора экономики, приносящим сегодня ощутимые налоговые поступления.

Таким образом, социальный код саха, закрепленный в социальной структуре традиционного якутского общества, — «уус» (искренность, мастеровитость) способствует креативности в процессе производства в данном этнонациональном регионе и должен быть использован. Сугубо региональным качеством можно назвать качество «этнокультурной» инновационности, а именно, способности использовать на практике национальный культурный капитал [12, 19] для максимального снижения транзакционных издержек за счет снижения неопределенности при доверии друг другу в производстве и продвижении своего национального бренда. Это не что иное, как бондинговый региональный капитал, проакцентированный отсутствием опеки региональных властей.

Действительно, потенциал инновационности нужно искать этнонациональным регионам России в «неожиданно использованном старом» [12, 9], что, в принципе, соответствует культурной парадигме этномодерна [20], о которой мы говорим в последние годы как о синтезе метафизики домодерна и модерна. Данный синтез порождает феномен этнокультурного ренессанса, когда в культурном продукте «эпохи масс» соединились ранее не соединяемые вещи,

дарующие новые смыслы этнокультуре и ее символам. Вместе с тем, проигранный синтез в искусстве якутского кино и аутентичных компьютерных игр становится привлекательным, ибо будит исконное, но утраченное мифологическое, напоминая современным культурам постмодерна о сборке своей онтологической идентичности в контексте модерна.

Напомним, что русский культурный ренессанс — Серебряный век рубежа двух прошлых столетий — явился синтезом метафизики премодерна православия, домодерна славянского фольклора и европейского модерна. Это означает, что на фоне тотальности народившейся массовой культуры произошла реархаизация культурного ядра обращением к символическому, способному развязать продуктивное производство культурных форм, в том числе значимых для экономики страны. Это произошло в последующей советской модернизации, что мы считаем прямым следствием русского Серебряного века, сублимировавшего культурный ренессанс в научно-техническое творчество. Произошедшие в русской культуре рубежа XIX и XX вв. может случиться и сегодня, через столетие, в рамках этнокультурных комплексов регионов России, которые созрели для своих этнокультурных модернизаций [19] на фоне ассимилирующего пресса массовой культуры глобального мира. Это вызывает внутреннее желание этнической культуры пробиться к онтологии культурной самобытности-идентичности, апеллируя к своей специфичной экономической сфере как базису.

При этом важно опереться на социокультурные ресурсы самобытного региона, как это сделано исследователями, проанализировавшими конкурентные преимущества, например, Республики Казахстан, имеющей качественно сходные характеристики — социальные коды и ментальность, обеспеченные степными тюркскими корнями (для саха также будет доминирующим социальный капитал бондингового типа [24]). Согласно работам отечественных исследователей [4], наиболее индивидуалистичными в социокультурном плане являются Сибирь и Дальний Восток, к которым и относится Якутия.

Интересный аспект кроется и в сугубо северном социокультурном основании, апеллирующем к мифологическим традициям гармоничных «договорных» отношений с природой. Это материал для отдельного детального исследования, но крупным мазком следует упомянуть факт социального дисбаланса. Это преобладание «вахтовых»

и временных работников, не укорененных социокультурными кодами отношений с хрупкой природой Севера. Может, поэтому коренные представители Севера мало представлены в отраслях, наносящих значительный экологический урон природе северного и арктического краев. Является ли это фактором социокультурного неприятия коренным населением подобных хозяйственных занятий, когда интенсивно разрушается природная среда, флора и фауна? Объективный ответ следует искать тогда, когда сравниваются объективные возможности иметь в капиталистической системе владельца подобной добывающей компании из числа коренного населения и когда уровень освоённости культуры модерна станет достоянием широких масс населения республики.

Социокультурная модернизация советской поры интенсивно приобщала народы к модерну, вместе с тем выхолащивала традиционную национальную культуру. Однако в рамках идеи «культурного федерализма» и испытываемого сегодня этнокультурного ренессанса, ситуация может измениться. Культурные особенности регионов должны помочь в развитии российской государственности. Через них должны проявиться хозяйственные программы регионов, выявляющие их социокультурные преимущества, закреплённые исторически сложившимися отраслями.

Синергия российской многонациональности, формирование целостного культурного полотна России, в наши дни может быть связана с открытием перспектив модерна, органически завоеванном этнокультурными комплексами регионов Российской Федерации. Здесь этнокультурная модернизация подразумевает аутентичное овладение достижениями модерна с единым конечным результатом — надэтническим культурным совершенствованием и предложением новых культурных и хозяйственных продуктов-брендов.

2022-й, юбилейный год 100-летия образования Якутской АССР — хороший символический рубеж для закладывания основ региональной идеи развития, трансформирующей этнокультурный капитал в инновационные хозяйственные занятия. Последнее выльется в рост уровня и качество жизни человека на Севере и в Арктике, консолидацию общественного сознания горожан и селян, промышленников и аграрников.

100-летний юбилей Республики Саха (Якутия) совпал с интенсивной трансформацией мировой экономики и ее идеологии финансового глобализма и либерализма. Логика возникновения новых

союзов и структурных перестроений заставляет решительно пересматривать роль и место этнокультур в развитии государства, его новых ориентиров развития и артикуляции национальной идеи.

Логика поиска философии северного хозяйствования должна детерминировать экономическую систему северо-восточного региона России. Здесь нет противоречий с мотивационными и этическими принципами предпринимательства [8]. Экономические институты должны быть выстроены согласно философии северного хозяйствования, главными принципами которого должна стать преемственность социокультурным основаниям региона — самообеспеченности, экологичности, что определяет метафизически конципированную стоимость на Севере и в Арктике. Де-факто это исторически было реализовано в эпоху домодерна, премодерна и собственно советского варианта модерна.

Выводы

1. Для этнонациональных регионов России сложилась перспективная культурно-историческая ситуация, промодулированная органической модернизацией на волне культурного ренессанса, овладевающего императивами модерна.

2. Культурный феномен права собственности на Севере исторически сформировал модель сакральной, не индивидуализируемой собственности, принадлежащей всем поколениям северян, традиционно закрепив ее «договорными отношениями» с северной природой как природно-общественное достояние.

3. Холодовой и логистический фактор остается сдерживающим для развития технологических укладов региона с экологичной и рентабельной экономической парадигмой в классическом смысле.

4. Культура Севера должна обрести роль капитала, а для многонациональной России реализоваться содержательно в форме идеи культурного федерализма, трансформировавшись в социокультурную экономику с дифференцированными хозяйственными и культурными программами регионов, реализующих свой самобытный социокультурный капитал с конечным выдвижением надэтнических идей культурного совершенствования, программами этнокультурной модернизации и продуцированием новых креативных хозяйственных и культурных продуктов, брендированных культурным топосом региона.

7. Экономические институты должны быть выстроены согласно философии северного хозяйствования, главными принципами которого должна стать преимущество социокультурным основаниям региона — самообеспеченности, экологичности, самобытности, удовлетворяющей потребности в счастье как совокупности материальных и духовных потребностей.

Литература

1. Агапова И.И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия. М.: Юрист, 2002.
2. Аузан А. Социокультурная экономика // Наука и инновации. 2017. № 2 (168). С. 4—10.
3. Башарин Г.П. История животноводства в Якутии второй половины XIX — начала XX в. Якутск: Якутское книжное издательство. 1962, 126 с.
4. Брызгалов В.А., Никишина Е.Н. Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 108—126.
5. Глазьев С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 15—32.
6. Глазьев С.Ю. Созидание Арктики для созидания Евразии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 3 (25). С. 10—11.
7. Глазьев С.Ю., Айвазов А.Э., Беликов В.А. Циклически-волновые теории экономического развития и перспективы мировой экономики. Предсказуемо ли среднесрочное и долгосрочное развитие мировой экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 219. № 5. С. 177—211.
8. Гордова Э.А. Экономическая этика: прикладной и профессиональный характер // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 1 (09): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-etika-prikladnoy-i-professionalnyy-harakter/viewer> (дата обращения: 27.06.2021).
9. Зинченко В.В. Модернизация парадигмы глобализации: в поисках альтернативных моделей // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры. Материалы

IV Международной научно-практической конференции: в 2 ч. / Под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара: СГИК, 2016. С. 77—97.

10. Кондаков В.А. Религия Аар Айы: основные сведения. Якутск: СММК-Мастер; Полиграфия, 2011. 214 с.

11. Коптелова Т.И. Экономическая эффективность с точки зрения экологии: от ультраэкономики к органической парадигме хозяйства // Философия хозяйства. 2019. № 6 (96). С. 33—39.

12. Никишина Е.Н. Культурный капитал как фактор неопределенности и транзакционных издержек // Вест. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2015. № 5. С. 3—21.

13. Нифаева О.В. Развитие методологии экономической теории в контексте взаимосвязи с этикой // Проблемы современной экономики. 2020. № 1 (73); URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6808> (дата обращения: 27.06.2021).

14. Нифаева О.В. Роль этики в развитии экономической мысли и представлений о человеке экономическом // Философия хозяйства. 2020. № 6 (132). С. 58—73.

15. Пудов А.Г. Менталитет северян в контексте циркумполярной цивилизации. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2005.

16. Пудов А.Г. Перманентное символотворчество в контексте бытия этнокультуры и этноса: на примере современного профессионального искусства Якутии // Якутский философский журнал. 2019. № 1. С. 27—37.

17. Пудов А.Г. Символическая экспликация эволюции этнокультуры: на примере народа саха // Философия и культура. 2018. № 1. С. 32—38.

18. Пудов А.Г. Фактор устойчивости этнической культуры в глобальном мире: к концепции культурного федерализма // Обсерватория культуры. 2022. Т. 19. № 1. С. 44—51.

19. Пудов А.Г. Этнокультурная модернизация: дилемма выбора нового и старого // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29): В 2 ч. Ч. II. С. 164—168.

20. Пудов А.Г. Этномодерн — новая креативная парадигма художественной культуры Якутии // Манускрипт. 2019. № 4. С. 117—121.

21. Пшеницын И.В. Русский мир и антимир цивилизаций // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 26—33.

22. *Сергеева В.В.* Развитие системы социально-экономической безопасности населения Арктической зоны Республики Саха (Якутия). Дис. ... канд. экон. наук. Якутск, 2018.
23. Система ведения сельского хозяйства в Республике Саха (Якутия) на период 2021—2025 годы: методическое пособие. Белгород: Изд-во Сангалова К.Ю., 2021.
24. *Ставинская А., Никишина Е.* Социокультурный ресурс модернизации Республики Казахстан // Вопросы экономики. 2012. № 6. С. 74—82.
25. *Уланов М.С., Уланова Г.В. Э.Ф. Шумахер и концепция будущей экономики* // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 3 (23). С. 108—112.
26. *Флиер А.Я.* Принципиальные модели модернизации культурной среды // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 6 (ноябрь — декабрь): URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Flier_Environment-Modernization/ (дата обращения: 17.06.2021).
27. *Хазин М.Л.* Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. М.: Рипол Классик, 2019.
28. *Шевченко И.Г.* Метафизика стоимости // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 24—27.
29. *Яркова Е.Н.* Хозяйственная культура как ценностно-смысловая система (культурологический аспект) // Философия хозяйства. 2014. № 6 (96). С. 41—51.

References

1. *Agapova I.I.* Jekonomika i jetika: aspekty vzaimodejstvija. M.: Jurist, 2002.
2. *Auzan A.* Sociokul'turnaja jekonomika // Nauka i innovacii. 2017. № 2 (168). S. 4—10.
3. *Basharin G.P.* Istorija zhivotnovodstva v Jakutii vtoroj poloviny XIX — nachala XX v. Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatelstvo, 1962. 126 s.
4. *Bryzgalin V.A., Nikishina E.N.* Sushhestvuet li regional'naja sociokul'turnaja specifika v Rossii? Vozmozhnosti ispolzovanija sociokul'turnogo podhoda v jekonomike // Voprosy jekonomiki. 2020 № 7. S. 108—126.

5. *Glaz'ev S.JU.* Noonomika kak sterzhen' formirovanija novogo tehnologicheskogo i mirohozjajstvennogo ukladov // *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii.* 2020. № 2 (64). S. 15—32.

6. *Glaz'ev S.JU.* Sozidanije Arktiki dlja sozidanija Evrazii // *Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika.* 2018. № 3 (25). S. 10—11.

7. *Glaz'ev S.JU., Ajvazov A.JE., Belikov V.A.* Ciklicheski-volnovye teorii jekonomicheskogo razvitija i perspektivy mirovoj jekonomiki. Predskazuemo li srednesrochnoe i dolgosrochnoe razvitie mirovoj jekonomiki // *Nauchnye trudy Volnogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii.* 2019. T. 219. № 5. S. 177—211.

8. *Gordova JE.A.* Jekonomicheskaja jetika: prikladnoj i professional'nyj harakter // *Sovremennye issledovanija social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurnal).* 2012. № 1 (09): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-etika-prikladnoy-i-professional-nyy-harakter/viewer> (data obrashhenija: 27.06.2021).

9. *Zinchenko V.V.* Modernizacija paradigmy globalizacii: v poiskah alternativnyh modelej // *Modernizacija kul'tury: ot kul'turnoj politiki k vlasti kul'tury. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 chastjah / Ed. by S.V. Solov'evoj, V.I. Ionesova, L.M. Artamonovoj.* 2016. S. 77—97.

10. *Kondakov V.A.* Religija Aar Ajy: osnovnye svedenija. Jakutsk: SMIK-Master. Poligrafija. 2011.

11. *Koptelova T.I.* Jekonomicheskaja jeffektivnost' s tochki zrenija jekologii: ot ul'trajekonomiki k organicheskoy paradigme hozjajstva // *Filosofija hozjajstva.* 2019. № 6 (96). S. 33—39.

12. *Nikishina E.N.* Kul'turnyj kapital kak faktor neopredelennosti i transakcionnyh izderzhek // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika.* 2015. № 5. S. 3—21.

13. *Nifaeva O.V.* Razvitie metodologii jekonomicheskoy teorii v kontekste vzaimosvjazi s jetikoj // *Problemy sovremennoj jekonomiki.* 2020. № 1 (73): URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6808> (data obrashhenija: 27.06.2021).

14. *Nifaeva O.V.* Rol' jetiki v razvitii jekonomicheskoy mysli i predstavlenij o cheloveke jekonomicheskom // *Filosofija hozjajstva.* 2020. № 6 (132). S. 58—73.

15. *Pudov A.G.* Mentalitet severjan v kontekste cirkumpoljarnoj civilizacii. Jakutsk: Izd-vo JaGU, 2005.

16. *Pudov A.G.* Permanentnoe simvolotvorchestvo v kontekste bytija jetnokul'tury i jetnosa: na primere sovremennogo professional'nogo iskusstva Jakutii // *Jakutskij filosofskij zhurnal*. 2019. № 1. S. 27—37.
17. *Pudov A.G.* Simvolicheskaja jeksplikacija jevoljucii jetnokul'tury: na primere naroda saha // *Filosofija i kultura*. 2018. № 1. S. 32—38.
18. *Pudov A.G.* Faktor ustojchivosti jetnicheskoj kul'tury v globalnom mire: k koncepcii kulturnogo federalizma // *Observatorija kul'tury*. 2022. T. 19. № 1. S. 44—51.
19. *Pudov A.G.* Jetnokul'turnaja modernizacija: dilemma vybora novogo i starogo // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. № 3 (29): V 2 ch. Ch. II. S. 16—168.
20. *Pudov A.G.* Jetnomodern — novaja kreativnaja paradigma hudozhestvennoj kul'tury Jakutii // *Manuskript*. 2019. № 4. S. 117—121.
21. *Pshenicyn I.V.* Russkij mir i antimiry civilizacij // *Filosofija hozjajstva*. 2021. № 1. S. 26—33.
22. *Sergeeva V.V.* Razvitie sistemy social'no-jekonomicheskoj bezopasnosti naselenija Arkticheskoj zony Respubliki Saha (Jakutija). Dis. ... kand. ekon. nauk. YAkutsk, 2018.
23. Sistema vedenija sel'skogo hozjajstva v Respublike Saha (Jakutija) na period 2021—2025 gody: metodicheskoe posobie. Belgorod: Izd-vo Sangalova K.JU, 2021.
24. *Stavinskaja A., Nikishina E.* Sociokul'turnyj resurs modernizacii respubliky Kazahstan // *Voprosy jekonomiki*. 2012. № 6. S. 74—82.
25. *Ulanov M.S., Ulanova G.V. Je.F. Shumacher i koncepcija bud-dijskoj jekonomiki* // *Vestnik Kalmyckogo universiteta*. 2014. № 3 (23). S. 108—112.
26. *Flier A.JA.* Principial'nye modeli modernizacii kul'turnoj sredy // *Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*. 2013. № 6 (nojabr' — dekabr'): URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Flier_Environment-Modernization/ (data obrashhenija: 17.06.2021).
27. *Hazin M.L.* Vospominanija o budushhem. Idei sovremennoj jekonomiki. M.: Ripol Klassik, 2019.
28. *Shevchenko I.G.* Metafizika stoimosti // *Filosofija hozjajstva*. 2018. № 6. S. 24—27.
30. *Jarkova E.N.* Hozjajstvennaja kul'tura kak cennostno-smyslovaja sistema (kul'turologicheskij aspekt) // *Filosofija hozjajstva*. 2014. № 6 (96). S. 41—51.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ, Е.С. ЗОТОВА
Экономика в петле уробороса*

Аннотация. Исследуется феномен экономики в контекстах ее человеческого, имманентного и трансцендентного самоотрицания. 1. Экономика самоотрицает себя посредством тяжелейшей наследственности хрематистики, которая превращает человека в античеловека, несовместимого с экономикой, но пригодного быть материалом «деньгокрематория». 2. Экономика самоотрицает себя, превращаясь в мегамашину, превращающей природу, культуру и человека в беснующуюся мусорную свалку, вершащую над собой самосуд. 3. Великая неизвестность бездны судит и отрицает экономику в силу ее неспособности выразить и воплотить целостность тайны, безумия, зла, присущих человеческому миру. 4. Техномика — возможный наследник самоотрицания экономики.

Ключевые слова: хозяйство, экономика, отрицание.

Abstract. The article investigates the phenomenon of economics in the contexts of its human, inherent and transcendental self-denial. 1. Economics self-denounces itself through the gravest heredity of chrematistics which turns a human into an antihuman who is incompatible with the economy but fit to be the material of money. 2. Economics self-denounces itself turning into a megamachine transforming nature, culture and a human into a mad garbage dump overtaking lynching. 3. The great unknown of the abyss judges and denies economics due to its inability to express and embody the integrity of the mystery, madness, evil inherent in the human world. 4. Technomics is a possible heir to the self-denial of economics.

Keywords: economy, economics, denia.

УБК 330
ББК 65в

Экономика как реальность, как концептуальный образ — феномен не простой, хотя и не сложный, а *иной*, скрывающий в себе

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б., Зотова Е.С. Экономика в петле уробороса // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 45—56.

искусственные, рукотворные тайны, которые вынуждают экономику балансировать на краю бездны, тревожить призраков, вызывая их от страшного сна для темной работы превращения земного мира в мусор.

Именно непостижимость этой рукотворной тайны служит причиной того, что основной интерес современного человеческого мира вращается вокруг экономизма. Люди сотворили из экономики искусственного уробороса, принесли себя в ему жертву и не могут осознать, понять, как выбраться из сетей этого обезумевшего чудовища. Поэтому современный человеческий мир страдает роковой экономической одержимостью, не позволяющей понять инфернальную причину этой болезни, врачевателем которой, видимо, станет лишь апокалиптическая катастрофа. Видимо, философия хозяйства не случайно возникла и существует на экономическом факультете: раз есть опасная одержимость, значит нужен какой-то «экзорцизм», а тексты философии хозяйства скрыто содержат в себе его метафизику.

В своем известном афоризме Гегель заметил, что сова Минервы начинает полет лишь с наступлением сумерек¹. Сова — священная птица римско-эллинской богини мудрости, которая видит во мраке, творит новые умения людей, знает тайны «второго дыхания» человека, держит на замке ящик Пандоры. Мудрая сова полагает, что адекватное познание вещей возможно лишь накануне их исчезновения, когда они уже теряют бытие, но еще не приняты на постой в небытии; решая задачу «быть или не быть», вещи теряют когнитивную защиту, самоходом своего бытия переходят в режим своего инобытия, в рамках которого выявляются смысловые бездны их содержания. Познаваемость вещей реализуется лишь на границе с небытием, в их скольжении к небытию, когда у них остается лишь один шанс в этом мире — стать познанными, вскрыть, чем именно они были, зачем они были, каков смысл их возникновения, бытия, исчезновения. «У дикой бездны на краю» их спасает лишь их незнание своих бездн предначертаний.

Современная экономика, ступив на тропу самоотрицания, достигнув его финальной стадии, вполне созрела — даже перезрела —

¹ «Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» [2, 56].

для познания ее скрытых, темных топосов. Можно сказать, что лишь временная непознанность экономики держит ее еще в сем мире; в этом плане она представляет собой законченное *недо*-разумение и *недо*-умие самого бытия, ожидая того, кто даст ей осознание самой себя и тем самым отпустит ее из земного мира в бездну. Трактаты, интернетовские сайты под названием «Конец экономики» уже прочно обосновались в когнитивном пространстве, шумно и зловеще отпевая ее в чумных «пированиях».

Тотальное и летальное самоотрицание присуще экономике с момента ее возникновения, но своей зрелости оно достигло лишь в современной — падающей, трансгрессирующей — финансовомике, которая выявляет три формы, три пути своего дальнейшего движения, причем все пути грозят ей полным онтологическим крушением, полной потерей самого себя вместе со своей головой, «конем и царством».

Подлог и подвох заложены уже в самом слове «экономика», которое изначально у древних эллинов означало искусство, науку создания Дома и ведения хозяйства. Но дом понимался не только как здание для жилья, а символически и сакрально — как малый космос; экономика же означала организацию, устройство человеческой жизни в соответствии с канонами меры космоса — разумно, красиво, справедливо. Экономика была частью этики, а этика — частью философии, мудрости. Экономикой занимаются свободные, добродетельные граждане, выражая в ней избыток софийных жизненных сил, добровольно даримых миру. Экономика совпадала с хозяйством, а экономом и хозяином, создателем дома и семьи, рода, Родины является тот, кто способен воспринимать не только чужие идеи, но и творить собственные мысли. Неспособные к самостоятельному мыслетворчеству обречены стать слугами и рабами. Экономика была изначально своеобразной духовной практикой, соединяющей в себе уроки мудрости — мыслетворения и хозяйства — софийного житетворения человечности.

Хозяйство служит домостроевским задачам, используя деньги, рынок, рабов, даже войны — с целью достижения «благой и прекрасной жизни», высшими целями которой являются возвращение и воспитание мудрых, добродетельных граждан, патриотов своего Отечества, живущих по закону: «Жить, мыслить, хозяйствовать так, чтобы порождать наилучших людей». Домостроительство — экономика —

было, скорее, духовной практикой созидания семьи, воспитания детей и людей, обретения друзей.

Наряду с экономикой-хозяйством Аристотель выделял и хрематистику, сотворившую из денег неведомый культ. Деньги возникают из необходимости иметь всеобщее средство обмена товаров. Но деньги могут стать — и неизбежно становятся — самоцелью обмена, порождая беспредельную, неудовлетворяемую страсть к накоплению не товаров, а именно денег. Эту страсть и занятие Аристотель называл хрематистикой.

Какова же причина устремлений людей к беспредельному накоплению денег? Кто или что порождает и поддерживает эту страсть, вопреки ее практической абсурдности? Ведь людям нужны вещи за деньги, а не деньги за деньги. Ответ Аристотеля гласил: «В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично» [1, 393].

В безмерном накоплении денег лежит стремление людей к беспредельной жизни, к жизни вообще, пожалуй, и неосознаваемая ими жажда бессмертия. Но реально стремление к «жизни вообще» посредством безмерного накопления денег означает стремление не к жизни, а к абстракции жизни; «жизнь вообще» — это абстракция, которая представляет собой бесплодное отрицание, смерть, ненасытное поглощение. Любая абстракция есть ненасытное и ненасытимое ничто. Абстракция дерева, например, включает в себя возможные деревья всех времен и пространств; но все деревья мира не насытят ее, не наполнят ее inferнальное чрево. Так и безмерное накопление денег не насытит абстракцию жизни вообще (см.: [5, 54—55]).

Аристотель не ставит вопрос о том, кто является инициатором этого безмерного накопления денег. Человек умножает деньги ради денег добровольно или же присущий самим деньгам скрытый дух возбуждает у них это влечение? Или есть нечто «третье», порождающее одержимость людей деньгами? Не исследовал Аристотель и выводов, неизбежно следующих из постулата о тождестве абстракции жизни вообще, безмерного накопления денег и смерти.

А выводы эти прелюбопытнейшие! Значит, деньги не только средство обмена и форма абстрактного богатства, но они и связывают человека с Аидом, являются приглашением, путевкой и

билетом в его царство. А хрематистика, т. е. накопление денег как самоцель, призвана выполнять функцию Харона по ускоренной доставке деньголюбивых существ в Аид. Только цена такой доставки — жизнь.

Аристотель выделял хрематистику прямую — накопление денег посредством торговли — и теневую — ростовщичество. Последнее мыслитель безоговорочно и резко отрицал, считая его противоестественным, предельно извращенным делом и занятием, которое должно пресекаться насилем [1, 395]; в этом плане, «насилию... присущ до известной степени элемент добродетели» [1, 385].

Хрематистика, как и экономика, использует деньги, а потому люди принимают ее за саму экономику, хотя она ее антипод. Ибо хрематистика не следует природе и благу жизни, а нацелена на эксплуатацию посредством ростовщичества, которое для всех людей ненавистно, так как оно извлекает свою прибыль из денег, а не из вещей, ради обращения которых были введены деньги. Деньги должны облегчить торговлю, но «хремасты»-ростовщики извращают саму суть денег, превращая их в самоцель обменов. Поэтому для Аристотеля хрематистика есть самый извращенный вид обогащения и бытия [1, 295].

Итак, пагуба современной экономики заложена в ее истоках: уже само слово «экономика» натянули на антиэкономику — хрематистику — и назвали ее экономикой, а саму экономику — как способ устройства, организации жизни посредством мудрого хозяйства — устранили из словаря науки. По сути, современная экономика — это терпящий крушение проект хрематистики.

«Но, если безмерное накопление денег противоречит естеству человека, природе, жизни, богам, значит, оно соответствует нечеловеческому, нежизненному, неприродному началу, которое это накопление денег в качестве самоцели сохраняет, поощряет и покровительствует ему вопреки общей воле граждан полиса². Если нечто

² Аналогичную ситуацию Аристотель усматривал и в медицине, которая ради умножения денег нарушит все клятвы и будет стремиться к продлению и умножению болезней. Вместо реальной помощи людям, медицина начинает гоняться за мертвым призраком однеженного здоровья. Аристотель предвидел, что когда здоровье людей, сама жизнь будут зависеть от коммерческой медицины, то придет конец здоровью, жизни вместе с богатеейшей медициной [1, 392].

противоречит человеческому миру и все же процветает в нем, даже временами повелевая им, значит, это нечто опирается на мощь внемировых сил, царством и царем которых является Аид. Древние не заглядывали по ту сторону таких антиестественных феноменов, хотя феномены эти навязывали и навязывают свою волю обитателям естественного мира» [5, 56].

Хрематистика есть болезнь, патология полисной и личной жизни. «Хремасты» делают свой «гешефт» не от избытка жизни, а от ее недостатка, из нетерпимой внутренней пустоты своего существования, которое они пытаются восполнить денежным пожиранием других людей, созерцанием их бед и страданий. Им всегда всего мало, они бесплодно жадны, являясь черными дырами человечности. Они представляют собой особый вид первертов, занимающихся постоянной оптимизацией человеческого мира ради безмерного умножения денег. А лучшими способами обретения денег служат войны, убийства собственников, ибо они нацелены на уничтожение домо-строителей.

Царем «хремастов» служит мифологический Мидас, мечтавший о том, чтобы все вокруг него превращалось в золото, и чуть не погибший при реализации этого алчно-безумного желания. Эти противоестественные существа, которые не являются ни богами, ни людьми, ни животными, суть, по Аристотелю, антилюди (кентавры), и к ним справедливо и добродетельно применение насилия, дабы искоренить эту болезнь. Вот в плену у каких чудовищ Бездны оказался сегодня человек!

Деньги-самоцель несут в себе скрытую смерть, превращение человека в античеловека, поэтому миг их полной победы будет в то же время мигом их гибели вместе с теми людьми, которые связали с ними свою судьбу. Стремление к безмерному накоплению денег, к беспредельному здоровью есть отход от реалий жизни к абстракциям, а через абстракции — к смерти, которая во всех отношениях беспредельна. Однако мало кто приподнимает завесу, за которой прячутся демоны, попирающие *меры* мира, которые охраняет беспощадная Немезида.

Таким образом, ставшая экономикой, хрематистика как результат деятельности людей обесчеловечивает их, обезумливает и обессознанивает человека, превращая его разум и сознание в средства умножения смертного безумия, присущего алчности и деньгам.

Во-первых, экономика превращает человека в хрематиста, в клиента Харона, в постчеловека, в античеловека, который упраздняет несоответствующую ему экономику, превращает ее в антиэкономику, в беснующегося монстра. Экономика «портит» человека³, который «портит экономику», совместными усилиями создавая ситуацию цугцванга, когда любые решения, действия и бездействие человека лишь ухудшают работу как экономики, так и человека, ускоряя их летальное движение. Сам человек в зрелой, падающей экономике не может оставаться человеком, он не может стать нечеловеком, античеловеком, застывая, окаменевая в тупой безнадежности своего бытия от взора экономической горгоны. Внутренняя, имманентная цель экономики — ее устремление в царство Аида — лишает ее прав и возможностей оставаться в бытии. Для хрематистики деньги не пахнут, а вот для экономики-хозяйства они пахнут серой и мертвечиной.

Во-вторых, экономика и сама по себе — вопреки человеку и вопреки своей творящей субстанции — неизбежно вступает на тропу самоотрицания. Хрематистика в облике экономики обладает своеобразной объективной реальностью, которой присущи относительная автономия и тайное самобытие. А поэтому экономика, следуя своей автономии, движется и по вектору «хода вещей», вступая в финальную фазу своего самоотрицания, неизбежно превращая производительные силы в силы разрушительные.

И это самоотрицание экономики наглядно проявляется в угрожающе-летальном росте мусора, отходов. Современная экономика становится планетарной мегамашинной, перерабатывающей природу, культуру, идеальные творения, самого человека и цивилизацию в мусор и в отходы. И против растущих масс вещественного мусора экономика и лелеемые ею технологии бессильны, ибо для их полной и безвредной утилизации необходимо повернуть время назад. А гендерные, электронные, ментальные, социокультурные, информационные отбросы, превращаясь в вирусы, вообще не могут быть утилизированы из-за своей агрессивности и быстрого роста.

Экономика производит уже не столько реальные вещи, сколько симулякры, искусственные продукты, псевдокультуру, псевдонауку, постправду и постчеловека. Экономика превращает

³ Искусство не создало привлекательного образа ростовщика, банкира, пристава, коллектора.

пространство социальной и личной жизни в территорию тотально беснующейся помойки. Экономика товаров и услуг становится экономикой отребья.

Ужасает то, что экономика-хрематистика уже с самого начала сообразила, что самыми простыми, выгодными и быстрыми видами деньгоумножения становятся смерть, войны и социальный геноцид населения. Особенно, если убивать семьи и народы. Для хрематистов проще и выгоднее всего превращать в деньги человеческие жизни.

Если изучать историю на уровне оснований, то именно убийство, изведение населения, является главной целью экономики. Кроме безграничного воровства, которое неизбежно сопровождает войны, основную выгоду приносит массовая гибель людей. Уничтожение будущих отцов и продолжателей рода позволяет капиталу присвоить их собственность, а выживших заставить годами работать почти бесплатно. Экономика создана и заточена на войну, на изъятие у народов всех ценностей, на превращение их в золото, от которого рухнут и сама экономика, и ее хозяева — ростовщики. Достигнув своей цели, превратив все красочное разнообразие мира в золото, экономика закончит свою историческую миссию гламурно-золотым суицидом.

В краткосрочной перспективе наиболее выгоден социальный геноцид, который осуществляется разрушением здравоохранения, образования, культуры, пропагандой гедонизма. Ипотека превращает людей в рабов денег, лишая их динамизма и возможности иметь потомство. Микрокредиты и коллекторы, черные риелторы, наркомания и наркоторговля, трансплантология, миграция, толерантность, проституция успешно превращают население в деньги хрематистов. Во многих современных государствах эти способы денежной утилизации населения поставлены на поток.

Особенно тонкий геноцид осуществляется посредством обесмысливания исторической памяти людей. Для убийства народов даже необязательно устраивать войны, достаточно лишить людей будущего, оболгать их прошлое, развратить, одурманить их, открыв врата алкоголизму и наркомании. И люди будут вымирать сами, безвольно освобождая созданную их трудом собственность для безнаказанного присвоения современными хрематистами, т. е. капиталокретами.

Политика социального геноцида самоубийственна, однако капиталократия в финальной, сумеречной фазе своего развития не может отказаться от самого простого и выгодного бизнеса — уничтожения населения; и эта хрематистическая утилизация населения сегодня служит важным фактором сохранения и саморазоблачения «людоедской» экономики.

Сегодня настал момент истины для экономики, которая сама себя разоблачает как палача и карателя людей. Чем больше жертв, тем больше прибыли, тем совершенней экономика. Экономика — главная наука апокалипсиса, его когнитивный регулятор и оптимизатор.

Но экономика не только плод деятельности человека, она не только творит сама себя в качестве счетно-расчетного вычисляющего искусственного интеллекта, она также является собственностью, инструментом, формой проявления действия Великой неизвестности, *Бездны*.

Поэтому, в-третьих, экономику не приемлют, отрицают высшие властители мироздания — Бог, Судьба, Великая неизвестность. Почему? Экономика не может выразить целостность миротворной *тайны* Вселенной, бытия, человека. Нужно осознавать и выражать не только действия «невидимой руки» рынка (А. Смит), но и работу невидимого организма Бездны, принимающей решения и выполняющей их посредством экономики и человека. Экономика не может выразить целостность всеясветного безумия, она не может осознать даже целостность своего же безумия, пытаясь охватить и преодолеть его посредством рациональных моделей бесконечного и беспредельного роста.

Высшие властители мира обвиняют экономику не за то, что она безумна, а за то, что она безумна не до конца, а это хуже, чем полное безумие, ибо полубезумие для восполнения своей неполноты рвется во власть, угрожает высшим правителям. Экономике неведома обуславливающая ее Великая неизвестность, а потому она не может освоить, учесть алгоритмы действия этого миротворного фактора. Экономика служит дьяволу, является его орудием, но она не может выразить, воплотить всю инфермальную полноту дьявола, стать его зловещей натурой, не может вместить в себя целостность зла, а потому высшая инфермальность отрицает ее именно в силу ее недостаточного людоедства. То, что экономика изводит людей,

хорошо, но плохо то, что изводит мало, не позволяя оставшимся вовремя распознать ее уроборосную суть, затягивая тем самым ведущийся Бездной и Софией Премудростью процесс исцеления человечества.

Таким образом, блага, приносимые экономикой, никак не перевешивают несущего ею зла, а ее зло недостаточно для оправдания ее бытия даже в качестве негативности. И проявлением этого несоответствия экономики высшим властителям мироздания являются перманентные кризисы, сопровождающие экономику с момента ее появления. Кризис означает «суд». И если до сих пор экономику судили выездные бригады «высшего суда», то сегодня — в кризисе — работают высшие властители, вершащие свой апокалиптический суд, который не имеет и не знает ни сакрального, ни эволюционного, ни человеческого исхода-приговора. В этом суде главную роль играет тайное, безумное отрицание, не смягченное милосердием отрицания-отрицания. И вердикт этого высшего суда гласит: «Поскольку экономика не соответствует экзистенции человека, не соответствует своей собственной квинтэкзистенции и метаэкзистенции верховных правителей мироздания, то мы освобождаем ее от своих функций и передаем ее права и обязанности *Техносу*, который на следующем этапе апокалиптического Ренессанса более полно и адекватно сумеет выразить и воплотить миротворную неизвестность ее тайны, присущие ей безумие и творящее зло». И сегодня технос по своей порочности и злотворности убедительно превосходит экономику.

Но в качестве пилотного проекта высшие правители запустили философию хозяйства и софиасофию, которые восстанавливают подлинные, исходные хозяйственное, институциональное значение и назначение экономики созидателя Дома человеческого мира. Но хозяйственная демиургия может установиться лишь после завершения апокалиптического врачевания экономической хрематистики.

Таким образом, самоотрицание экономики, замеченное мудрой совой Минервы, выступает как триединый процесс ее ухода из бытия.

Экономика как плод, как результат человеческой демиургии превращается в хрематистского монстра, формирующего из человека античеловека, уничтожая, тем самым, своего создателя и потребителя, свою движущую силу. Экономика становится смертотворной

абстракцией, абстрагирующей человека от жизни и от человечности, порождая ситуацию цугцванга.

Экономика как автономная объективная сущность отрицает себя, превращаясь в мегамашину, преобразующую природу, культуру, человека, а в итоге и самое себя в физический, инфернальный, электронный, ментальный мусор, в отбросы и в отходы. Посредством кризисов великие властители мира отрицают экономику в силу ее неспособности выразить каноны тайны, неизвестности, судьбы, безумия, бездны мироздания, заменяя ее *техносом*, обладающим более широким пространством для обитания и действия негатива. Простую хрематистику судит Аид, хрематистика, ставшая, экономикой мусора, вершит над собой самосуд, хрематистику, ставшую экономикой смерти, судят великие властители Божьего суда. Для хрематистики деньги не пахнут, в мусорной экономике деньги воняют, в цифровой экономике деньги угрожают и убивают.

С точки зрения совиной метафизики экономика есть искусственное коллективное сознание, коллективный искусственный разум. Он существует давно; это — абстрактный коллективный разум, возникший задолго до его машинного воплощения; искусственный разум — совместный проект людей, «хремастов», абстрактной «жизни вообще». Этот искусственный разум занимается расчетами, счетами, вычислениями движений, оборотов денег во всех сферах человеческого мира: сфере труда, сознания и т. д. Экономика — это рабочий процесс оборота денег, вычисляющих, измеряющих во всех сферах человеческого мира меру и степень потребления и летального расхода человеческой субстанции. Материалом, субстанцией самой экономики, орудиями исполнения ее приговоров являются цифры и числа.

Экономика — полигибридный феномен, охватывающий движение результатов труда, денег, силовых акторов. Важными и неучитываемыми сторонами, компонентами экономики являются силовые факторы, насилие, убийства, грабежи, рейдерство и войны. И решающий в экономике — именно силовой фактор. «Война — отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, другим — людьми; одних она сделала рабами, других — свободными» [3, 46]. И «экономика — это война!.. а еще лучше — игра-война» [4, 132].

Экономика представляет мир, человека, жизнь глазами деструктивной матрицы Бездны. Этот уроборос больше ест, чем

отрастает. Экономика — проект хрематистики, составленный и нарисованный смертью для того, чтобы он работал на ее благо, поставляя ей человеческое сырье. Экономику нельзя понять, исходя из земли, нельзя понять, исходя из неба, нельзя понять, исходя из самой же экономики. Ее можно постигать как перекресток, пересечение действий миротворных сил человека, экономики и Великой неизвестности. И точкой, местом встречи этих разнонаправленных сил, являются мудрость, философия хозяйства.

Хозяйству присущи не только естественное сознание и естественный ум — в нем работает и метафизический — софийный — дух жизни, содержащий в себе и световое продолжение. Хозяйство питается избытком софийной энергии жизни. А потому после всех социоэкономических кризисов и катастроф самоспасение бытия начнется с возрождения домостроительных искусств, навыков хозяйства, о чем говорят мудрость и философия хозяйства, а все естественное использует искусственное в качестве средства своего роста и укрепления.

Литература

1. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
3. *Материалисты Древней Греции*. М.: Госполитиздат, 1955.
4. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма): Антипособие. М.: ТЕИС, 2017.
5. *Шулевский Н.Б.* Россия или экономика-хрематистика? // Философия хозяйства. 2013. № 5. С. 48—61.

References

1. *Aristotel'*. Soch.: V 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1984.
2. *Gegel' G.V.F.* Filosofiya prava. M.: Mysl', 1990.
3. *Materialisty Drevnej Grecii*. M.: Gospolitizdat, 1955.
4. *Osipov YU.M.* Ekonomika kak est' (otkroveniya Zoila, ili Sudnyj den' ekonomizma): Antiposobie. M.: TEIS, 2017.
5. *SHulevskij N.B.* Rossiya ili ekonomika-hrematistika? // Filosofiya hozyajstva. 2013. № 5. S. 48—61.

В.И. БАКЛАНОВ

Россия: генезис капитализма гибридного типа*

Аннотация. В статье исследуется период генезиса и становления новороссийского капитализма с приобретенным в 1990-е гг. набором гибридных социально-экономических черт. Цель работы: выявить ключевые и специфические особенности становления основ российского капитализма после победы в СССР-РФ буржуазной революции 1991—1993 гг. Задачей исследования было рассмотреть становление российского капитализма через увязывание его основ с политической буржуазной революцией 1991—1993 гг., которая, по мнению автора, во многом предопределила характер и сущность гибридных форм капитализма в России. В качестве методологической основы в статье, помимо общенаучных методов, использовались диалектико-материалистический метод и марксистский дискурс классово-материалистического подхода. Результаты исследования подтвердили выполнение поставленных целей: в России путем радикальных преобразований высшей бюрократии («революции сверху» в начале 1990-х), возник отсталый и зависимый капитализм периферийного типа, с массой гибридных форм (докапиталистического, советско-бюрократического и современного капиталистического укладов).

Ключевые слова: революция, реставрация, новороссийский капитализм, гибридность.

Abstract. The article examines the period of genesis and formation of Novorossiysk capitalism with the acquired set of hybrid socio-economic traits in the 90-s of the XX century. The aim of the work is to identify the key and specific features of the formation of the foundations of Russian capitalism, after the victory of the bourgeois revolution of 1991—1993 in the USSR-RF. The aim of the study was to consider the formation of Russian capitalism through linking its foundations with the political bourgeois revolution of 1991—1993, which, according to the author, largely predetermined the nature and essence of hybrid forms of capitalism

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бакланов В.И. Россия: генезис капитализма гибридного типа // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 57—67.

in Russia. As a methodological basis in the article, in addition to general scientific methods, the dialectical-materialistic method and the Marxist discourse of the class-materialistic approach were used. The results of the study confirmed the fulfillment of the set goals: in Russia, through radical transformations of the highest bureaucracy (the «revolution from above» in the early 1990-s), a backward and dependent capitalism of a peripheral type emerged, with a mass of hybrid forms (pre-capitalist, Soviet-bureaucratic and modern capitalist structures).

Keywords: revolution, restoration, Novorossiysk capitalism, hybridity.

УДК 32 (321).
ББК- 63, 3 (2) 64.

Введение

Итак, почему капитализм называем новороссийским? С нашей точки зрения, новороссийский капитализм не предполагает социально-экономической преемственности от дореволюционного капитализма, а является во всем продуктом трансформированной советской общественно-государственной системы. Здесь нам близка точка зрения М. Лебского, который считает, что на формирование капитализма в современной России повлияли два ключевых фактора: 1) социально-экономические структуры Советского Союза, 2) включение России в мировую капиталистическую систему на этапе неолиберальной глобализации [5, 8].

В нашем исследовании кроме марксистской политэкономической теории (в том числе трудов американского географа Д. Харви) используется еще и мир-системный подход, представленный трудами И. Валлерстайна и С. Амина, а также работами отечественного экономиста Р. Дзарасова, социолога Б. Кагарлицкого и др. В рамках этого подхода капиталистическая мир-система объясняется как мирохозяйственная и строго иерархическая система, в которой есть господствующий и развитый центр, аккумулирующий в себе стекающие к нему капиталы со всех зависимых от него более отсталых (периферийных) и менее отсталых (полупериферийных) капиталистических стран. Поэтому есть капитализм развитый — капитализм центра (первого мира) — экономически более богатый и имеющий качественно более высокую политико-социально-правовую

инфраструктуру. Условный центр (ядро), будучи доминирующим в капиталистической мир-системе, через систему финансово-торговых мер, международных институтов (ВБ, МВФ, ВТО и «эксплуаторскую» по сути «глобализацию», по утверждению Д. Харви [11, 145]), перераспределяет (через неэквивалентный обмен) ресурсы зависимых от него стран в свою пользу. С. Амин называет такую форму скрытой экономической эксплуатации «империалистической рентой». «Империалистическая рента» в виде постоянного оттока капиталов и умов в пользу стран капиталистического центра мир-системы блокирует качественное развитие слабых периферийных капиталистических стран [1]. Это и формирует неразвитые капитализмы, во всем зависимые от стран центра. Это капитализм полупериферийного (второго мира) и откровенно периферийного (третьего мира) типа. Здесь в силу неразвитости экономик и низкой капиталоемкости такими же неразвитыми являются социальная сфера и уровень демократических свобод граждан. А государство при таком типе капитализма часто представляет собой ту или иную форму авторитаризма и зачастую лишь обслуживает интересы узкой правящей верхушки, «забывая» про все общество.

Российские авторитарные «демократы», путем радикальных преобразований «сверху» в 1990-е гг. буквально втиснули страну в прокрустово ложе сырьевого придатка для мирового капиталистического центра, причем с обоюдного согласия и западной, и своей политико-финансовой олигархии.

Российский капитализм появился на свет с массой гибридных форм (докапиталистического, советско-бюрократического и современного капиталистического укладов). Стержневым элементом такого капитализма является неформальное слияние власти и собственности в руках обуржуазившейся бюрократии, в результате чего российский капитализм можно охарактеризовать как кланово-бюрократический.

Особенности зарождения и появления новороссийского капитализма

Парадоксально, но современный новороссийский капитализм зародился, а затем и появился на свет в недрах и в рамках, казалось бы, во всем противоположных рынку коммунистическо-советских общественно-экономических отношений, которые противоречиво

развивались все последние десятилетия советской власти, когда количественные параметры социализма (часто формальные — «больше социализма!») автоматически не превращались в его качественные параметры, а скорее удалялись из реальной жизни по мере гипертрофированного увеличения «дежурно-скучных» коммунистических лозунгов и слов, звучавших со всех трибун эпохи «позднего социализма». При этом сама повседневная (мелкобуржуазная) жизнь советских людей все меньше вписывалась в официальный идеологический канон [9, 165—254].

Генезис новороссийского (или современного российского) капитализма берет свое начало в СССР, еще в 1970—1980-е гг., в виде подпольной деятельности так называемых цеховиков, которых «прикрывали» партийно-хозяйственные структуры. Но особенно бурно и почти легализованно это происходило в последние годы горбачевской перестройки (1989—1991 гг.), когда формально еще «советская» партийно-хозяйственная элита вступила в деловой альянс с теневиками, кооператорами и смогла «конвертировать» свою власть над государственной собственностью и многими госпредприятиями, получив их уже тогда в частную и личную собственность [5, 43], причем, еще до юридического оформления, что стало возможным лишь с 1992 г.

Выбрав рынок для реализации своих классово-материальных интересов, обуржуазившая советская бюрократия нуждалась уже в «своей власти», которая могла бы надежно обеспечить и защитить этот интерес. М. Горбачев, с его двойственным выбором — и «социализм», и «рынок» — давно уже не удовлетворял аппетиты рвущихся к собственности социальных сил: части представителей номенклатуры и класса новых частных собственников (кооператоров, бывших «теневиков» и пр.). Зато в лице президента РСФСР Б. Ельцина быстро формирующийся класс собственников смог разглядеть «свою власть». Ельцин в предреволюционный период перестройки 1990—1991 гг. удачно сочетал в себе образ общеклассового (буржуазного демократа) и общенационального лидера.

По нашему мнению, быстрое становление российского капитализма в России в 1990-е гг. развивалось не эволюционно, а радикально, революционно — «сверху» — после победы в СССР-РФ буржуазной «бархатной» революции 1991—1993 гг., сокрушившей советский «реальный» социализм. В целом «бархатная» (с

минимальным уровнем насилия) буржуазная революция в СССР-РФ прошла в три этапа. Первый этап (август 1991 г.) — фаза острого противостояния, когда российскими праволиберальными (так называемыми «демократами») силами был практически сокрушен центральный коммунистический режим в СССР после провала деятельности ГКЧП. Второй этап (декабрь 1991 г.) — ликвидация СССР во главе с президентом М. Горбачевым и возникновение РФ. Третий этап (сентябрь — октябрь 1993 г.) — фаза острого противостояния — очередная победа Ельцина в его противостоянии с просоветским Верховным Советом (после чего были ликвидированы по всей стране все советские органы управления) и принятие новой буржуазно-демократической Конституции РФ. Так победила антикоммунистическая революция при прямой поддержке многих масс людей, «политически заряженных» (по словам исследователей В. Мау и И. Стародубровской [6, 376]) на окончательный слом уже парализованной партийно-коммунистической системы.

Злая ирония истории заключалась в том, что если октябрьский политический переворот 1917 г. (как назвал его сам Ленин) открыл первую страницу великой социальной революции в интересах многочисленных низов России (почти всего населения страны), то свершившаяся антикоммунистическая буржуазная революция 1991—1993 гг. заново реставрировавшая основы капитализма, объективно была в интересах небольшой части населения — собственников капитала. Однако либерально-демократический субъект этой буржуазной революции начала 1990-х гг. смог соблазнительно-популистскими мерами использовать в качестве революционного тарана широкие слои городского населения (молодежь, интеллигенцию, часть рабочих), что позволило новой власти постоянно ссылаться на этот факт, подтверждающий чуть ли не всенародную легитимность.

Этап революционного становления новороссийского капитализма гибридного типа

Этап 1992—1999 гг. стал периодом революционного становления новороссийского капитализма гибридного типа, когда были проведены поспешные рыночные реформы, что в значительной степени привело к деградации экономики, падению уровня жизни широких слоев населения, деградации научно-образовательного потенциала России.

Все дело в том, что в отличие от западных стран, где капитализм выстраивался в течении длительного времени, постепенно вытесняя докапиталистические уклады, в новой России строительство основ капитализма происходило революционным путем — «сверху», за считанные годы, усилиями «либерал-демократов» от власти, в условиях причудливого синтеза старых советских бюрократических форм и новых буржуазных, с консервацией добуржуазных форм. Приведем точку зрения отечественных экономистов — А. Бузгалина и А. Колганова: в России произошла «негативная конвергенция» разложившихся советских форм бюрократии и хозяйствования, синтезировавшаяся с позднефеодальными формами управления и собственности и плюс с паразитированием частного капитала на госсобственности и коррупционных сделках [3, 697—698].

Такой стремительно развивающийся гибридный капитализм не стал передовым в капиталистической мир-системе, а сразу вписался в нее в качестве периферийного, во всем зависимого от западного центра капиталистической мир-системы. Заняв периферийное место в мировой капиталистической системе, с резко обнищавшим и стремительно вымирающим населением (до 1 млн человек в год!), Россия альтруистично принялась оплодотворять страны капиталистического ядра вывозом не нужных стране капиталов, промышленного оборудования, ученых и специалистов.

Идеологически это оформлялось лозунгом «Обогащайтесь!», что означало обогащение для узкого круга одних, но продолжение обнищания для абсолютного большинства других. Массовому обнищанию населения страны способствовало много факторов, в частности, благодаря государственной конфискации 100% денежных сбережений населения страны [10, 54]. По признанию известного либерального экономиста того времени Г. Явлинского, такое стало возможным потому, что все происходило в атмосфере правового нигилизма и ложно понимаемой демократии как свободы воли для одних в ущерб другим [10, 47—48]. Так или иначе, но сотни крупнейших предприятий страны через залоговые аукционы и иные способы по многократно заниженным ценам попадали в руки тех, кого после стало принято называть «олигархами» при президентском троне. По словам экономиста Г. Ханина, «Рубежом в структуре собственности явился 1995 год. Если до этого года включительно основным субъектом собственности явился прямо или косвенно (благодаря влиянию

на членов трудового коллектива) топ-менеджмент предприятий, то затем основными субъектами стали новые собственники, преимущественно олигархи» [8, 41]. Став новыми собственниками огромных предприятий, олигархи, как правило, вместо того, чтобы развивать их, обновляя производство, стремились поскорее избавиться от них, получив при этом солидную прибыль, так как продавали предприятия они уже по рыночным ценам.

Приватизация сформировала, таким образом, узкоклановый капитализм (для «своих олигархов»), без широкой рыночной конкуренции, без каких-либо общественных и национально значимых целей, сосредоточенный на этике жадного растаскивания огромных богатств страны и вывоза ее за рубеж [2, 310—311]. В стране возникло во всем антисолидарное общество, пребывающее в постоянной войне друг с другом, при этом появилась негласная солидарность криминала, чиновников и бизнесменов, общей целью которых было за счет эксплуатации большинства российского населения умножать свои капиталы. Многократно выросла преступность, наряду с социально-правовой незащищенностью работников, попавших в сильную зависимость от своих работодателей. Последние часто не соблюдали КЗОТ и нуждались лишь в дешевой и бесправной рабочей силе. Власть Капитала над Трудом приняла особо варварские способы эксплуатации, возродив давно забытые досоветские и дореволюционные порядки. Людям постоянно задерживали зарплату, а порой и вовсе ее не платили, предпочитая бартер. Рабочие, воспитанные в старом патерналистском духе ожидания тех или иных благ от «родного государства», «от родного предприятия», продолжали ждать и надеяться на них, не поняв, что государство и собственники для них стали во всем классово чужими.

Почему так произошло? «Большевистски» настроенные «реформаторы» (по словам американского экономиста Дж. Стиглица [7]), от Гайдара до Чубайса, были убеждены в самоценности рынка и ради вхождения в «цивилизованный мир» были готовы построить рынок любой ценой, возможно, и силой, даже путем опустошения страны и населения, сброса всех неликвидных отраслей промышленности и науки. Среди этого круга людей, во всем опирающихся на поддержку западных неолибералов-советников, царил убеждение, что рынок «все правильно порешает» сам. Причем, надо лишь быстрее навязать его «противящемуся населению» [7]. И рынок

«порешал». Индустриальная страна, которая ранее гордилась своими достижениями в области науки, технологий и промышленности, с помощью новобуржуазной власти и рынка в кратчайший срок провела «обратную» деиндустриализацию и ликвидацию технологий и невписавшихся в свой и мировой рынок научно-исследовательских институтов. Все советские передовые достижения в области науки и промышленных технологий во многом были утрачены. Почти ликвидировав промышленность и высокие технологии, российские власти сделали все, чтобы страну можно было экономически эксплуатировать развитым странам мирового капиталистического центра. С этого времени российская экономика, где первенствовали сырьевые компании, стала активным донором западных стран. Это и предопределило скорее латиноамериканскую модель капитализма в России, чем западную, более демократичную. По мнению Б. Кагарлицкого, «реставрация капитализма обернулась не просто возвращением страны в мир-систему, но и возвращением на условиях, несравненно худших, чем те, на которых существовала в ней царская Россия» [4, 453].

Страну постоянно лихорадило: то война в Чечне, то, разразившийся финансовый кризис августа 1998 г. Последнее стало закономерным итогом всей предшествующей спекулятивно-антисоциальной социально-экономической политики власти. В считанные месяцы в несколько раз рухнул рубль по отношению к доллару. Объявленный властями дефолт вызвал не только финансовый, но и социально-политический кризис. Доля населения с доходами ниже черты бедности вновь достигла 40%. В стране возникла общественная паника. Заговорили о крахе российских реформ, всерьез обсуждались планы перехода к мобилизационной экономике [2, 313]. Новое правительство Е. Примакова, в команде которого был опытный хозяйственник Ю. Маслюков, на короткий срок перестало проводить экономическую политику исключительно в интересах приближенной к власти части крупного бизнеса за счет экономики страны. Правительство Примакова — Маслюкова с помощью протекционистских мер сделала ставку на новый российский бизнес — не спекулятивный, а производственный. Именно тогда началась политика «импортозамещения»: замена иностранных товаров отечественными.

Зададимся вопросом: был ли к концу 1990-х гг. построен капитализм? И да, и нет. Все же капиталистический уклад стоял на ногах еще крайне неуверенно, постоянно нуждаясь в правительственной

помощи. Важно отметить, что в стране так и не было создано настоящей конкурентной рыночной среды, твердых гарантий — по закону и по суду — сохранения частной собственности. По словам Б. Кагарлицкого, даже к концу 1990-х гг. экономика стала капиталистической лишь отчасти. «В ней сохранялись черты “советского корпоративизма”, работники во многих случаях зависели от своего предприятия в большей степени, чем от рынка труда, бюрократия оставалась самодостаточной силой, способной в случае необходимости испортить жизнь даже самым богатым гражданам, а собственность, незаконно захваченная, не могла быть и эффективно защищена законом. Как и в большинстве стран периферии, трудовые отношения в России чаще строились на неформальной договоренности работников и работодателей, тогда как трудовые договоры и контракты, если они вообще существовали, оказывались фиктивными» [4, 413].

Характерной особенностью сформировавшегося, но еще недостроенного новорусского капитализма 1990-х гг. было сращивание государственно-властной элиты с частным, крупным, монополистическим капиталом. Затем это сращивание приняло более полные формы, но это уже произошло в новом веке.

Таким образом, можно заключить, что быстрое становление российского капитализма с массой гибридных форм (докапиталистического, советско-бюрократического и современного капиталистического укладов) развивалось не эволюционно, а радикально революционно — «сверху», целенаправленными и порой хаотичными усилиями новой буржуазной власти, которая захватила власть в явно некапиталистической стране через серию революционных актов 1991—1993 гг. Это обстоятельство фактически и привело затем к слиянию власти и собственности и к появлению бюрократического капитализма в России в 2000-е гг.

Литература

1. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М.: Издательство «Европа», 2007: URL: <https://www.rulit.me/books/virus-liberalizma-permanentnaya-vojna-i-amerikanizaciya-mira-read-513937-4.html> (дата обращения: 30.10.2021).

2. *Бузгалин, А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 4-е. М.: Ленанд, 2018.
3. *Бакланов В.И.* Восток — Запад — Россия: XIX — первые десятилетия XXI века: Монография. М.: Московский государственный университет пищевых производств, 2014.
4. *Кагарлицкий Б.Ю.* Периферийная империя: Россия и мир-система. М.: Либроком, 2012.
5. *Лебский М.А.* Новый русский капитализм: От зарождения до кризиса (1986—2018 гг.). М.: Ленанд, 2019.
6. *Стародубровская И.В., Мау В.А.* Великие революции: От Кромвеля до Путина. 2-е изд., доп. М.: Вагриус, 2004.
7. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003: URL: <http://www.library.fa.ru/files/Stiglitz-global.pdf> (дата обращения 30.10.2021).
8. *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время: российская экономика в 1992—1998 годы. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014.
9. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. 4-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 604 с.
10. *Явлинский Г.* Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия. Изд. 2. М.: Медиум, 2016.
11. *Harvey D.* The new imperialism. N. Y.: Oxford university press, 2003.

References

1. *Amin S.* Virus liberalizma: permanentnaya voyna i amerikani-zatsiya mira. М.: Izdatelstvo «Evropa», 2007: URL: <https://www.rulit.me/books/virus-liberalizma-permanentnaya-vojna-i-amerikanizaciya-mira-read-513937-4.html> (data obrashcheniya: 30.10.2021).
2. *Buzgalin, A.V., Kolganov A.I.* Globalnii kapital. T. 2: Teoriya: Globalnaya gegemoniya kapitala i ee predely («Kapital» re-loaded). Izd. 4-е. М.: Lenand, 2018.
3. *Baklanov V.I.* Vostok — Zapad — Rossiya: XIX — pervye desyatiletia XXI veka: Monografiya. М.: Moskovskii gosudarstvennii universitet pishchevykh proizvodstv, 2014.

4. *Kagarlitskii B.Yu.* Periferiinaya imperiya: Rossiya i mirosistema. M.: Librokom, 2012.
5. *Lebskii M.A.* Novii russkii kapitalizm: Ot zarozhdeniya do krizisa (1986—2018 gg.). M.: Lenand, 2019.
6. *Starodubrovskaya I.V., Mau V.A.* Velikie revolyutsii: Ot Kromvelya do Putina. 2-e izd., dop. M.: Vagrius, 2004.
7. *Stiglits Dzh.* Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii. M., 2003: URL: <http://www.library.fa.ru/files/Stiglitz-global.pdf> (data obrashcheniya 30.10.2021).
8. *Khanin G.I.* Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveishee vremya: rossiiskaya ekonomika v 1992—1998 gody. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2014.
9. *Yurchak A.* Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. 4-e izd. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
10. *Yavlinskii G.* Periferiinii avtoritarizm. Kak i kuda prishla Rossiya. Izd. 2. M.: Medium, 2016.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.А. УШАНКОВ

**К вопросу о методологии институционального анализа
экономических преобразований в России***

Аннотация. Экономическая система постоянно меняется. Одна из задач экономической науки состоит в том, чтобы давать адекватное описание этих изменений. Для этого наука использует имеющийся у нее инструментарий. Одним из таких инструментов экономического исследования преобразований служит институциональный анализ. Применение институционального анализа к исследованию происходящих преобразований в России позволяет учесть их особенность и своеобразие.

Ключевые слова: универсализм, своеобразие, институциональный анализ, уровни анализа, реформа, институты, культура, европейская культура, евразийская культура.

Abstract. The economic system is constantly changing. One of the tasks of economics is to give an adequate description of these changes. To do this, science uses its available tools. One such tool for the economic study of change is institutional analysis. The application of institutional analysis to the study of the ongoing transformations in Russia makes it possible to take into account their peculiarity and originality.

Keywords: universalism, originality, institutional analysis, levels of analysis, reform, institutions, culture, European culture, Eurasian culture.

УДК 330
ББК 65.01

Универсализм и своеобразие в экономических преобразованиях

В литературе существует позиция, согласно которой экономические преобразования подчиняются действию универсальных сугубо «экономических» законов, действующих во все времена и у

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ушанков В.А. К вопросу о методологии институционального анализа экономических преобразований в России // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 71—79.

всех народов. Всяческие проявления своеобразия и особенности в экономических преобразованиях воспринимаются здесь как обстоятельства, искажающие действия экономических законов.

Не вызывает сомнений, что основные экономические преобразования состоят в достижении наилучших показателей эффективности общественного развития и происходят в соответствии с действием экономических законов. Вместе с тем, следует заметить, что экономические преобразования не сводятся к алгоритму действия «универсальных» законов. Экономические преобразования не «висят в безвоздушном пространстве», а всегда оказываются погруженными в конкретную институциональную среду. Иными словами, экономические преобразования — это всегда набор конкретных законодательных актов, властных распоряжений, постановлений и принятых программ. Экономические преобразования имеют институциональную природу даже тогда, когда реформы, как кажется, имеют «естественное» происхождение и диктуются самой жизнью.

Таким образом, за универсальностью сугубо экономического подхода к реформированию всегда можно обнаружить особенность его институционального восприятия и воплощения. Известен факт существования особой «мусульманской» банковской системы. «Универсальность» здесь проявляется в том, что банк как коммерческая структура осуществляет свою деятельность эффективно, т. е. обеспечивает ее доходность. Но, в то же время, очевидно, что действие сугубо экономического закона в «мусульманском» банке приобретает свою особенную форму. Известно, что по законам шариата запрещено давать деньги в рост. Да, в этих банках и не дают их в долг — просто, банк становится «деловым партнером» в делах заемщика. Итак, экономическая «универсальность» реализуется посредством особенности институтов ее проявления.

Институциональная система и экономические преобразования

Институты — регулятивные принципы, которые предписывают или, наоборот, запрещают те или иные способы действий или поведения хозяйствующих субъектов. Институциональная система состоит из формальных (право, законы) и неформальных (деловой этикет, обычаи, традиции, верования) элементов, которые в своей совокупности обеспечивают регулирование жизнедеятельности всего общественного образования.

Экономическое содержание институциональной системы может быть раскрыто через выполнение ею экономических функций. Институциональная система формирует правовое обеспечение системы взаимодействия экономических субъектов, мотивацию хозяйственной деятельности (система доходов, налоговая система и т. д.) и определяет рамки возможностей и свободу действия хозяйственных субъектов.

Из предположения о том, что экономические преобразования — это всегда перестройка институциональной системы, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, в отличие от сугубо экономических преобразований, реформирование институциональной системы охватывает весь комплекс институтов, регулирующих правовые, экономические, социальные отношения в обществе, что, в конечном счете, и ведет к получению наибольшего экономического эффекта от преобразований.

Во-вторых, институциональная система как система законов и норм на всех уровнях их проявления не остается пассивным элементом экономических преобразований; напротив, она непосредственным образом оказывает влияние на ход и результаты реформирования.

Роль институциональной среды в осуществлении экономических преобразований зависит, в частности от состояния, или «качества», самой институциональной среды. Развитость институциональной среды проявляется в ее готовности к принятию адекватных законов и правовых норм, способных обеспечить ход реформирования, способности к гибкой перенастройке и компромиссам. Можно предположить, что хорошо функционирующая институциональная система, служит показателем эффективности функционирования всей хозяйственной системы. Напротив, внутреннее «напряжение» институциональной системы — несогласованность ее норм и правил — может обернуться ростом транзакционных издержек. С позиций ортодоксальной неоклассической парадигмы экономической науки невозможно увидеть и объяснить неэффективность экономики, вызванной проблемами институциональной системы, а значит, и принять адекватные меры.

В-третьих, из утверждения о том, что экономические реформы представляют собой набор институциональных решений (реформа — это изменение законодательства), можно предположить,

что экономические преобразования могут иметь институциональные причины. Или, по-другому, сама институциональная система может стать причиной экономических преобразований.

Это происходит тогда, когда сложившаяся институциональная система перестает обеспечивать эффективное функционирование экономики. Например, тогда, когда ряд законодательных норм институциональной системы становится препятствием в реализации экономических интересов заинтересованных социальных групп (элит или даже отдельных интересантов). Возникает необходимость в «исправлении» законов, норм, препятствующих эффективному ведению хозяйства. В этом случае содержание экономического по своей сути реформирования может быть сведено к целенаправленным институциональным изменениям.

Итак, экономическое реформирование и изменения институциональной системы можно представить как два взаимосвязанных процесса, оказывающих взаимное влияние друг на друга. Из чего следует, что описание причин, хода и результатов экономических преобразований не может происходить вне институционального контекста.

Уровни институциональной структуры и экономические преобразования

Институциональная система любого общества представляет собой сложную, иерархически выстроенную систему взаимоувязанных институтов, различающихся по охвату и глубине воздействия формальных и неформальных норм на хозяйственные процессы. Каждый уровень системы институтов занимает в ней свое место и имеет свой «вес». Очевидно, что конституционные нормы (конституция) имеют более общий, всеохватывающий и в тоже время более фундаментальный характер, чем нормативы на уровне контрактов и соглашений.

Если рассматривать экономические преобразования относительно институциональной структуры и ее уровней, то окажется, что они имеют различный уровень своей локации. Иными словами, одни экономические преобразования, допустим, затрагивающие права собственности, будут относиться к конституционному уровню институциональной системы. Другие экономические преобразования, например, изменения форм отчетности, будут отнесены к более низкому уровню институциональной системы.

Конечно, большинство экономических преобразований, как правило, затрагивают изменение норм на всех уровнях институциональной системы. Однако можно предположить, что эти преобразования по-разному проявляются на различных уровнях институциональной системы, а потому требуют особых подходов к их реализации с учетом специфики того или иного уровня системы.

Очевидно, что успешное решение экономических преобразований зависит от правильности применения законодательных норм, соответствующих своему уровню институциональной системы.

Вполне возможна ситуация, при которой «правильные» законодательные нормы более высоких уровней институциональной системы будут игнорироваться на более низком уровне. Например, «правильные» нормы налогового законодательства будут игнорироваться на уровне исполнения контрактов, в силу недоучета специфики налогового законодательства для этого уровня. Фирмы будут заниматься оптимизацией налогов вопреки «правильным» установкам сверху.

Уровни. Одним из методологических приемов анализа институциональной системы для успешного ее использования в исследованиях экономических преобразований служит подразделение ее на уровни. Конечно, предложенное Д. Нормом подразделение институциональной системы на ее уровни — политические правила, экономические правила, контракты — не случайно и имеет свои обоснования. Но, вместе с тем, для более адекватного описания экономических преобразований возможно усложнение этой системы уровней. Например, к уже принятым в институциональном анализе уровням, на наш взгляд, можно добавить еще один. Точнее, выделить в так называемом «надконституционном» уровне еще один — культурологический уровень. Формулирование культурологического уровня институциональной системы позволило бы ввести в анализ то особенное и своеобразное, которое обычно остается за рамками экономического анализа. Речь идет о наиболее общем уровне проявления институциональной системы, который, при всей кажущейся его отвлеченности от экономического, все же способен оказывать существенное влияние на ход и содержание экономических преобразований.

Культурологический уровень институциональной системы

Часть экономистов, особенно те, кто придерживается мейнстримовского дискурса в экономической науке, с большим скепсисом относятся к возможности существования культурологического уровня институциональной системы. Действительно, какое отношение культура и вся стоящая за ней метафизика имеют к экономическим реформам, которые должны происходить в соответствии с универсальными экономическими законами?

Да, конечно, если придерживаться идей экономического детерминизма, то такая позиция верна. Вместе с тем, экономисты, придерживающиеся подобной позиции, обычно попадают в институциональную ловушку. С сугубо экономических позиций, не учитывающих наличие культурных обстоятельств, практически невозможно объяснить успешность или неуспешность тех или иных экономических преобразований. При сугубо экономическом подходе к реформированию невозможно объяснить инвариантность путей реформирования. Реформа есть реформа, и никаких национальных или культурных особенностей здесь быть не может.

Однако, как показывает практика проведения экономических реформ, экономические преобразования все же проявляют специфику, связанную с особенностью той культурной среды, в которой они происходят. Следовательно, культурный уровень институциональной структуры и его влияние на экономические преобразования должны быть исследованы.

Несколько слов о культуре как институте

Содержание такого неоднозначного понятия, как «культура», зависит от тех научных и философских традиций, в рамках которых оно рассматривается. Однако следует отметить одну из наиболее часто упоминаемых черт, характеризующих это понятие. Суть ее состоит в том, что культуру относят к объективным явлениям. Объективность культуры следует из того, что она отражает результат жизнедеятельности людей в определенных природно-географических условиях на протяжении длительного времени.

Культура — это *деятельное* отношение людей к окружающему их внешнему миру в конкретных природно-географических условиях.

Культура — это адаптационный институт, который через традиции реализует устремления людей к единству и сохранению себя как общности.

Культура — это сложное переплетение материальных, социальных институтов, которые в своей совокупности обеспечивают жизнь и выживание сообщества людей.

Культура определяет этику и мотивацию поведения в труде, семейной жизни, представления об идеалах. Соответственно той или иной культуре устанавливаются общественные и властные институты.

Как бы ни настаивали представители мейнстрима на отсутствии культурного следа в хозяйственной жизни и на «универсальности» действия экономических законов, влияние культуры на всю институциональную систему существует и сказывается на ходе и облике экономических реформ. Культура как фактор проявляется всегда, даже в случае с европейской культурой с ее универсализмом.

Европейская культура. На самом деле так называемый «универсализм» в экономической науке есть вполне отчетливое проявление западноевропейской культуры. Утверждение об «отсутствии культуры» — это всего лишь другое название «европейской культуры», оказывающей непосредственное влияние на складывающийся облик европейской институциональной системы.

Западноевропейская культура — такая же культура, как и все остальные. Это культура, в основе которой лежит великая идея «возможности завоевания мира», в отличие от восточной культуры, основанной на идее «гармоничного сосуществования с природой».

Западноевропейская культура — это культура индивидуализма и субъективизма, что во многом обусловлено ее природно-географическим своеобразием. Во-первых, это пространство с высоким плодородием почвы и относительно хорошим климатом. Во-вторых, это относительно ограниченное пространство. Европа может быть представлена как большой полуостров (любая точка на карте Европы находится не далее 600 км. от моря), что порождает ограниченность в восприятии пространства и, соответственно, ресурсов. Далее, европейская культура — «потомок» эллинской культуры с ее «демократизмом» и культом «свободного» человека, поэтому, на наш взгляд, очевидна преемственность «континентально-

го» (европейского) права, его родство с Римским правом (кодекс Юстиниана) о священности прав частной собственности.

В особенности западноевропейской культуры кроется причина появления хозяйственной этики протестантизма (утилитаризма), сыгравшей значительную роль в становлении субъективистской, по своей сути, экономической теории маржинализма и неоклассики, ставших сегодня экономическим мейнстримом.

Об особенности западноевропейской культуры и ее экономических основах в свое время убедительно высказался Макс Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма». Капитализм, по Веберу, — это экономическая рыночная система, движущей силой в которой становится движение капитала. Эта система могла возникнуть только в Западной Европе в силу ее культурного своеобразия.

Восточная культура. В исторической и экономической литературе продолжает существовать дискуссия о различиях между восточным и западным путями культурного развития. В обоснование этих различий приводится концепция наличия Античного и Азиатского способов производства. Мы знаем и о других культурологических концепциях, отстаивающих позицию культурных различий в общественной и экономической жизни западного и восточного обществ. Конечно, есть культурологические рассуждения, в которых можно найти проявление крайностей (национал-социализм, Третий путь России, расизм и т. д.). Но все же проявление этих крайностей не отрицает необходимость рационального учета культурных оснований в экономических процессах.

Особенность культурологического уровня институциональной системы

К особенностям проявления культурологического уровня институциональной системы можно отнести довольно сильную инертность в его изменении. Трансформация сложившихся культурных институтов требует длительного времени и смены поколений. Более того, возможность этих трансформаций может быть вовсе ограничена в силу того, что остаются неизменными объективные основания самой культуры.

Например, одним из таких неизменных объективных оснований для проявления евразийской культуры остается пространство.

Об этом обстоятельстве много писали старые (в 1920-е гг.) и пишут современные евразийцы.

Огромное евразийское пространство в отличие от небольших хозяйственных образований Европы предполагает существование особой институциональной системы, обслуживающей эту обширную пространственную целостность. С этим обстоятельством связаны особенности государственного устройства России и система управления этим обширным многоукладным хозяйственным образованием. Очевидно, что неизменность институциональной структуры, обусловленной евразийской культурой, предопределяет особенность экономического реформирования в России.

Еще одна особенность евразийской культуры состоит в том, что она сочетает в себе черты как европейской, так и восточной культур. Отсюда катастрофизм российской истории: либеральные «европейские» реформы в России, как правило, получают свое антилиберальное продолжение.

Заключение. Успешное экономическое реформирование не имеет универсальных рецептов. Экономические преобразования невозможно сегодня производить без учета их институционального контекста. Они всегда оказываются погруженными в определенную институциональную среду, т. е. происходят в правовой или нормативной среде, которая не может не быть отражением культурологического своеобразия и особенности развития.

Институциональную структуру нельзя скопировать или повторить. Только учет «местных» культурологических особенностей институтов государства и рынка позволяет достичь значимых успехов в экономическом развитии. Примером тому могут служить реформы, проведенные в свое время в Южной Корее, Чили, Израиле и т. д. Соответственно, введение в экономический анализ культурологического уровня институциональной структуры позволит рационально подойти к обоснованию экономических преобразований общественного хозяйства.

Н.А. ШАПИРО

**Либертарианский патернализм и поведение государства
в условиях пандемии COVID-19***

Аннотация. Р. Талер, автор теории новой поведенческой экономики, считает, что макроэкономика находится среди экономических концепций, которую поведенческий подход коснулся меньше всего. Цель данного исследования — рассмотреть возможности применения поведенческого подхода в условиях пандемии COVID-19 на уровне макроэкономики через использование такого инструмента, как либертарианский патернализм или подталкивание. Для достижения цели исследования в статье рассмотрены либертарианский патернализм и меры подталкивания, отличия либертарианского патернализма от других, ранее известных и используемых инструментов макроэкономического влияния и предложены возможные меры для преодоления опасностей и угроз экономики пандемии. Сделан вывод, что контекст экономики пандемии подталкивает государства к обустройству пространства жизни людей по новым правилам и стандартам, гарантирующим охрану и защиту здоровья населения в условиях современной урбанистической концентрации и мобильности.

Ключевые слова: новая поведенческая экономика, «наджизм», характеристика подталкивателей, теории экономики пандемии, немедицинское влияние.

Abstract. R. Thaler, the author of the theory of the new behavioral economics, believes that macroeconomics is among the economic concepts that the behavioral approach has touched the least. The purpose of this study is to consider the possibilities of applying a behavioral approach in the context of the COVID-19 pandemic at the macroeconomic level through the use of such a tool as libertarian paternalism or nudge. To achieve the goal of the study, the article discusses libertarian paternalism and push measures, the differences between libertarian paternalism and other previously known and used tools of macroeconomic influ-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шапиро Н.А. Либертарианский патернализм и поведение государства в условиях пандемии COVID-19 // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 80—92.

ence, and suggests possible measures to overcome the dangers and threats of the pandemic economy. It is concluded that the context of the pandemic economy is pushing states to arrange the living space of people according to new rules and standards that guarantee the protection and protection of public health in the conditions of modern urban concentration and mobility.

Keywords: new behavioral economics, «nudge», characterization of pushers, theories of pandemic economics, non-medical influence.

УДК: 330
ББК: 65.01

Еще в начале XXI в. распространение поведенческой науки в экономических исследованиях получило название поведенческого (психологического) империализма [7, 973], подобно экономическому империализму институциональной экономики, пик распространения которой имел место на пару десятилетий раньше [17]. Поведенческая экономика как современная версия экономической науки в настоящее время проходит период накопления кейсов прикладных решений. Правительства ряда современных стран были серьезно настроены в отношении использования поведенческой науки для повышения эффективности своей работы. Например, в 2014 г. 136 стран внедрили методику поведенческой науки в некоторые аспекты государственной политики, а правительства 51 страны «целенаправленно разработали меры политики на основе рекомендаций поведенческих наук» [11, 339, 340, 350].

В последние годы нет более реалистичного и беспрецедентно сильного натиска на развитие современного общества, чем пандемия COVID-19. Пандемия не обходит ни одну страну или экономику и в равной мере жестко влияет на всех, не оставляя возможностей народам и странам на собственный путь ее преодоления. За время пандемии COVID-19 в рамках современной версии экономической науки сложился отдельный блок «Pandemic economics», или экономические теории пандемии [18].

Данное исследование продолжает ранее начатые нами совместно с коллегами изучение мер либертарианского патернализма в политике образования и гендерных отношений [16; 14]. Цель работы — рассмотреть возможности применения поведенческого подхода в макроэкономике, а тестом на проверку продуктивности по-

веденческой экономики будут возможные рекомендации по преодолению пандемии.

Р. Талер — автор новой поведенческой экономики — завершил книгу «Новая поведенческая экономика» (2015) пожеланиями к ее распространению в прикладных направлениях использования. Речь идет, прежде всего, о таких сферах как макроэкономика, предпринимательство, сфера образования [11, 354, 356, 358]. Чем меньше неправильных решений принимают люди, тем меньше проблем у государства по их исправлению.

Отечественные экономисты не обходят вниманием новую поведенческую экономику, но в основном оттачивают на ней навыки методологической рефлексии. Одни обосновывают ее появление новыми подходами в психологии и нейробиологии [4], другие сосредоточены на необходимости изменений методологических императивов в более широком контексте, чем методологический индивидуализм [2; 9], третьи отказывают ей в оригинальности вообще [8], а положение о либертарианском патернализме чаще всего [1; 3; 19] подвергается критике.

Поддавшись соблазну методологической рефлексии, сделаем некоторые методологические уточнения, а конкретно — обратим внимание на разделение «старой» и «новой» версий поведенческой экономики [15] во избежание излишних теоретических разночтений и критики.

В теории Р. Талера проблема поведения экономических субъектов актуализирована ошибочностью предсказания или выбора поведенческого решения реальными людьми, которые не делают его согласно логике гипотезы рационального поведения. Причина ошибок видится в том, что модели рационального поведения (неоклассическая теория) и ограниченно рационального поведения (новая институциональная теория) не учитывают многообразие внешних обстоятельств, которые не позволяют индивидам действовать по модели заранее предсказуемого выбора. В противовес теориям с заданной моделью поведения новая поведенческая экономика исходит из того, что поведение реального экономического субъекта априори не предсказуемо или иррационально. Предсказуемость поведения, а точнее повышения степени предсказуемости выбора, есть цель теории новой поведенческой экономики, а не ее предпосылка. То обстоятельство, что данная теория не использует заранее заданной модели поведения, составляет ее принципиальное отличие

от ранее известных поведенческих теорий, условно называемых «старой поведенческой экономикой», где результат предписывается моделью поведения.

Р. Талер строит свою теорию на наблюдениях и экспериментах за поведением экономических субъектов, а не на гипотезах о моделях поведения. Гипотезой здесь является утверждение, что предсказуемость поведения определяется контекстом, в котором совершается действие. Концептуализация контекста представлена рядом новых понятий: «архитектура выбора», «фрейминг» и «подталкивание» [12, 21, 43, 80].

Как писал Г. Саймон, прежде, чем разрабатывать принципы, наука должна обладать понятиями, которые позволяют описать исследуемые ситуации в терминах, относящихся к теории [10, 178]. Чтобы быть научными, их значение должно соответствовать эмпирически наблюдаемым фактам и ситуациям.

«Архитектура выбора» — это контекст, в котором человек принимает определенное решение. (Неоклассика, как известно, выстраивала модели поведения, игнорируя контекст, а новая институциональная теория сводила его к трансакционным издержкам.)

«Фрейминг» — это формулировка решения. Из трех видов социального влияния: информация, давление коллектива и фрейминг — Р. Талер акцентирует внимание на фреймах, под которыми понимает представление о реальности, запомнившееся из прошлого, или инерцию, детали которой могут меняться в зависимости от текущей ситуации.

Использование фрейминга в принятии решений, позволяющего предсказуемо влиять на выбор, не запрещая ничего и не требуя явного изменения своих экономических привычек, было названо «подталкиванием», «наджем» (от англ. «nudge» — подталкивать). В широком смысле любой фактор, изменяющий поведение людей, будет играть роль подталкивания. В практике подталкивания используется принцип ненавязчивости, отсюда название «либертарианский патернализм»: где «патернализм» — попытка помочь людям достичь своих собственных целей, а «либертарианский» означает, что оказываемая помощь не ограничивает или не настаивает на конкретном выборе [11, 331].

Первой в списке пожеланий к использованию поведенческого подхода Р. Талер назвал макроэкономику, объяснив это тем, что макроэкономика практически не испытывает в настоящее время

влияния поведенческих методов, в то время как макроэкономическое воздействие (через монетарную и налоговую политику) имеет значение для индивидов или населения. (Попытки использовать поведенческие методы в макроэкономике были предприняты Дж.М. Кейнсом, но не были должным образом развиты [11, 354], потому что в его время было мало возможностей строить опровержимые прогнозы, трудно собрать актуальные эмпирические данные и проводить рандомизированные испытания.)

Инструменты либертарианского патернализма, или подталкиватели, не представляют собой нечто новое и ранее неизвестное. Это просто инструменты, существовавшие задолго до того, как им придумали такое название в поведенческой экономике. Как и любые инструменты, подталкиватели не являются универсальным средством, и их использование не отменяет применения других, таких как правила и предписания. Более того, в роли подталкивателей могут выступать предположительно малозначимые — с точки зрения макроэкономики — факты. Поэтому области применения либертарианского патернализма в макроэкономическом регулировании предлагается искать через высвечивание определенных тонкостей решаемых задач, которые позволяют сделать работу правительства более результативной. Подталкивание предпринимается для того, чтобы оградить человека от ожидаемых ошибок и уменьшить число решений, которые впоследствии сами люди признают ошибочными.

Для этого подталкиватели должны быть:

- проверенными решениями (золотая методология проверки — рандомизирование);
- понятными и этически правдивыми для пользователя;
- несложными в применении, не иметь барьеров и каких-либо затруднений у людей, решивших ими воспользоваться;
- добровольными и ненавязчивыми, без какого-либо принуждения и противопоставления;
- адресованными целевой аудитории, которая согласна с тем, что перемены будут полезны для них в случае применения подталкивателей (важно не преувеличивать ожиданий относительно размера получаемого результата [11, 347]).

Чем выше уровень регулирования, т. е. статус субъекта (корпорация или государство), который осуществляет выбор средств,

тем выше риски принять ошибочное решение. Подталкивание здесь наиболее релевантно.

Указание на риски недобросовестности представляет один из аргументов критики теории подталкивания и ограниченности ее применения. Бизнес и политики с дурными намерениями могут использовать разработки поведенческих наук в целях личной выгоды, наживаясь за счет тех, кого они подталкивают к определенным решениям, приводящим к негативным результатам для благосостояния населения [3].

Другая часть критиков политики подталкивания отмечает, что «ограждение человека от необходимости оценивать сложившуюся экономическую ситуацию и уровень рисков, сопровождающих принятие решения, ведет к частичной потере способности диагностировать и оценивать значение рисков <...> у человека возникает иллюзия ответственности государства за последствия экономических решений, принимаемых самим человеком, утрачивается осмысленность в экономическом поведении потребителя» [5, 274].

Возразить и той, и другой части критиков можно тем, что всякие инструменты утилитарны и ограничены и что нет универсальных инструментов и тестов точных проверок, а склонность к оппортунизму неискоренима полностью. Но политика подталкивания сохраняет возможность не выполнять и не участвовать в тех или иных решениях, если, с точки зрения индивида, они представляются неэффективными, противоречащими его интересам. Важно, чтобы непринятие стимулов к подталкиванию не привело к ухудшению положения индивида. Он лишает себя потенциальных преимуществ, но не ухудшает своего существующего состояния. Результаты политики подталкивания могут служить индикатором мудрости населения и прозорливости разработчиков предлагаемых мер. В таком случае ответственность за принятое решение лежит как на тех, кто его предлагает, так и на тех, кто его принимает.

К рискам политики подталкивания, когда речь идет о макроэкономическом влиянии, можно отнести незапланированное взаимовлияние инструментов друг на друга, которое не принималось в расчет при их введении, но в реальности стало подталкивателем к ухудшению положения дел.

Красноречивым примером риска опосредованного влияния, давшего негативное подталкивание, может служить опыт пенсионных реформ в современной России. Принимаемые меры оказались

подталкивателями не к улучшению пенсионного обеспечению, а к росту теневой экономики, потому как не имели внятного обоснования и проверки, а основная масса пенсионеров была не согласна ни с повышением пенсионного возраста, ни методами индексации.

Еще одним примером может быть Программа развития школьного туризма, принятая нынешним правительством РФ. Развитие школьного туризма предполагает субсидирование финансовых средств на путешествия школьников, но такая программа, принимаемая в разгар незатухающей пандемии, становится средством распространения заражения — COVID-19 и подрыва здоровья не только школьников, но тех, кто с ними контактирует. Надежда только на здравомыслие родителей, которые будут беречь своих детей и не отправят их в путешествия в столь опасных условиях. Возможно, что правительство таким образом решило поддержать туристический бизнес и театральную сферу, но скорейшее прекращение пандемии и сохранение здоровья людей — это более важно, чем поддержка туристического бизнеса, последний можно поддерживать и без роста рисков распространения пандемии.

Как отмечают эксперты, макроэкономические последствия пандемии COVID-19 превышают последствия рецессии мирового финансового кризиса 2008—2009 гг. [18, 269]. Изучение такого влияния стало стимулом новых исследований, и к настоящему времени уже можно говорить о новой области — экономической теории пандемии («Pandemic Economics»).

Экономика пандемии не сводима ни экономике войны, ни к мобилизационной экономике, в которых отчетливо ясна социальная причина события, приостанавливающего обычную жизнь, и очевидны меры по ее преодолению. Но пандемии не являются исключительно современным явлением. Литература, посвященная этому явлению, представляет широкий спектр практик и показывает, что в причинах пандемии до XX в. лежал медицинский (биофизиологический) фактор, который можно было блокировать краткосрочными мерами снижения мобильности и тесноты общения: ношение масок, отмена мероприятий, физическое дистанцирование, запрет на поездки, встречи и пр.

Но уже в XX в., когда начался бурный рост индустриализации, люди стали большими массами двигаться из села в город, эпидемия гриппа, например, в США в 1918 г. разразилась на фоне других массовых заболеваний, которые передаются от человека к чело-

веку в результате продолжительного прямого взаимодействия. В таких условиях потребовались не только кратковременные, но и постоянно действующие меры и стандарты общежития. Государство было вынуждено создавать систему здравоохранения. Потребовались правила гигиены и санитарии, которые стали регулировать взаимодействия людей в условиях роста общежития, мобильности, растущей плотности контактов общения. Становящееся промышленно-урбанизированным государство потребовало соответствующей реакции со стороны государственного управления — формировать новые функции и программы. Рост населения в городах рождал необходимость организации общественных парков и развлечений, общественных работ, систем общественного здравоохранения и общественной безопасности [6, 18—19]. Таким образом, неблагоприятный контекст бытовой жизни населения, вызванный ростом индустриализации, подтолкнул государство к развитию здравоохранения.

Наступление пандемии COVID-19 обусловлено двумя группами причин: социальной и био-физиологической, или медицинской. Социальная причина — это чрезмерно высокая и плотная контактная мобильность населения. Если в начале XX в. мобильность была следствием индустриализации, люди двигались из села в город за работой, то современная мобильность представлялась ценностью самой по себе и целенаправленно стимулировалась. Мобильность рассматривалась как достижение современной цивилизации, стирающей грани национальной идентичности. Она была, в частности, одним из критериев успешности в оценке деятельности образовательных организаций. Санитарные нормы общежития не только не совершенствовались, а просто не принимались во внимание: уплотнялось все, что можно — рассадка в театрах и на стадионах, в самолетах и поездах, росло количество детей в классе и группах детского сада, количество мест в ресторанах, кухонь на фудкортах, число участников мероприятий, плотность городских застроек, повышалась высотность домов и росли скорости перемещений в самолетах, поездах, автомобилях. Массовость и мобильность в урбанизированной среде росла быстрее, чем затраты государства на сохранение здоровья населения в этих условиях. Грубо говоря, угрозы здоровью эволюционировали от насекомых к бактериям и вирусам.

На фоне сложного контактного взаимодействия, когда практически все смешалось, сформировалась новая био-

физиологическая среда, приведшая к появлению таких форм коронавируса, которые обладают беспрецедентными свойствами устойчивости к распространению и заражению. Медицинское объяснение появления коронавируса и разработка средств противодействия ему или лечения представляют собой фундаментальную научную проблему, но социальная причина видится очевидной. Длительность течения пандемии подталкивает к тому, что социальные нормы частоты и плотности контактного взаимодействия следует менять, потому как прежняя жизнь уже не восстановится [13], новая нормальность — это не фраза, а следствие форм жизни, господствовавших до пандемии.

Для государства пандемия является той «невидимой рукой», которая подталкивает, но не принуждает правительства стран принимать внятные немедицинские меры, тратить деньги на новые формы общежития. Как только пандемия стала реальной угрозой, правительства стали пользоваться краткосрочными инструментами по предотвращению, управлению или смягчению ее воздействия. С начала 2020 г. разные виды блокировок, вплоть до национальных, стали атрибутом социального ландшафта, а когда они перестали помогать, началось принуждение к вакцинации, воздействие которой полностью не изучено и эффективность окончательно не доказана. Непонятна даже природа вируса и причины его мутаций, вызывающих все новые волны пандемии. К тому же обширные блокировки и закрытия чрезвычайно дорогостоящи для государства и губительны для бизнеса, благосостояния и здоровья населения.

Средствами преодоления пандемии должны стать инструменты длительного действия, ведущие к тотальной перестройке экономического пространства через разработку новых принципов здравоохранения и вообще новых стандартов общежития, санитарии гигиены. Новая система здравоохранения позволила бы возобновить обычную экономическую деятельность, но в новых правилах социального дистанцирования.

Вера в то, что все можно поправить медицинскими средствами и вернуться к прежней жизни, приводит к принуждению к вакцинации и лишает общество объективной информации о процессе распространения инфекции, числе заболевших вторично после вакцинации, истинных причинах смертности, а также искажению информации об экономике (о теневом и легальном бизнесе, о реальной рабочей силе и формах занятости и пр.).

За два года пандемии уже можно было бы переоборудовать площадки зрелищных помещений, пересмотреть стандарты наполняемости классов и аудиторий, салонов в сфере услуг, произвести и запустить дополнительные единицы транспортных средств и пр. Это не только бы гарантировало восстановление обычной жизни, но создало бы безопасные условия для будущего, а также создавало бы новые рабочие места и, соответственно, доходы.

Завершая рассуждение о политике подталкивания, не следует делать вывод о том, что государству надо вовсе отказываться от институциональных методов регулирования. Механизмы подталкивания релевантны в тех условиях и ситуациях, когда высока степень неопределенности (как внешней, так и внутренней). Желание быстрее понизить степень неопределенности жесткими мерами давления приводит к еще большей неопределенности. Политика подталкивания, или либеральный патернализм, означает, что она стимулирует, а не принуждает человека сделать выбор, полезный самому человеку.

Литература

1. *Белянин А.В.* Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 5—25.
2. *Бирюков В.В.* Нормативно-культурологический поворот и смена парадигмы развития экономической науки // Философия хозяйства. 2018. № 2 (116). С. 66—77.
3. *Воронов Ю.П.* Управление через манипулирование (о Нобелевской премии по экономике 2017 г.) // ЭКО. 2018. № 1 (523). С. 53—67.
4. *Данилкина Д.С.* Нейроэкономика: новый междисциплинарный подход к исследованию экономического поведения // Философия хозяйства. 2019. № 3 (123). С. 188—199.
5. *Зотова Е.С., Сухина Т.С.* Новейший технологизм: человек и социум, экономика и менеджмент (дискуссия в Варшавском университете) // Философия хозяйства. 2019. № 3 (123) С. 267—280.
6. Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. М.: Изд-во МГУ, 2003.

7. *Раай Ф.В.* Экономика и психология // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 973—990.
8. *Рубинштейн А.Я.* Почему одни теории не получают признания, а другие имеют успех: «Мериторный патернализм» Р. Масгрейва и «Либертарианский патернализм» Р. Талера // Экономический журнал ВШЭ. 2019. Т. 23. № 3. С. 345—364.
9. *Рудакова И.Е.* Поведенческая экономика — новая мода или новая парадигма? // Философия хозяйства. 2018. № 6 (120). С. 69—80.
10. *Саймон Г.* Поговорки управления // Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 166—185.
11. *Талер Р.* Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Пер. с англ. А. Прохоровой. М.: Эксмо, 2018.
12. *Талер Р., Станстейн К.* Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
13. *Шапиро Н.А.* Основания для восстановительного роста бизнеса после пандемии COVID-19 // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер. Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 2. С. 58—64.
14. *Шапиро Н.А., Курганская М.Ю.* Гендерные отношения на рынке труда и в домашнем хозяйстве: разворот от неравенства к балансу // Российский разворот: монография по итогам всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Смагиной, Т.С. Сухиной и др. М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. С. 235—246.
15. *Шапиро Н.А., Курганская М.Ю.* Сравнительный анализ фреймов институциональной и поведенческой экономики: выводы для практики // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2021. № 1 (53). С. 168—177.
16. *Шапиро Н.А., Курганская М.Ю., Алешин В.Д.* Политика «Nudge» новой поведенческой экономики и ее применение в сфере образования // Менеджмент XXI века: социально-экономическая трансформация в условиях неопределенности. Сборник научных статей по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. СПб., 2020. С. 179—183.

17. *Becker G.S.* Economic Analysis and Human Behavior // *Advances in Behavioral Sciences*: Vol. 1 / Ed. by L. Green and J. Kagel. Norwood (N. J.): Ablex Publ. Corp., 1987. P. 3—17.
18. *Galiani S.* Pandemic Economics // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2021. July 7. P. 269—275.
19. *Kapeliushnikov R.* Behavioral economics and the «new» paternalism // *Russian Journal of Economics*. 2015. T. 1. No. 1. P. 81—107.
20. *Simon H.A.* A Behavioral Model of Rational Choice // *Quarterly Journal of Economics*. 1955. Vol. 69. No. 1. P. 99—118.

Reference

1. *Belyanin A.V.* Richard Taler i povedencheskaya ekonomika: ot laboratornykh eksperimentov k praktike podtalkivaniya (Nobelevskaya premiya po ekonomike 2017 goda) // *Voprosy ekonomiki*. 2018. № 1. S. 5—25.
2. *Biryukov V.V.* Normativno-kul'turologicheskii povorot i smena paradigmy razvitiya ekonomicheskoi nauki // *Filosofiya khozyaistva*. 2018. № 2 (116). S. 66—77.
3. *Voronov YU.P.* Upravlenie cherez manipulirovanie (o Nobelevskoi premii po ekonomike 2017 g.) // *EKO*. 2018. № 1 (523). S. 53—67.
4. *Danilkina D.S.* Neiroekonomika: novii mezhdistsiplinarnii podkhod k issledovaniyu ekonomicheskogo povedeniya // *Filosofiya khozyaistva*. 2019. № 3 (123). S. 188—199.
5. *Zotova E.S., Sukhina T.S.* Noveishii tekhnologizm: chelovek i sotsium, ekonomika i menedzhment (diskussiya v Varshavskom universitete) // *Filosofiya khozyaistva*. 2019. № 3 (123). S. 267—280.
6. *Klassiki teorii gosudarstvennogo upravleniya: amerikanskaya shkola* / Pod red. Dzh. SHafritsa, A. Khaida. M.: Izd-vo MGU, 2003.
7. *Raai F.V.* Ekonomika i psikhologiya / *Panorama ekonomicheskoi mysli kontsa XX stoletiya* / Pod red. D. Grineueya, M. Blini, I. Styuarta. T. 2. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2002. S. 973—990.
8. *Rubinshtein A.YA.* Pochemu odni teorii ne poluchayut priznaniya, a drugie imeyut uspekhi: «Meritornii paternalizm» R. Masgreiva i «Libertarianskii paternalizm» R. Talera // *Ekonomicheskii zhurnal VSHE*. 2019. T. 23. № 3. S. 345—364.

9. *Rudakova I.E.* Povedencheskaya ekonomika — novaya moda ili novaya paradigma? // *Filosofiya khozyaistva*. 2018. № 6 (120). S. 69—80.

10. *Saimon G.* Pogovorki upravleniya // *Klassiki teorii gosudarstvennogo upravleniya: amerikanskaya shkola* / Pod red. Dzh. Shafrittsa, A. Khaida. M.: Izd-vo MGU, 2003. S. 166—185.

11. *Taler R.* Novaya povedencheskaya ekonomika: pochemu lyudi narushayut pravila traditsionnoi ekonomiki i kak na etom zarabotat' / Per. s angl. A. Prokhorovoi. M.: Eksmo, 2018.

12. *Taler R., Stanstein K.* Nudge. Arkhitektura vybora. Kak uluchshit' nashi resheniya o zdorov'e, blagosostoyanii i schas'e. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2017. 240 s.

13. *Shapiro N.A.* Osnovaniya dlya vosstanovitel'nogo rosta biznesa posle pandemii COVID-19 // *Nauchnii zhurnal NIU ITMO. Ser. Ekonomika i ekologicheskii menedzhment*. 2020. № 2. S. 58—64.

14. *Shapiro N.A., Kurganskaya M.Yu.* Gendernye otnosheniya na rynke truda i v domashnem khozyaistve: razvorot ot neravenstva k balansu // *Rossiiskii razvorot: monografiya po itogam vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* / Pod red. Yu.M. Osipova, V.V. Smaginoi, T.S. Sukhinoi i dr. M.; Tambov: Izdatelskii dom «Derzhavinskii», 2020. S. 235—246.

15. *Shapiro N.A., Kurganskaya M.Yu.* Sravnitel'nii analiz freimov institutsionalnoi i povedencheskoi ekonomiki: vyvody dlya praktiki // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Ekonomika i upravlenie*. 2021. № 1 (53). S. 168—177.

16. *Spapiro N.A., Kurganskaya M.Yu., Aleshin V.D.* Politika «Nudge» novoi povedencheskoi ekonomiki i ee primenenie v sfere obrazovaniya // *Menedzhment XXI veka: sotsialno-ekonomicheskaya transformatsiya v usloviyakh neopredelennosti. Sbornik nauchnykh statei po materialam XVIII Mezhduna-rodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. SPb., 2020. S. 179—183.

А.Ю. КОЗЛОВСКИЙ

Научная парадигма социально-экономической типологии стран мира в исторической ретроспективе*

Аннотация. Автором рассмотрены истоки научной парадигмы социально-экономической типологии стран мира. Для этого автор обратился к содержанию научных трудов отдельных зарубежных и отечественных исследователей XVII—XIX вв., чьи фундаментальные экономико-страноведческие, макроэкономические изыскания можно считать первоосновой, предопределившей развитие современного научного знания о социально-экономической типологии стран мира. Также в статье, с опорой на определенный эмпирический и теоретический материал, автор обращается к вопросу об изначальном, самом раннем историческом разделении стран мира на группы, отличавшиеся друг от друга по уровню социально-экономического развития. В этом контексте предпринята попытка построения определенных моделей социально-экономической типологии стран мира XVII—XIX вв. и их исторической, фундаментально-сущностной характеристики. Автором указывается на параллельность ранних исторических процессов разделения стран мира на отдельные типовые группы и появления соответствующих зарубежных и отечественных экономико-страноведческих трудов.

Ключевые слова: научная парадигма, социально-экономическая типология стран мира, социально-экономический групповой тип страны, разделение стран мира на отдельные группы, модель социально-экономической типологии стран мира.

Abstract. Within this paper the author regarded the beginnings of whole world countries' social and economic typology scientific paradigm. For this purpose the author turned to the content of scientific studies of single foreign and domestic researches of XVII—XIX centuries, whose fundamental economic and regional geography, macroeconomic investigations can be regarded as basis having predetermined the development of the present scientific knowledge concerning whole world

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Козловский А.Ю. Научная парадигма социально-экономической типологии стран мира в исторической ретроспективе // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 93—111.

countries` social and economic typology. Also in the paper, under specific empirical and theoretical data, the author turns to the issue about primordial, earliest historical whole world countries division into particular groups varying in their social and economic development level. Within this context the author attempted to construct whole world countries social and economic typology certain models of XVII—XIX centuries, and characterize such models on historical and fundamental, essential basis. The author points out synchronism of early historical processes of inter-countries division into particular typical groups and writing corresponding foreign and domestic economic and regional geography researches.

Keywords: scientific paradigm, whole world countries` social and economic typology, social, economic and group type of a country, whole world countries` differentiation on separate groups, model of whole world countries` social and economic typology.

УДК 914/919
ББК 65стд1

Ключевая цель научной парадигмы социально-экономической типологии стран мира — эмпирическая фиксация и последующее теоретическое обоснование прошлых, настоящих и будущих отличий между странами мира по достигнутому, удерживаемому и наращиваемому в них уровню социально-экономического развития

На наш взгляд, проблематику научной парадигмы данной отрасли знания следует рассматривать в свете ее естественного деления на два важных содержательных блока.

Так, один из них — это современное фундаментально-теоретическое и предметно-прикладное знание о таковой типологии. Сегодня накоплен богатый, разносторонний эмпирический и теоретический материал. Он включает в себя: 1) необходимый социально-экономический, экономико-географический и иной понятийно-категориальный и методологический аппарат; 2) информацию о существующих межстрановых моделях — количестве различных групп и подгрупп стран мира и их общепринятых типологически-групповых наименованиях; 3) научные знания о ключевых, существенных, характерных типологически-групповых признаках стран мира; 4) сугубо прикладные методики определения уровня социально-экономического развития стран мира.

Современный теоретический базис рассматриваемой отрасли знания заключен в понятии *«социально-экономический тип страны»*. Однако более распространенным, собственно, научно-популярным понятием является *«группа (-ы) стран мира»*. Поэтому мы вправе оперировать и таким предметно-терминологическим словосочетанием, как *«отдельные типовые группы стран мира, различающиеся по уровню их социально-экономического развития»*. Таким образом, под социально-экономической типологией стран мира мы подразумеваем не что иное, как *«социально-экономическое типологическое страноведение»*.

Например, выдающийся отечественный и мировой страновед В.В. Вольский (1921—1999) отмечал: «Тип страны — это такая совокупность характеризующих ее показателей (социально-экономического типологического характера. — А.К.), которая в каких-то существенных, подчас решающих типологических чертах, с одной стороны, роднит эту страну с рядом схожих стран, а с другой стороны, выделяет ее из всех других типов стран» [6, 253].

Однако второй из этих содержательных блоков является малоизученным в отечественном и зарубежном социально-экономическом типологическом страноведении. Речь идет об ученых, первыми заложившими теоретические, эмпирические и методологические основы социально-экономической типологии стран мира. Их научные изыскания имеют самое непосредственное отношение и к вопросу об исторических обстоятельствах, причинах, факторах, характере и последствиях некоего «самого изначально» разделения стран мира на соответствующие групповые социально-экономические типы. Причем указанные ранние научные изыскания и осуществлялись по мере такового постепенного межстранового разделения, исследовавшегося этими учеными.

Итак, данные из относительно немногочисленной научной литературы по второму из двух содержательных блоков свидетельствуют о том, что одними из первых, кто теоретически и эмпирически обосновал наличие различных групповых социально-экономических типов стран мира, можно считать, например, классиков марксизма-ленинизма и их отдельных авторитетных последователей. Так, существенным научно-исследовательским вкладом самого К. Маркса (1818—1883) можно считать, например, его теорию азиатской, античной и германской общин [17, т. 46, ч. 1, 463—470].

Ленинские же групповые социально-экономические типы стран тогдашнего мира различались в зависимости от того, какой уровень производительных сил и сопутствующий ему тип классово-производственных отношений воспроизводился в них: капиталистический (в его доимпериалистической или империалистической стадиях), докапиталистический или же смешанный, т. е. «феодально-капиталистический», «переходный». Тогдашние типовые группы стран отличались друг от друга «социально-экономической готовностью» к ниспровержению в них капитализма или феодализма и установлению новой общественно-экономической формации. Не менее красноречивым с точки зрения деления стран мира эпохи конца XIX—начала XX в. на социально-экономические типологические группы представляется и ленинское отнесение Англии и Франции к «странам старого капиталистического развития» и, в свою очередь, Германии, США и Японии — к «молодым империалистическим странам» [15, 378]. Нами также была предпринята попытка разработать данные научные вопросы [12; 13].

Однако научное знание о социально-экономической типологии стран мира это не только отдельная политэкономическая или философско-идеологическая доктрина. Для индексации уровня социально-экономического развития той или иной отдельно взятой страны или целой типовой группы стран используются известные прикладные макроэкономические, агрегированные показатели — прежде всего, составляющие системы национальных счетов. Поэтому, на наш взгляд, «заря» европейского научного макроэкономического анализа — это и начало социально-экономического типологического страноведения в целом.

Например, в фундаментальной научной монографии «Контурь мировой экономики в 1—2030 гг.», автором которой является выдающийся британский экономист, специалист по всемирной макроэкономической истории Э. Мэддисон (1926—2010), приводятся основательные сведения об актуальных макроэкономических взглядах и научных изысканиях известнейших английских макроэкономистов У. Петти (1623—1687), Дж. Граунта (1620—1674), Г. Кинга (1650—1712), Ч. Давенанта (1656—1714), П. Когуна (1745—1820), французских экономистов П. де Буагильбера (1646—1714) и С. ле Претра де Вобана (1633—1707), английских экономистов-статистиков М. Мюльгалля (1836—1900) и К. Кларка (1905—1989) [18, 385—447].

Так, предметом научного интереса, например, У. Петти, выражаясь языком современного социально-экономического типологического страноведения, была «развивающаяся» Англия второй половины XVI — всего XVII в. — будущая «мастерская мира», «родина Промышленной революции», будущая «первая развитая страна». Ее сельское хозяйство и морская торговля крепили благодаря централизации государственной власти и института церкви, колонизации всей Ирландии, политико-религиозного подчинения Шотландии и Уэльса, основания колоний в Северной Америке, подавления военно-политической и социально-экономической конкуренции со стороны Франции, Испании и Нидерландов.

Ввиду того, что речь идет о «допромышленной Англии», в отдельных прикладных сочинениях У. Петти исследуются проблемы сравнительного наращивания сельскохозяйственной эффективности земель в самой Англии («Слово мудрым» (1665)) и оккупированной ею Ирландии («Трактат об Ирландии», (1687), «Анатомия Ирландии», (1691)) в свете анализа отдельных макроэкономических показателей [18, 391]. Так, в качестве таких агрегированных показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития тогдашних Англии и Уэльса, он выделял «численность населения, его доходы и расходы, запасы земли и другие материальные активы (сельскохозяйственный скот, рыба, различная жилая недвижимость, морские суда, монетные денежные знаки и еще многое-многое другое. — *А.К.*), человеческий капитал» [18, 392].

Еще большую страноведческую социально-экономическую направленность, на наш взгляд, имела ключевая работа У. Петти — «Политическая арифметика» (1676). В ней он сравнивал уровень социально-экономического развития уже целых трех ведущих государств — тогдашних Англии, Нидерландов и Франции. Так, утверждая, что «маленькая страна с малой численностью населения (Нидерланды. — *А.К.*) может быть равной, с точки зрения богатства и силы, государству с гораздо большим количеством людей, проживающих на обширной территории (Франция. — *А.К.*)» [18, 394—395], У. Петти прямо ставил вопрос о необходимости выработки неких более «специальных» критериев, объективно обуславливающих большее социально-экономическое благополучие одной страны по сравнению с другой.

Безусловно, что помимо рассмотренных достижений тогдашнего английского макроэкономического анализа, зарождавшееся

социально-экономическое типологическое страноведение не могло обойтись и без необходимых научных изысканий ранней демографии — «исторической географии населения». В этом отношении исследователем-пионером можно считать, например, коллегу У. Петти — Дж. Граунта. Так, в своей работе «Естественные и политические наблюдения над записями умерших» (1662) Дж. Граунт приводил и обобщал собранные им данные о рождаемости и смертности в Лондоне, а также о причинах последней в период с 1603 по 1667 гг., однако без фиксации важнейших данных — о возрасте умерших [18, 398]. На наш взгляд, наличие этих сведений, совокупно с необходимыми сведениями о доходах населения, имеющихся в вышеупомянутой работе У. Петти «Политическая арифметика», и отсутствующими данными о доступе к образованию, могло бы нам дать право рассматривать изыскания этих английских исследователей в качестве методики, предшествовавшей современному индексу человеческого развития.

Помимо Дж. Граунта, к межстрановому «сравнению экономических результатов», достигнутых в тогдашних Англии и Уэльсе совокупно, в Нидерландах и Франции по отдельности, обращались и вышеупомянутые Г. Кинг и Ч. Давенант. Это нашло отражение в таких сочинениях Г. Кинга, как «О морской торговле в Англии» (1688) и «Естественные и политические наблюдения и заключения о государстве и положении в Англии» (1696), и Ч. Давенанта — «Очерки о способах и средствах обеспечения войны» (1694), а также «Очерки вероятных методов приобретения людьми выгод из торгового баланса» (1699).

Объектами их научных исследований, как и у Дж. Граунта и У. Петти, были демография, национальный доход, душевой доход и расходы сословно и материально чрезвычайно поляризованного населения Англии (в том числе, расходы на образование, отдых, лечение и многое другое), оценка богатства и частичный учет производства во всех перечисленных странах [18, 401—402, 407, 436—437].

В свете указанных параметров, например, Ч. Давенант изучал налоговые системы этих стран и их приспособленность к условиям ведения войн, а Г. Кинг — то же самое, а также рост национальных основных фондов, совокупный годовой счет расходов английского населения на все ключевые жизненные потребности [18, 412]. Ввиду этого, оба автора осуществляли именно межстрановой социаль-

но-экономический сравнительный анализ, исходя из которого Англия, совокупно с Уэльсом, а также отдельно Нидерланды превосходили в своем экономическом росте Францию в период с 1688 по 1695 г. [18, 437].

Свой вклад в становление социально-экономического типологического страноведения, прежде всего, в изучение хозяйств Англии, Уэльса и Ирландии, сделал и П. Когун, представив в своей работе «Трактат о богатстве, власти и ресурсах Британской империи во всех частях света» (1815) четыре чрезвычайно важных оценочных характеристики, т. е. «четыре счета»: 1) численность населения; 2) богатство земли, жилья, морского флота, товарно-материальных запасов, потребительских товаров длительного пользования, государственного гражданского и военного имущества; 3) доходы населения; 4) добавленную стоимость [18, 439].

В таких трудах вышеупомянутых французских экономистов, как «Разрушение Франции в годы правления Людовика XIV» (1695) и «Подробное описание положения Франции» (1697) П. де Буагильбера и «Королевская десятина» (1707) С. ле Претра де Вобана критически рассматриваются проблемы замедлившегося социально-экономического развития Франции в свете регрессивной налоговой политики Людовика XIV (1638—1715). Однако необходимого сравнительного анализа фискальной ситуации, например, в тогдашних Испании, Англии, Нидерландах или в других странах данные авторы не осуществляют [18, 440—445].

Собственно, именно начало середины Нового времени (приблизительно рубеж XVII—XVIII вв.) и ознаменовало фактическое состояние все более возрастающей, причем глобальной, межстрановой социально-экономической дифференциации. Это обуславливалось итогами Великих географических открытий, совершенных мореходами, торговцами, пиратами, учеными-географами Испании, Португалии, Нидерландов, Англии, Франции, Дании, Швеции в Западном и Восточном полушариях. К таковым итогам относится постепенное становление колониальных империй этих стран, дававшее им возможность осуществления тотальной социально-экономической эксплуатации подконтрольных им «заморских» территорий.

Колоссальнейшее историческое значение для состоявшегося разделения стран тогдашнего мира на определенные групповые социально-экономические типы имел и различный уровень развития в

общенациональных масштабах капиталистического уклада на мануфактурной производственно-технической основе. Это развитие было стремительным и широчайшим в одних странах и замедленным, ограниченным, запоздалым — в других.

Тогдашние суверенные страны и «территории» разделились на три большие типовые группы:

1. *«Группа наиболее развивавшихся стран»*. Англия, Франция, Нидерланды — политически централизованные и «национально консолидированные» страны, меркантилистские экономики которых стремительно и широко развивались по капиталистическому пути на основе мануфактурного производства, под воздействием рационалистического отношения к действительности, широкого развития всех отраслей науки, техники, философии, университетского образования, межстранового интеллектуально-идейного обмена, самой активной эксплуатации сырьевых и человеческих ресурсов захватываемых ими заморских колоний;

2. *«Группа отстававших в своем социально-экономическом развитии стран и территорий»*. В них мануфактурное капиталистическое производство либо развивалось медленно и относительно запоздало, уступая место сельскохозяйственным феодально-общинным укладам или же «простой капиталистической кооперации». В данном случае речь идет, например, о таких странах, как Священная Римская империя, Испания, Португалия, Речь Посполитая, германские земли (за определенным исключением германских городов процветавшего Ганзейского союза), итальянские города-государства, Московская Русь, отдельные колонизировавшиеся и развивавшиеся Испанией, Португалией, Францией, Нидерландами и Англией территории Северной и Южной Америки. Развитие науки, техники и образования оказывало в этих странах различное — либо меньшее, либо же нулевое — воздействие на их социально-экономическое развитие;

3. *«Группа наименее развивавшихся стран и территорий»*. Для них было характерно почти что тотальное господство отсталых сельскохозяйственных феодально-общинных и даже еще более архаичных хозяйственных укладов. В качестве примеров можно привести Индию, Сиам, Исландию, Ирландию, Персию, Китай, Корею, Японию, те отдельные, но достаточно обширные территории колонизировавшейся Африки, Азии, Центральной и Южной Америки, Океании, которые тогда наименее развивались Испанией, Португа-

лией, Францией, Нидерландами и Англией, а также Османскую империю и поработанные ею же страны и территории Северной Африки, Балканского и Аравийского полуостровов. Формально же суверенные Персия, Китай, Корея и Япония постепенно превращались в будущие полукolonии Англии, Франции, Нидерландов, Германии. Общественно-политическое и социально-экономическое регулирование во всех странах этой третьей группы осуществлялось посредством ультратрадиционных, многовековых духовно-религиозных императивов различных исторических типов.

Таким образом, первоначальное, однако уже достаточно очевидное разделение стран тогдашнего мира на указанные типологические группы было во многом обусловлено не только состоянием их производственно-технической базы самой по себе, но и содержанием «развивавшейся» в них общественно-экономической формации. Так, например, в Большой советской энциклопедии прямо говорится: «Процесс зарождения и развития М. (мануфактуры. — *А.К.*) в экономически развитых странах Запада означал рост капитализма, усиливавшего разложение феодализма» (курсив мой. — *А.К.*) [5, 341]. Это фиксирует определенную правомерность нашего тезиса и о том, что именно на данном этапе Нового времени, вследствие как наличия, так и отсутствия указанных общественных перемен в тогдашних странах, и состоялась их первоначальная типологически-групповая социально-экономическая дифференциация.

Однако это межстрановое разделение на группы носило характер, оцениваемый, прежде всего, указанными «качественно-историческими», а не количественно исчисляемыми характеристиками. Поэтому «Большая Азия», например, и в 1700 г., все еще ожидаемо и заметно, втрое опережала «весь Запад» по объемам ВВП: 229 млрд 671 млн межд. дол. и 82 млрд 46 млн межд. дол. соответственно [18, 570—571].

Вышеуказанные глобальные исторические сдвиги, со всеми их ключевыми, характерными составляющими, обусловившие формирование представленной нами модели межстрановой социально-экономической типологии, находят свое отражение в миросистемной концепции американского мыслителя И. Валлерстайна. Согласно этой концепции, современная миросистема как «капиталистическая мирэкономика» начала формироваться в «долгом XVI в.» [4, 83]. Ее содержание стало зиждиться на обширной географической дифференциации между: 1) «центром» (будущие развитые

страны); 2) «полупериферией» (среднеразвитые страны); 3) «периферией» (наименее развитые страны). Различие между странами этих трех «осевых» типов обуславливалось усиливавшимся преобладанием в них производства определенных товаров [4, 114, 220].

Однако И. Валлерстайн указывает, что зародившаяся в XVI в. мироэкономика стала капиталистической, ибо ее основной целью было и остается бесконечное накопление капитала [4, 86]. Таковое накопление уже тогда представлялось возможным только при условии закрепления глобального «иерархически-подчиненного» характера этой системы. Речь идет о том, что страны «центра» как страны «развитые» для того, чтобы и оставаться таковыми, должны были «предотвращать» развитие «суверенного», конкурентоспособного промышленного и финансового капитала в странах «периферии». Поэтому И. Валлерстайном и утверждается следующее: «В обсуждении проблемы “феодализма” мы берем <...> концепцию “развития слаборазвитости”, т. е. тот взгляд, что экономические структуры современных слаборазвитых стран — не форма, которую “традиционные” общества принимают в результате контакта с “развитыми” обществами, и не более ранние стадии в “переходе” к индустриализации. Это скорее результат вовлечения в мироэкономику в качестве периферийной, сырьевой зоны...» [3, 25—26].

Важно отметить, что проблему «развития слаборазвитости» неевропейских стран и их народов, например, испанской Вест-Индии, поднимал и английский основатель классической политэкономии А. Смит (1723—1790). Так, в своем знаменитом труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) он писал: «Колония цивилизованной нации, занимающая обширную страну или страну, столь редко населенную, что ее коренные обитатели легко уступают место новым пришельцам, быстрее движется по пути к богатству и могуществу, чем всякое другое общество людей. Колонисты приносят с собой знание земледелия и других полезных ремесел, превосходящее то знание, которое может самостоятельно развиваться в течение ряда веков среди диких и варварских народов» [1, 412]. Однако далее он указывает, что вследствие привнесения европейцами элементов социально-экономической и особенно управленческой и законодательной культуры метрополии «естественное развитие диких и варварских народов совершается еще медленнее, чем естественное развитие ремесел» [19, 412].

Впоследствии указанная искусственная межстрановая социально-экономическая дифференциация еще более утвердилась в годы следующего за эрой мануфактурного производства колоссального сдвига в истории мировой капиталистической системы — Промышленной революции второй половины XVIII — первой и второй половин XIX в. Она обусловила еще большее межстрановое превосходство и соответственно отставание в социально-экономическом развитии. Так, тогдашняя Англия стала «страной-пионером» в деле широкого использования у себя силы первых механических прялок, внедрения энергии паровых двигателей и двигателей внутреннего сгорания, стремительного развития обрабатывающей и добывающей промышленности, развития крупнейшей машинной индустрии, небывалого увеличения пароводных и железнодорожных товарных перевозок в пределах всего мира. В свою очередь, национальные экономики остальных ведущих стран мира — Франции, США, Италии, Германии, Японии — несколько позже, в отличие от Англии, вступили в эпоху фундаментальных промышленных преобразований [19, 50]. Например, Ф. Энгельс (1820—1895) в своей предметной работе «К жилищному вопросу» (1872—1873) указывает, что «Франция и Германия в области крупной промышленности лишь плелись за Англией и которые собственно только с 1848 г. узнали, что такое крупная промышленность» [17, т. 18, 243—244].

Выдающийся же российский экономист-статистик С.И. Гулишамбаров (1849—1915), более концентрируясь в своих выводах на историческом разделении стран тогдашнего мира на «промышленные» и «аграрные», отмечал следующее: «Прежде <...> не замѣчалось особенной спеціализаціи въ той или другой области народнаго труда (глобальной межстрановой производственно-отраслевой и торгово-отраслевой специализации. — *А.К.*), каждая страна продолжала продовольствоваться собственнымъ (земледѣльческим. — *А.К.*) производствомъ <...> когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (в отдельных странах Западной Европы. — *А.К.*) горная и фабрично-заводская промышленность стали развиваться въ ущербъ местному земледѣлію, страна все еще продолжала оставаться земледѣльческою <...> чтобы не нуждаться въ иностранныхъ жизненныхъ припасахъ <...> перепроизводство хлѣбовъ (в том числе, в аграрных, “наименее развитых” странах. — *А.К.*) не могло имѣть тогда мѣсто: производство разсчитывалось только на удовлетво-

рение мѣстнаго спроса. Когда же въ нѣкоторыхъ государствахъ (въ отдельныхъ странахъ Западной Европы. — *А.К.*) <...> обрабатывающая промышленность стала болѣе выгодною, чѣмъ добывающая, то явился спросъ на иностранный хлѣбъ. Примѣненіе народнаго труда (въ отдельныхъ странахъ Западной Европы. — *А.К.*) въ большей своей части получило другое (все болѣе высокотехнологичное промышленное. — *А.К.*) направленіе, при которомъ стало выгоднѣе <...> продовольствоваться привознымъ изъ чужихъ (изъ слаборазвивавшихся въ промышленномъ отношеніи. — *А.К.*) странъ хлѣбомъ» [7, 38—39].

Так, например, еще раньше выдающийся немецкій экономист Фридрихъ Лист (1789—1846) писалъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ «Национальная система политической экономіи» о двухъ социально-экономическихъ типахъ тогдашнихъ странъ — «земледѣльческихъ» и «земледѣльческо-мануфактурныхъ»: «*Страна чисто земледѣльская является бесконечно менѣе совершенной* (т. е., менѣе развитой. — *А.К.*), *чемъ страна, земледѣльская и вместе съ темъ мануфактурная* (курсивъ мой. — *А.К.*). Первая всегда находится въ большей или меньшей экономической и политической зависимости отъ техъ націй, которые получаютъ отъ нея земледѣльческіе продукты въ обменъ на свои фабрично-заводскіе изделия» [16, 156].

Въ свою очередь, и А. Смитъ, предвосхитивъ приведенные теоретическіе заключенія Ф. Листа, указывалъ на ту же важную типологическую характеристику социально-экономическаго развитія техъ или иныхъ странъ: «*Въ каждомъ развитомъ обществѣ* (въ “развитой странѣ”, курсивъ мой. — *А.К.*) главный товарообменъ происходитъ между городскими и сельскими жителями. Онъ состоитъ въ обменѣ сырыхъ продуктовъ на изделия промышленности» [19, 279]. Также Ф. Листъ не только прямо оперировалъ понятіемъ «націй, достигшихъ значительной степени экономическаго развитія, и теми, которые находятся въ этомъ отношеніи на низшей ступени» [16, 150], но и указывалъ на конкретныя условія, обуславливающія таковое «значительное развитіе». Ими являются «нормальное состояніе націи» [16, 152] и жизненно важный внешнеэкономическій протекционизмъ въ отношеніи создаваемыхъ, «молодыхъ» промышленныхъ отраслей національнаго хозяйства «развивающихся странъ», то есть «мануфактурныхъ странъ второго и третьяго разряда» [16, 158].

Въ свою очередь, И. Валлерстайнъ логично подытоживаетъ сказанное и А. Смитомъ, и Ф. Листомъ, и С.И. Гулишамбаровымъ, однако

в приложении к периоду уже «окончательного торжества» Промышленной революции в странах «центра»: «При промышленном капитализме коренным образом изменилась и внутренняя структура государств центра. Для районов центра индустриализм означал *отбрасывание, в сущности, всякой сельскохозяйственной деятельности* (курсив мой. — А.К.)» [3, 49].

Так, к концу XIX — началу XX в. Англия, Франция, США, Германия и Бельгия, занимая ключевые мировые позиции в промышленном и сельскохозяйственном производстве, экспорте промышленных и финансовых капиталов, техническом, транспортном, энергетическом оснащении своих национальных экономик, были тогдашней *«группой наиболее развитых стран»*.

Австро-Венгрия, Канада, Россия (совокупно с Царством Польским и Финляндией), Италия, Швеция и Норвегия, Дания (совокупно с Исландией, Гренландией и Фарерскими островами), Нидерланды, Люксембург, Лихтенштейн, Испания, Швейцария, Австралия испытывали мощнейшее воздействие английского, германского, французского и североамериканского промышленного и финансового капитала. Они воспроизводили «средние» показатели в развитии основных отраслей тяжелой промышленности и «высокие» — в сельском хозяйстве, представляя собой *«группу среднеразвитых стран»*. Они оставались преимущественно полупериферийными странами той исторической эпохи, в которых капитализм воспроизводился наряду с докапиталистическими социально-экономическими пережитками. *Это во многом нивелировало разницу между ними и отдельными странами нижеследующей группы.*

Так, в свою очередь, Новая Зеландия, Индия, Япония [14, 208—215], Мексика, Южно-Африканский Союз, отдельные суверенные страны Южной Америки (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Уругвай) [9, 512], активно развивая у себя, во многом под контролем иностранного капитала, сельское хозяйство, обрабатывающую и горнодобывающую промышленность, железнодорожную сеть, не переставая быть относительно отсталыми странами полупериферийного капитализма, стали в рассматриваемый период олицетворением *«группы развивающихся стран разной степени успешности»*.

Наконец, в целом отсталые экономики тогдашних Португалии, Сербии, Румынии, Болгарии, Греции, Ирландии, Османской империи совокупно с ее аравийскими территориями, Египта, Пер-

сии, Афганистана, Сиам, Китая, Кубы, всех стран Центральной и отдельных стран Южной Америки (Боливия, Гайана, Парагвай, Перу, Чили, Эквадор) [1], азиатских, африканских колоний и малочисленных суверенных государств Африки (Абиссиния и Либерия), специализируясь почти сугубо на отсталом земледелии и скотоводстве, производстве тех или иных пищевых продуктов, были тогдашней *«группой наименее развитых стран и территорий»*.

В рассматриваемую эпоху начало появляться больше страноведческих сравнительных исследований историко-экономического, экономико-статистического и экономико-теоретического характера. Среди таких примечательных научных монографий можно отметить, например, выдающиеся, капитальные труды отечественных авторов — «Развитие народного хозяйства в Западной Европе» (1899) М.М. Ковалевского (1851—1916) [11] и «Наше государственное и народное хозяйство» (1909) В.И. Гурко (1862—1931) [8], а также зарубежных — «История всемирной торговли» (1876 г.) австрийца Адольфа Бэра (1831—1902) [2], «Прогресс мира» (1880) и «Промышленность и богатство народов» (1896) англичанина М. Мюльгалля (1836—1900) [18, 446].

Так, например, усилиями М. Мюльгалля была осуществлена макроэкономическая оценка добавленной стоимости уже целых 22 тогдашних ведущих стран, экономики которых были им разделены на 9 секторов [18, 446]. Не менее примечательной является и упомянутая работа (доклад) В.И. Гурко. В Главе I «Наше экономическое положение» он осуществляет сравнение ключевых социально-экономических показателей России, стран Западной Европы и США в период с 1904 по 1909 г. Причем этим автором, также как и нами, подчеркивалась подтверждаемая соответствующими цифрами фактическая схожесть тогдашних уровней социально-экономического развития России, Италии и Австро-Венгрии [8, 1—20].

В свою очередь, общие количественные итоги социально-экономического развития в 1913 г. демонстрируют закономерное «интенсивное» преобладание «группы наиболее развитых стран». Так, доли Великобритании, Франции, Германии, США и Бельгии в мировом ВВП в процентном выражении были следующими: 8,2; 5,3; 8,7; 21,3; 1,2 соответственно (всего 44,7%). Остальные же «страны Запада», например, Австрия (без Венгрии), Италия, Испания, Нидерланды, Дания, Швеция и Швейцария, составляя «группу

среднеразвитых стран», воспроизводили лишь 0,9; 3,5; 1,5; 0,9; 0,4; 0,6; 0,6 соответственно (всего 8,4%). Например, такая страна западной цивилизации как Португалия производила в 1913 г. почти только пищевые (даже не зерновые!) продукты, что составляло всего в 0,2% от тогдашних мировых объемов ВВП. Еще в 1870 г. доли только тех пяти «развитых стран» в объеме мирового ВВП уже составляли 9; 6,5; 6,5; 8,9; 1,2 (всего 32,1%), в то время как соответствующие доли всех стран Латинской Америки, Африки и Азии составляли лишь 2,5; 4,1; 38,3 (всего 44,9%) [18, 57—575].

По сравнению с ранними, вышерассмотренными этапами функционирования капиталистической мироэкономики, итоги Промышленной революции в Европе и США еще больше «консервировали» продолжавшуюся социально-экономическую слаборазвитость, «глубокую» полупериферийность и периферийность многих стран и территорий Европы, Азии, Южной и Центральной Америки, Африки, Океании. Так, выдающийся отечественный мыслитель-обществовед С.Г. Кара-Мурза в своей научной статье «“Империализм, как высшая стадия капитализма”: современное прочтение» обоснованно указывает на следующее: «Таким образом, из “Империализма...” прямо вытекал вывод, что уже в начале XX в. всякая возможность индустриализации и модернизации на путях капитализма для тех стран, которые не попали в состав метрополии, была утрачена. Их уделом стала *слаборазвитость*. Единственной возможностью обеспечить условия для своего экономического и социального развития для таких стран могла дать только большая (по сути дела, именно мировая) антикапиталистическая революция» [10, 101].

Доказательствами правоты С.Г. Кара-Мурзы являются, например, «социалистическое строительство» в СССР в 1930-х, 1960-х, 1970-х гг. и «социалистические преобразования» в Китае после 1949 г. Ведь «социалистические проекты» и в СССР, и в КНР — это, прежде всего, крупнейшие, чрезвычайно успешные проекты по всесторонней, всеохватывающей, «суверенной», но «догоняющей» модернизации этих в прошлом относительно отсталых стран. Это, таким образом, вновь актуализировало вопрос о типологической принадлежности стран мира в свете не только достигнутых ими важных, «классических» социально-экономических показателей, но и господствующей в этих странах общественно-экономической формации.

На наш же взгляд, в данном контексте речь может идти о том или ином колоссальном «сдвиге» в рамках «капиталистической мироэкономики». Его итогом может стать занятие в ней теми или иными ранее сугубо периферийными, малоразвитыми странами более «престижного» места «развитой, конкурентоспособной полупериферии». Поэтому примером сказанного нами являются не только указанные «социалистические революции» в России и Китае. Так, в условиях послевоенной деколонизации «новые индустриальные страны первой волны», «нефтяные монархии» Персидского залива смогли «войти в социально-экономическую современность», бросив определенный вызов странам центра.

Таким образом, основы научной парадигмы социально-экономической типологии стран мира закладывались в ранних демографических, экономико-статистических, макроэкономических, фискально-статистических изысканиях вышеуказанных зарубежных и отечественных ученых. От составления подробных статистических данных в отдельно взятой стране они последовательно переходили к необходимым, хотя и достаточно ограниченным по межстрановому составу, сравнительным исследованиям. Эти первоначальные, ключевые социально-экономические индикаторы остались теми важными составляющими, которые и в настоящее время включены в современные, более совершенные индексные оценки уровня социально-экономического развития отдельных стран и целых групп стран.

Естественно, что этими учеными еще не было осуществлено необходимого парадигмально-теоретического обобщения, которое предусматривало бы групповое типологическое деление стран тогдашнего мира. Понятия «социально-экономический тип страны», «типовые группы стран» ими пока что не разрабатывались.

Появление предметных экономико-страноведческих трудов осуществлялось параллельно развитию процессов разделения стран мира на указанные нами социально-экономические групповые типы в XVI—XIX вв.

Литература

1. Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX в.): Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1991.

2. *Бэр А.* История всемирной торговли. Пер. с нем. Э. Циммерман. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1876.
3. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина. СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001.
4. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение / Пер. Н. Тюкиной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
5. *Волков М.Я.* Мануфактура // Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 15 / Под ред. А.М. Прохорова. Изд. 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1974.
6. *Вольский В.В.* Избр. соч. / Под ред. А.С. Фетисова и др. М.: Смоленск: Ойкумена, 2009.
7. *Гулишамбаров Ст.О.* Всемирная торговля въ XIX в. и участие въ ней Россіи. С.-Петербургъ.: Типографія Киришбаума, Дворцовая площадь, д. М-ва Финансовъ, 1898.
8. *Гурко В.И.* Наше государственное и народное хозяйство: Доклад представленный 5-му съезду уполномоченныхъ объединенныхъ дворянскихъ обществъ. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1909.
9. История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. М.: Наука, 1993.
10. *Кара-Мурза С.Г.* Работа В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»: современное прочтение // Философия хозяйства. 2013. № 1 (85).
11. *Ковалевский М.М.* Развитие народного хозяйства в Западной Европе: Публ. лекции проф. М.М. Ковалевского, чит. в Брюссел. ун-те. СПб.: Ф. Павленков, 1899.
12. *Козловский А.Ю.* Марксистский научно-исследовательский подход к проблематике социально-экономической типологии стран мира: теоретическое исследование // Философия хозяйства. 2017. № 4 (112). С. 112—123.
13. *Козловский А.Ю.* Модель социально-экономической типологии отдельных стран мира эпохи конца XIX—начала XX в. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2017. № 2 (61). С. 114—123.
14. *Кузьминов Я.И.* Экономика Японии в конце XIX — начале XX в. // Полянский Ф.Я., Жамин В.А. Экономическая история капиталистических стран. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

15. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. М.: Издательство политической литературы, 1969.

16. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. М.: Изд-во «Европа», 2005.

17. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961—1968.

18. *Мэддисон Э.* Контуры мировой экономики в 1—2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / Пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. О. Филаточевой. М.: Изд. Института Гайдара, 2012.

19. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962.

References

1. *Alperovich M.S., Slezkin L.Yu.* Istoriya Latinskoi Ameriki (s drevneishikh vremen do nachala XX v.): Uchebnik dlya vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Vyssh. shk., 1991.

2. *Ber A.* Istoriya vsemirnoi trgovli. Per. s nem. E. Tsimmerman. M.: Izdanie K.T. Soldatenkova, 1876.

3. *Vallerstain I.* Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremenom mire / Per. s angl. P.M. Kudyukina. SPb.: Izdatelstvo «Universitetskaya kniga», 2001.

4. *Vallerstain I.* Mirosistemnii analiz: Vvedenie / Per. N. Tyukinnoi. M.: Izdatelskii dom «Territoriya budushchego», 2006.

5. *Volkov M.Ya.* Manufaktura // Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya: V 30 t. T. 15 / Pod red. A.M. Prokhorova. Izd. 3-e. M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1974.

6. *Volskii V.V.* Izbr. soch. / Pod red. A.S. Fetisova i dr. M.: Smolensk: Oikumena, 2009.

7. *Gulishambarov St.O.* Vsemirnaya trgovlya v XIX v. i uchastie v nei Rossii. S.-Peterburg.: Tipografiya Kirshbauma, Dvortsovaya ploshchad', d. M-va Finansov, 1898.

8. *Gurko V.I.* Nashe gosudarstvennoe i narodnoe khozyaistvo: Doklad predstavlenii 5-mu sezdru upolnomochennykh obedinennykh dvoryanskikh obshchestv. SPb.: Leshtukovskaya parovaya skoropechatnya P.O. Yablonskogo, 1909.

9. Istoriya Latinskoi Ameriki. 70-e gody XIX veka — 1918 god. M.: Nauka, 1993.

10. *Kara-Murza S.G.* Rabota V.I. Lenina «Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma»: sovremennoe prochtenie // *Filosofiya khozyaistva*. 2013. № 1 (85).
11. *Kovalevskii M.M.* Razvitie narodnogo khozyaistva v Zapadnoi Evrope: Publ. lektzii prof. M.M. Kovalevskogo, chit. v Bryussel. un-te. SPb.: F. Pavlenkov, 1899.
12. *Kozlovskii A.Yu.* Marksistskii nauchno-issledovatel'skii podkhod k problematike sotsial'no-ekonomicheskoi tipologii stran mira: teoreticheskoe issledovanie // *Filosofiya khozyaistva*. 2017. № 4 (112). S. 112—123.
13. *Kozlovskii A.Yu.* Model sotsialno-ekonomicheskoi tipologii otдельnykh stran mira epokhi kontsa XIX—nachala XX v. // *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy*. 2017. № 2 (61). S. 114—123.
14. *Kuz'minov Ya.I.* Ekonomika YAponii v kontse XIX—nachale XX v. // *Polyanskii F.Ya., Zhamin V.A.* Ekonomicheskaya istoriya kapitalisticheskikh stran. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1986.
15. *Lenin V.I.* Poln. sobr. soch. T. 27. M.: Izdatelstvo politicheskoi literatury, 1969.
16. *List F.* Natsionalnaya sistema politicheskoi ekonomii. M.: Izd-vo «Evropa», 2005.
17. *Marks K., Engels F.* Soch. M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury, 1961—1968.
18. *Meddison E.* Kontury mirovoi ekonomiki v 1—2030 gg. Ocherki po makroekonomicheskoi istorii / Per. s angl. YU. Kapturevskogo; pod red. O. Filatochevoi. — M.: Izd. Instituta Gaidara, 2012.
19. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. M.: Sotsekgiz, 1962.

О.Л. КОРОЛЕВ

Индивидуализация производства и потребления в цифровой экономике*

Аннотация. В статье определены экономические функции интернета как среды производства и обмена, обсуждается их роль в цифровой экономике. Автором исследуются особенности индивидуализации производства, связанные с товарами и услугами на заказ, ростом числа индивидуальных предприятий, появлением новых формальных и неформальных институтов. Индивидуализация производства является новым трендом, вызванным «потребительской индустрией», основанной на принятии решений о производстве новых товаров и услуг в ходе изучения данных о потребителе. Индивидуализация потребления развивается благодаря новым инструментам интернет-маркетинга в целом и, в частности, обработке данных пользователей социальных сетей. Целью данной работы является исследование тенденций индивидуализации производства и потребления в цифровой экономике, влияние на них цифровых технологий и электронной коммерции.

Ключевые слова: цифровая экономика, интернет, индивидуализация производства, индивидуализация потребления.

Abstract. The article identifies the economic functions of the internet as the production and exchange environment, discusses their role in the digital economy. The features of the individualization of the production associated with the production of goods and services to order the growth of individual's enterprises, and the emergence of new formal and informal institutions. Individualization of production is a new trend associated with the «consumer industry» based on making decisions on the production of new goods and services based on the study of consumer data. Individualization of consumption is developing thanks to new internet marketing tools, processing data of users of social networks. The purpose of this work is to study the trends in the individualization of

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Королёв О.Л. Индивидуализация производства и потребления в цифровой экономике // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 112—123.

production and consumption in the digital economy, the influence of digital technology and e-commerce on them.

Keywords: digital economy, internet, individualization of production, individualization of consumption.

УДК 330
ББК 65

Введение. Индустриальная экономика, период которой завершился в начале 1970-х гг. в связи с доминированием сервиса в общем объеме ВВП развитых стран, основывалась на коллективной работе и была характерна использованием совместных средств производства. В индустриальной экономике получили свое развитие промышленные гиганты и транснациональные корпорации, а собственность на средства производства стала переходить от индивидуальных капиталистов к держателям акций, между которыми распределялась собственность. С появлением компьютерной техники, информационных технологий, автоматизации производства и, особенно, в связи с распространением интернета появилась новая форма работы — дистанционный труд, стало развиваться виртуальное предпринимательство, не требующее больших групп работников, передача данных обеспечила сетевое управление и распределение труда. Указанные факторы, с одной стороны, способствовали глобализационным процессам, в которых интернет играл роль инфраструктуры, а с другой — процессам индивидуализации, которые также стали усиливаться в условиях цифровой экономики.

В цифровой экономике, влияющей на все аспекты жизни общества, можно выделить основные тренды индивидуализации, касающиеся производства и потребления. Индивидуализация производства касается самих процессов и продуктов, настраиваемых на потребности конкретного потребителя, а также возрастающего числа индивидуальных производителей, предпринимателей или наемных работников. В связи с ростом электронной коммерции и сбором данных о потребителе, появилось понятие «потребительской индустрии», которое мы определяем как участие потребителя в принятии решения о разработке новых товаров и услуг или использовании новых каналов сбыта. Индивидуализация потребления регулируется, прежде всего, в компьютерной сети интернет, для этого разрабатываются новые маркетинговые средства, относящиеся, в основном,

к контент маркетингу и формирующие индивидуальные предложения.

Помимо указанных тенденций следует отметить тенденцию индивидуализации в образовании, которую мы понимаем как создание среды производства новых высококвалифицированных специалистов и интеллектуального капитала не только индивидуумов, но и общества.

Наряду с новой, более значимой ролью индивидуума в вопросах производства и потребления, следует отметить возрастание рисков, связанных с оплатой труда, конкурентоспособностью, востребованностью на рынке имеющихся компетенций и других, в том числе банковских (кредиты, хищение средств, потеря инвестиций и др.).

Интернет как среда производства и потребления в цифровой экономике. Интернет является «кровеносной системой» цифровой экономики, ее инфраструктурой и средством связи. Именно через компьютерные сети осуществляется передача информационных потоков, без вмешательства человека связываются между собой устройства, происходит коммуникация экономических агентов. Экономической деятельности в компьютерной сети интернет в последнее время уделяют большое внимание теоретики и практики экономической науки, что связано, прежде всего, со всемирным охватом и ростом электронной коммерции, а также с развитием интернет-маркетинга. В интернете смещаются основные экономические функции: производство и потребление. Однако на каждом этапе взаимодействия пользователя с интернетом возникают следующие проблемы: отсутствие достоверности предоставляемой информации; отсутствие гарантий оплаты продавцу конечного товара; обеспечение гарантий сохранения кода платежа и сохранности вклада пользователя при использовании банковской карточки; возможность вмешательства со стороны сетевых взломщиков для банка-получателя платежа; отсутствие гарантии доставки оплаченного через интернет товара. Эти проблемы решает огромная армия разработчиков интернет-сайтов и программ, позволяющих представить информацию юридического или физического лица и организовать интерактивное взаимодействие с пользователем, случайно или целенаправленно получившего доступ к сайту.

Можно выделить четыре основных результата, полученных экономикой в целом от появления и распространения интернета.

Во-первых, всемирная компьютерная сеть оказала влияние на структуру доходов. Это выразилось, прежде всего, в снижении издержек производства, поскольку использование сети и информационных технологий позволяет создавать продукты с меньшими расходами, лучше обслуживать клиента и сократить управленческий аппарат предприятия.

Во-вторых, интернет формирует информационную политику, снижает риски неизвестности, связанные с асимметричной информацией. Однако если в традиционных рынках асимметричность больше касалась качества и цен товаров, то в новых условиях она относится к инвестициям в новые отрасли и секторы экономики. Структуры издержек таковы, что предприятия несут потери в течение первых нескольких лет, равновесие рынка или отсутствует, или крайне неустойчиво, и агенты рынка не знают, в какие именно предприятия поступят инвестиции. При этом банки и рынки акций не решают проблемы равновесия.

В-третьих, интернет из технического средства связи быстро превратился в систему нематериальных сетей, связующих физические и юридические лица нового общества. Социальные последствия, новые правила поведения членов общества еще не изучены, однако уже ясно, что появился новый тип организации — матричный, приводящий к сужению специализации производства.

В-четвертых, интернет из технологической сети трансформировался в экономическую, превратившись в эволюционирующую систему посредничества между агентами рынка. Благодаря этому агенты могут вступать в новые отношения с новым, смешанным содержанием, в котором бесплатное / неэкономическое, смешивается с платным / рыночным.

Исследователи из Техасского университета выделяют четыре слоя интернет-экономики: различные виды деятельности и компоненты, связанные с инфраструктурой интернета (интернет-провайдеры, разработчики оборудования и программного обеспечения сетей, производители персональных компьютеров и серверов, продавцы защитных программ); интернет-приложения, обеспечивающие коммерческую деятельность в сети (консультанты, приложения мультимедиа, программное обеспечение для развития Всемирной паутины Веб, поисковые системы и базы данных); посредники, упрощающие взаимодействие покупателя и продавца в интернете, обеспечивающие их встречу и обмен — организаторы вирту-

ального рынка (коммерция по типу бизнес-бизнес — B2B), агентства по навигации в Сети (электронная торговля ценными бумагами, электронные аукционы и реклама в сети); чистая коммерция (продажа товаров и услуг в интернете).

Индивидуализация производства в цифровой экономике.

На индивидуализацию производства и процессы трансформации интернета указывают Ю.В. Вертакова, О.А. Крыжановская и А.Р. Степанова, подчеркивая, что «переход к пятому укладу предполагает индивидуализацию производства и потребления в условиях глобализации, стремительного роста скорости связи и перемещения» [1, 131]. Сеть взаимодействующих между собой физических устройств, подключенных к интернету, быстро разрастается в связи с распространением «умных домов», «умных отраслей» и «умных территорий», а число подключенных элементов уже превышает число жителей Земли почти в три раза: в 2020 г. их число достигло 21 млрд. Тотальный учет потребления приводит к тому, что каждая энергетическая компания производит столько энергоресурсов, сколько надо в сумме конкретным потребителям, т. е., с одной стороны, происходит оптимизация и индивидуализация потребления, а с другой — производство индивидуальных продуктов. Для материальных продуктов индивидуализация проявляется как производство на заказ изделий, для которого используются автоматизированные линии, где каждый технологический этап конвейера работает по своей программе. Таким образом, производство становится массово-индивидуализированным. Так, А.В. Стрельцов, Г.И. Яковлев и Е.Ю. Никулина пишут: «...приращение эффективности современного промышленного производства произойдет за счет интенсивного развития цифровых технологий, включая как ускорение выхода продукта на рынок, увеличения гибкости производства за счет модульного оборудования, обеспечения возможности создания индивидуального продукта для каждого потребителя, эффективного промышленного дизайна за счет возможностей соответствующего цифрового проектирования, а также принципиально низких показателей энерго- и материалоемкости» [7, 254—255].

На Всемирном экономическом форуме в 2016 г. были определены основные тенденции цифровизации бизнеса, в центре которых находится потребитель и все тенденции связаны с «потребительской индустрией». В ее состав входят создание и разрушение стои-

мости, работа с потоками потребительских данных, использование новых каналов сбыта и цифровая модель операций [8].

Работа с потоками данных о потребителях открывает перед компаниями большие возможности по гибкой рекламе и выпуску продукции с учетом индивидуальных предпочтений, а также одновременное формирование общественного мнения по бренду компании. В перспективе будут развиваться успешные модели контроля и монетизации потребительских данных и фактически создается целая индустрия по работе с потребителями, в которой имеются и своя добавленная прибыль, и бизнес-процессы, и прибыль. В противовес данной тенденции общество ставит конфиденциальность и прозрачность используемых данных и алгоритмов их обработки.

Вторая глобальная тенденция — экономика опыта, в которой товары и услуги становятся как бы взаимозаменяемыми в связи с цифровизацией и распространением их образов через сетевые коммуникации производителей, продавцов и потребителей. Конкуренция фирм протекает уже не в сфере товаров и услуг, а в сфере борьбы за опыт потребителя, который можно использовать для инноваций и усиления конкурентоспособности. Взаимодействие между брендами и потребителями происходит на протяжении всего жизненного цикла товара, способствует созданию новых моделей дохода, связанного уже не столько с производством, сколько с полученными результатами человеком и обществом. Для того чтобы компания могла выделиться на рынке, она должна предложить не просто новый товар или услугу, а вызвать новые эмоции у потребителя, предложить ему новые переживания. Благодаря интернету и доступу потребителя практически ко всем товарам в мире происходит «гиперперсонализация» товаров и услуг. Настраивая свои профили в социальных сетях, потребители как бы строят свой виртуальный мир и ждут от него ответа в виде только им предназначенных товаров.

Третьим трендом является модификация традиционных магазинов розничной торговли в связи с ростом онлайн покупок. Для него характерны использование различных каналов сбыта, организация, наряду с традиционным магазином, сбыта в виртуальной среде, быстрая доставка товара на дом.

Четвертый глобальный тренд — это операционная цифровизация структур, основанных на развитии интернета, управляющих сетями «умных поставок» (Smart Supply) и «умных производств»

(Smart Factory). Создание операционной модели позволяет управлять потребительским опытом, получать новую «рабочую силу» будущего и конкурентное преимущество. Примером служит управление гибкими сетями поставок в сельском хозяйстве, позволяющее объединять индивидуальные, средние и крупные хозяйства на основе блокчейна.

Индивидуализации производства материальных товаров способствует интернет-торговля, поскольку она построена на предварительных заказах, позволяющих связываться с производителем и, не затоваривая склады, в допустимые для потребителя сроки создавать требуемый продукт. Здесь находит свое место и малый бизнес, быстрее, чем крупное производство, реагирующий на запросы потребителей. Данная организация производства в корне меняет привычные бизнес-модели, фактически исключает долгосрочное планирование, делает производство динамичным, готовым к быстрым изменениям, но при этом сохраняет основные производственные фонды.

В виртуальной среде продолжает развиваться малое и индивидуальное предпринимательство, связанное с производством информационного продукта и оказанием информационных услуг [2]. Все более востребованным становится различный контент, используемый в образовательных и рекламных целях и представляющий собой тексты, изображения и видеоролики. Организуются многочисленные кратковременные курсы по обучению «копирайту» — созданию текстов специального назначения, отвечающих особым требованиям воздействия на читателя. Появились новые профессии менеджеров социальных сетей, специализированных по их типам, например, в «Инстаграм» («Instagram») необходимо уметь подбирать и делать фотомонтажи, владеть технологией фотошопа, создавать истории, в свете которых заказчики выглядели бы наиболее привлекательно. Такие работы выполняют дистанционные работники, которые могут не видеть «вживую» работодателя и своих коллег. Появилась армия фрилансеров, предпочитающих временную, самостоятельную работу на заказ постоянной занятости.

Индивидуализация производства способствует появлению новых институтов, правил ведения бизнеса, рыночных механизмов регулирования спроса, предложения и цены на информационные товары, включая программное обеспечение и контент, формальные и неформальные объединения индивидуальных предпринимателей.

Индивидуализация потребления. Новую роль в цифровой экономике играют социальные сети. Во-первых, они расширили коммуникационную базу каждого человека и экономических агентов. Во-вторых, позволили использовать разные рекламные средства, в том числе, неявного характера. В-третьих, они стали базой для сбора информации о потребителях, их предпочтениях, возрастных группах и т. д. Потребители, сами того не подозревая, сообщают личные данные в комментариях, на страницах или в своих фото и видеофайлах. Не так давно Конгресс США слушал дело Марка Цукерберга о передаче 50 млн. персональных данных пользователей Фейсбука английской компании «Cambridge Analytica», оказывающей политические консалтинговые услуги [6]. Эти данные были получены в результате тестирования пользователей в социальной сети и могут служить основанием для манипулирования их мнением и потребительскими предпочтениями. Экс-стратег Трампа заявил, что полученные сведения позволяли менять мнения пользователей, в том числе по политическим вопросам. Когда афера с передачей данных вскрылась, акции Фейсбука упали на 40 млрд дол. за сутки. Крупномасштабным сбором данных, которым занимаются научные центры и компании типа «Cambridge Analytica», пытаются влиять на исход политических событий. Так, в настоящее время, каждый интернет-магазин тщательно собирает и анализирует сведения о своих реальных и потенциальных покупателях, пытаясь сначала привлечь внимание посетителя своего сайта, затем вынудить его совершить покупку, а затем еще одну и, наконец, стать не просто приверженцем данной торговой точки или торгового бренда, а продвигать через свои аккаунты, товары или услуги политическую повестку. Персонализированный маркетинг обеспечивает регистрацию покупателя, разработку и поддержку баз данных о покупателе, его предпочтениях, историю переписки, консультирование, поддержку диалога (последнее все больше поручают программам искусственного интеллекта): «Персонализация воздействия на потребителя предполагает наличие информации о его имени, возрасте, месте постоянного проживания, о сфере деятельности» [3, 100]. Для дальнейшего взаимодействия с покупателем после его покупки ему рассылают сведения о проводимых акциях, персональных скидках, проводимых конкурсах, подарках, возможности обменять товар и других услугах.

Интерес представляют возможности моделирования в виртуальных средах, применение математического аппарата и средств искусственного интеллекта для «конструирования потребителя» [4]. В данном случае речь идет о потреблении, которое позволяет сформировать уникальный образ потребителя с помощью цифровых знаков товаров, «формировании идентичности». В условиях цифровизации, когда на первый план выходит ценность, а не стоимость, такой подход позволяет строить некоторую матрицу, кластеризующую потребителей по ряду признаков, прежде всего по их покупательским предпочтениям и финансовым затратам. Данная матрица включает функции предметов потребления, эстетические свойства, товар как личный смысл (индивидуализированный код) и товар как бренд, позволяет вводить некоторые числовые значения для каждой выделенной характеристики потребителя и его приобретенного товара, строить модели, облегчающие последующее предложение данному потребителю или группе. Отбор показателей и их значений производится с помощью программ, обрабатывающих поступающие на сайт сведения. Учитываются также активность покупателя, контент, который он формирует на сайтах продавцов и в социальных сетях, его комментарии к другим брендам, продавцам и покупателям, а также выставляемые фотографии в различных нарядах или с различными другими товарами.

Индивидуализация потребления коснулась и услуг, ассортимент и качество которых постоянно растет. Услуга характерна тем, что она осуществляется в процессе взаимодействия производителя услуги и ее потребителя. Информационные технологии применяются, например, на различных этапах оказания туристических услуг, в которых задействованы системы бронирования и резервирования, геоинформационные системы, системы управления транспортной сферой, автоматизированного управления предприятием (гостиничным комплексом, пансионатом) [5]. Как и другие сферы услуг, туризм заинтересован в постоянных клиентах, возвращающихся в турфирмы за новыми путевками. Потребитель также проходит этапы взаимодействия от потенциального потребителя услуги до возвращающегося клиента, сторонника данной фирмы, пропагандиста и партнера (держателя акций). При этом предприятия сферы услуг строят взаимодействие с потребителем на основе следующих принципов: «ориентация деятельности предприятия на долговременные партнерские отношения с потребителем; продажа средств решения

проблем потребителей на протяжении всего периода взаимодействия; объединение стратегий активного приспособления к требованиям потребителей и целенаправленное воздействие на их ожидания и предпочтения; сотрудничество с потребителями, направленное на взаимное достижение целей, а также повышение социальной стабильности и качества жизни» [5, 204].

Существуют множество инструментов, позволяющих осуществлять индивидуализацию потребления путем контент-маркетинга, целевой рассылки электронных писем, разработки видеороликов, создания сайтов, которые косвенно вовлекают потребителя в совместную деятельность с продавцом и подводят его к принятию положительного решения о покупке и др. Они разрабатываются профессионалами, апробируются и внедряются — идет непрерывный процесс создания новых инновационных методов и средств, цель которых одна — продать как можно больше одних товаров, а потом сразу начинать продавать этим же потребителям следующие. В Европе, по сравнению с Соединенными Штатами, люди покупают намного меньше товаров личного пользования, они предпочитают тратить свои сбережения на другие ценности, но это не снижает темпы индивидуализации потребления в целом, поскольку предложение тоже увеличивается.

Выводы. В цифровой экономике выявлены тенденции индивидуализации, относящиеся к двум основным процессам: производству и потреблению. Средой данных процессов является компьютерная сеть интернет, выполняющая функции экономические, коммуникативные, производственные, снижающая издержки производства и риски производителей и потребителей и являющаяся инфраструктурой цифровой экономики.

Индивидуализация производства охватывает несколько направлений. Во-первых, интернет способствует индивидуализированному производству энергоресурсов и оптимизации их потребления. Во-вторых, осуществляется выполнение индивидуальных заказов на традиционных крупных предприятиях, чему способствует развитие электронной коммерции. В-третьих, увеличивается число индивидуальных предпринимателей и фрилансеров, благодаря чему появляются новые формальные и неформальные институты.

Индивидуализация потребления расширяется за счет новых методов контент-маркетинга в интернете, позволяющих осуществлять целевое предложение с учетом потребительских предпочтений

покупателей. Данная тенденция усиливается с распространением социальных сетей и возможностью обработки больших наборов данных, относящихся к типологии личности, ее социальной и этнической принадлежности, особенностям национальных традиций. Построенные модели позволяют оптимизировать и персонализировать производство товаров и услуг, учитывать ценностные ориентиры и финансовые возможности потребителя.

Тенденции индивидуализации производства и потребления, возникшие благодаря интернету, усилились в связи с пандемией: сегодня предприятиям необходимо находить баланс между массовым и индивидуализированным производством, развивать «потребительскую индустрию».

Литература

1. Вертакова Ю.В., Крыжановская О.А., Степанова А.Р. Цифровая трансформация социально-экономических и производственных процессов на основе цифровой платформы Интернета вещей // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 4 (50). С. 130—135.
2. Денисенко И.А. Функционирование и развитие предпринимательства в условиях цифровой экономики // Сервис в России и за рубежом. 2018. Т. 12. № 4 (82). С. 84—98.
3. Ершова Е.Ю. Особенности персонализированного маркетинга в Интернет-торговле // Вестник современных исследований. 2018. № 10.8 (25). С. 100—101.
4. Плотицкина Н.В. Конструирование идентичности цифрового потребителя в современном обществе // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2018. № 10. С. 175—182.
5. Радыгина Е.Г. Новые возможности взаимодействия с потребителем услуг в условиях цифровой трансформации // Вестник Академии знаний. 2020. № 1 (36). С. 201—205.
6. Скандал с Facebook и Cambridge Analytica. Что мы знаем: URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43475612> (дата обращения: 07.02.2022).
7. Стрельцов А.В., Яковлев Г.И., Никулина Е.Ю. Обеспечение конкурентных преимуществ промышленных предприятий и предпринимательство в условиях цифровой экономики // Проблемы развития предприятий: теория и практика. 2018. № 1. С. 253—261.

8. Digital transformation of industries consumer industries // World economic Forum, 2016: URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2016> (дата обращения: 07.02.2022).

References

1. Vertakova Yu.V., Kryzhanovskaya O.A., Stepanova A.R. Cifrovaya transformaciya social'no-ekonomicheskikh i proizvodstvennykh processov na osnove cifrovoj platformy Interneta veshchej // Vestnik OrelGIET. 2019. № 4 (50). S. 130—135.
2. Denisenko I.A. Funkcionirovanie i razvitie predprinimatel'stva v usloviyakh cifrovoj ekonomiki // Servis v Rossii i za rubezhom. 2018. T. 12. № 4 (82). S. 84—98.
3. Ershova E.Yu. Osobennosti personalizirovannogo marketinga v Internet-torgovle // Vestnik sovremennykh issledovanij. 2018. № 10.8 (25). S. 100—101.
4. Plotichkina N.V. Konstruirovaniye identichnosti cifrovogo potrebitelya v sovremennom obshchestve // Elektronnyy setevoy politematicheskij zhurnal «Nauchnye trudy KubGTU». 2018. № 10. S. 175—182.
5. Radygina E.G. Novye vozmozhnosti vzaimodejstviya s potrebitелем uslug v usloviyakh cifrovoj transformacii // Vestnik Akademii znaniy. 2020. № 1 (36). S. 201—205.
6. Skandal s Facebook i Cambridge Analytica. Chto my znaem: URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43475612> (data obrashcheniya: 07.02.2022).
7. Strelcov A.V., Yakovlev G.I., Nikulina E.Yu. Obespechenie konkurentnykh preimushchestv promyshlennykh predpriyatij i predprinimatel'stvo v usloviyakh cifrovoj ekonomiki // Problemy razvitiya predpriyatij: teoriya i praktika. 2018. № 1. S. 253—261.

В.В. СКАЛКИН, С.А. СИДОРОВА

**Проблема спонтанности в институциональной
экономической теории***

Аннотация. В статье рассматривается теория «невидимой руки» рынка с различных точек зрения, раскрывается сущность спонтанности действий «невидимой руки, ставятся вопросы выбора: тирания и насилие или божий промысел. Дается авторское видение природы «невидимой руки» рынка, исходя из тождества «невидимая рука» рынка и «невидимая рука» Господа Бога в соответствии с теологическим подходом (XVII—XVIII вв.) Адама Смита и учением Спинозы о божественном промысле. Делается вывод о самодостаточности и справедливости рынка, не требующих вмешательства извне, в том числе государственного. Вместе с тем, авторы полагают что проблемы координации, регулирования публичных благ, являющиеся объектом общественного спроса, могут быть решены при помощи политического рынка, обеспечивающего предоставление политических услуг.

Ключевые слова: «невидимая рука» рынка, божий промысел, государственное регулирование, случайные события, ограниченная рациональность, политический рынок, провалы рынка.

Abstract. The article considers the category of market «invisible hand» from various points of view. The essence of actions spontaneity of the «invisible hand» is revealed. At the same time, questions of choice are raised: tyranny and violence or divine providence. The authors express vision to nature of market as «invisible hand», based on the identity «invisible hand» of market and the «invisible hand» of God in accordance with the theological approach (XVII—XVIII centuries) of its consideration by Adam Smith and the doctrine of Spinoza about divine providence. The conclusion draws the self-sufficiency and fairness of market that does not require intervention from the outside. The above said does not contradict the concept of political market which responds to public demand for political services in cooperation, regulation etc. which is

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Скалкин В.В., Сидорова С.А. Проблема спонтанности в институциональной экономической теории // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 124—132.

supplied by providers of political services within the free market environment.

Keywords: market as «invisible hand», divine providence, state regulation, random events, bounded rationality, political market, market failures.

УДК: 330.82

ББК: 65.010

В научных кругах широко обсуждается вопрос о том, существует ли «невидимая рука» рынка, имеет ли она божественную природу и отвечает ли общим требованиям регулирования, в процессе которого общественные отношения протекают более эффективно. Существуют различные мнения на этот счет. В связи с этим цели исследования — рассмотрение категории «невидимой руки» рынка с различных точек зрения и обоснование авторской трактовки.

Для начала следует обосновать наличие и использование термина «божественный» в научной статье по экономической теории. Несколько столетий атеизма, зачастую воинствующего, привели к тому, что восприятие самого термина «Бог» с позиций науки может восприниматься как когнитивный диссонанс. Расцвет атеизма пришелся на конец XIX — первую половину XX в., когда человечество пребывало в иллюзии, согласно которой все законы природы, общества и человеческого мышления открыты, или почти открыты, и должно пройти совсем немного времени до полного контроля человечества над своим настоящим и будущим. Однако позже пришло осознание того, что процесс познания бесконечен и, в сущности, мир до конца не познаваем, ибо каждая новая толика знания отрывает новые горизонты непознанного. В связи с этим можно говорить о принципиальной непредсказуемости будущего. Иными словами, если при помощи законов физики можно объяснить, почему кирпич падает с крыши дома на землю, то объяснить и — главное — предсказать, почему именно этот кирпич упал в определенном месте в определенное время, не представляется возможным. Это то, что на языке контрактного права называется «Acts of God» (действия Бога), что на русский язык переводится эвфемизмом «события непреодолимой силы».

Другой аспект понятия Бога («Природы» в спинозианском смысле этого слова) — это взаимосвязь морального, духовно-нравственного поведения человека, реализуемого в процессе общественного производства и экономических отношений, преследующего долгосрочные результаты экономической деятельности. Фундаментальный труд основателя экономической теории Адама Смита «Теория нравственных чувств» (1759) посвящен именно этому аспекту восприятия Бога и «Божественного» как основы экономических и общественных отношений, называемых рынком.

Согласно Дж. Стиглицу, «невидимая рука» рынка является невидимой, поскольку ее нет. Следовательно, необходимо вмешательство государства в экономику, в частности в сглаживании отрицательных эффектов — «провалов рынка» [2]. Д. Бхалла и Т. О'Рейли полагают, что «невидимая рука» рынка существует, однако является не слишком надежной, так как действия человека могут быть как произвольными, так и произвольными. К произвольным действиям относятся так называемые правила игры (действующая налоговая политика, требования к минимальной оплате труда, размер государственных пособий и др.), которые можно и нужно менять, в том числе и в регуляторных целях [13]. Поэтому следует не ждать, а действовать [17]. Однако Нассим Талеб считает, что человек не может предугадать будущие события, а, следовательно, не может ими управлять [16]. По мнению Айн Рэнд и Алана Гринспена, рынок самодостаточен и не требует никакого вмешательства, в том числе государственного, в его естественные процессы, поскольку рынок рассматривается в качестве живого организма, могущего излечиться самостоятельно от любых «язв», активизируя необходимые процессы [5].

Существует точка зрения, согласно которой А. Смит видел в «невидимой руке» рынка не что иное, как «невидимую руку» Господа Бога [4]. При этом доподлинно неизвестно, какого вероисповедания придерживался А. Смит. Существует несколько точек зрения по данному вопросу:

- 1) А. Смит — представитель англиканской церкви;
- 2) А. Смит — представитель шотландской (пресвитерианской) церкви;
- 3) А. Смит — последователь деизма (как и большинство его современников);

4) А. Смит — представитель рационализма (веры, основанной не на откровении, а на принятии Бога разумом (так, у Гегеля роль Бога выполняет абсолютный дух, у Канта — чистый разум (категорический императив))).

В то же время необходимо подчеркнуть, что верования А. Смита не противоречат канонам Русской православной церкви, поскольку и Русская Синодальная Библия, и «King James Bible» (1611), которой пользовался Адам Смит, исходят из одного писания — «Textus Receptus» (в отличие от латинской Вульгаты) [14].

При этом не так важно имя Бога (количество имен только в религиях может достигать 9 млрд), как его свойства: невидимость, неосязаемость, вечность, вездесущность, всезнаемость и всемогущность.

Если принять гипотезу, согласно которой А. Смит являлся шотландским кальвинистом, то он рассматривал сущность «невидимой руки» в контексте теологии XVII—XVIII вв. При этом за основу было взято учение Исаака Ньютона о божественном промысле и действиях во Вселенной. Мы считаем, что именно поэтому А. Смит сравнивает личностный интерес отдельного экономического агента с гравитационными силами, описанными Ньютоном [4]. Вместе с тем, у Смита прослеживается отклонение от естественной теологии, в основе которой лежат разум и повседневный опыт, и принимается богооткровенная теология [9].

Ньютон в своем учении исходил из доктрины Божьего промысла и полагал, что все, происходящее во Вселенной, есть деяния Бога, так как ее функционирование подчинено постоянно действующим законам. В этом и заключаются мудрость и всевластие Господа. При этом разделяются общее устройство Вселенной и нерегулярные проявления Божьего промысла, которые, однако, не могут подорвать общее мироустройство [4]. Следовательно, общий и особый промыслы являются составными частями божественной природы экономики. Вместе с тем, аналогия движения Вселенной и движения отдельного индивидуума представляется уместной [12].

В данном контексте А. Смит говорил о том, что «невидимая рука» рынка, тождественная «невидимой руке» Бога, стимулирует возникновение событий, которые не вписываются в привычный ход вещей, выбиваясь из общего ряда. При этом наличие «невидимой руки» рынка позволяет распределять экономические блага согласно честной доле каждого. Именно такое распределение делает рынок

справедливым. Таким образом, изучение природы «невидимой руки» рынка перемещается из сферы теологии в сферу телеологии, что дает не богословское обоснование феномену «невидимой руки» рынка, а научное [7].

Распространено мнение, согласно которому вера в божественный промысел исключают рациональное мышление. Тем не менее, согласно Г. Саймону, человек ограниченно рационален, поскольку обладает неполным объемом информации и не имеет средств по ее обработке [6]. При этом вера в божественный промысел не исключает рациональности мышления. В соответствии с учением Спинозы, причинность есть воля Бога, а, следовательно, вечна и неизменна. Все имеет причинно-следственную связь [10]. Тем не менее, человеку кажутся случайными те или иные события, поскольку он рассматривает факторы изолированно друг от друга и не может видеть целостной картины явления или процесса.

При этом неубедительность промысла «невидимой руки» рынка во многом видится в ее спонтанном характере, что зачастую отождествляется со словом «случайный», однако, в соответствии с лонгманским словарем, спонтанность имеет место в отсутствии внешнего стимула («happening as a result of natural feelings or causes; without outside force or influence, or without being planned»). Синонимами категории «спонтанности» являются следующие выражения:

- 1) «Unforced, voluntary, unconstrained» (непринужденный, добровольный, без ограничений);
- 2) «Unprompted, unbidden, unsolicited, unplanned, unpremeditated, unrehearsed, impulsive, impetuous» (самопроизвольный, непрошенный, незатребованный, незапланированный, непреднамеренный, беспрепятственный, импульсивный);
- 3) «Unstudied, impromptu, spur-of-the-moment, extempore, extemporaneous» (неизученный, импровизированный, мгновенный, экспромтный);
- 4) Uninstructed off-the-cuff (бессистемный);
- 5) «Having an open, natural and uninhibited manner, natural uninhibited» (открытый, естественный, в произвольной манере);
- 6) «Unselfconscious, unaffected, easy, casual, impulsive, impetuous, open, genuine» (истинный, случайно сгенерированный, гениальный).

Антонимами категории «спонтанности» являются слова «planned, forced, calculated» (плановый, принудительный, рассчитанный).

В соответствии с русскоязычным переводом категория спонтанности отождествляется со случайностью и стихийностью, в то время как англоязычный перевод делает акцент на «непосредственности», т. е. на том, что «невидимая рука» рынка не имеет посредника, иначе говоря — лишена гоббсианского деспота [3].

В связи с этим ставится вопрос: «невидимая рука» чья? — рынка, а, следовательно, Божественного проведения. Таким образом, возникает выбор между тираном и деспотом, с одной стороны, и Божественным провидением — с другой; между насильственным принуждением и индивидуальной совестью благочестивого человека [9].

Развивая вопрос о том, чем является «невидимая рука» рынка, стоит обратиться к Менгерианскому вопросу: «Как может быть так, что учреждения, которые служат общему благосостоянию и чрезвычайно важны для его развития, возникают без общей воли, направленной на их установление?» [15] В этом состоит более точное изложение идеи: при помощи «невидимой руки» А. Смита и «продуктов человеческого действия Фергюсона, но не человеческого замысла».

Ту же идею развивает Ф. Хайек, говоря о том, что экономическая конкуренция есть процедура познания и открытия нового. В то же время человек не способен изобрести «экономический порядок». Существует общая децентрализация знания, равно как и децентрализация контроля над ресурсами. При этом сглаживание такой децентрализации видится в наделении и охране прав частной собственности на ресурсы. Также исключается статичность процессов. Поэтому на рынке первостепенное значение имеют спонтанные (непреднамеренные) следствия, возникающие в то же время из-за безличного процесса распределения ресурсов и из-за преследования зачастую невнятных индивидуальных целей, вследствие чего две стороны не могут заранее знать наверняка о конечных результатах их взаимодействия друг с другом. Происходит непрерывный процесс приспособления отдельных экономических агентов к текущим условиям на рынке [11].

По мнению Бьюкенена, спонтанный порядок определяется в процессе своего возникновения. При этом политический рынок вы-

ступает в качестве продолжения товарного рынка, рынка услуг и финансового рынка [1].

Авторская позиция о сущностной природе «невидимой руки» рынка исходит из учения А. Смита и предполагает, что «невидимая рука» рынка — «невидимая рука» Господа Бога. При этом авторы не обязательно могут разделять теории общего мироустройства и отдельных проявлений Божьего промысла как, например, И. Ньютон, а исходить из учения Спинозы, согласно которому все имеет причинно-следственную связь, которую человек не может в полной мере проследить. Можно дать такое субъективно-человеческое определение Бога, как «неопределенность, возникающая из разрыва между известным, потенциально известным и потенциально неизвестным»¹. Из проявлений Божьего промысла — действий «невидимой руки» рынка — и состоит общее мироустройство, которое, в конечном счете, сплетается в единый «узор». Таким образом, следует вывод, что рынок самодостаточен и не требует вмешательства извне, т. е. он непосредственен.

Возникает вопрос: а что делать с так называемыми «провалами рынка», т. е. с ситуациями, когда индивидуальное преследование личного интереса не приводит к улучшению общественного благосостояния? Список таких «провалов» включает в себя монополию, экстерналии, общественные блага, общие ресурсы, искусственно ограниченные блага, асимметрию информации, а также такие провалы рынка Стиглица, как неравенство, бедность, безработицу, провалы координации. Однако согласно определению рынка как честного и справедливого обмена между двумя свободными и информированными сторонами [7], ни в одной из указанных ситуаций базовое условие рынка не соблюдается. Таким образом, следствием такого положения является возникновение общественного спроса на политические услуги по регулированию, координации и решению иных вопросов приведения к базовым условиям рынка как честного и справедливого обмена в соответствии с теорией «невидимой руки» Божественного Провидения и рыночного континуума, состоящего из рынка товаров, услуг и политических услуг [8].

¹«Есть известное, которое мы знаем. Есть известное, которое мы не знаем. Есть неизвестное, которое мы знаем. Есть неизвестное, которое мы не знаем» (Дональд Рамсфельд).

Литература

1. *Бьюкенен Дж.М.* Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы // Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1. М.: Таурус Альфа, 1997.
2. *Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения?* М.: Эксмо, 2016.
3. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Соцэкгиз, 1963.
4. *Ослингтон П.* Бог и рынок: «невидимая рука» Адама Смита // Социально-экономическая мысль Запада. Христианское чтение. 2015. № 1. С. 181—206.
5. *Рэнд А.* Капитализм: Незнакомый идеал / Пер. с англ. Г. Зеленина и др. М.: Альпина Пабlishер, 2018.
6. *Саймон Г.А.* Теория принятия решений в экономической теории и в науке о поведении // Вехи экономической мысли Т. 2.: Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 2000.
7. *Скалкин В.В., Сидорова С.А.* Основы теории рынка: метафизика, эпистемология, этика. М.: Прометей, 2019.
8. *Скалкин В.В., Журавлева И.А.* Проблемы и возможности применения корректирующего налога к ординарным транзакциям в оптимизационной модели фискальной политики // Аудит и финансовый анализ. 2016. № 6. С. 40—43.
9. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.
10. *Спиноза Б.* Трактат об усовершенствовании разума и о пути, которым лучше всего направляться к истинному познанию вещей // Спиноза Б. Избр. произвед.: В 2 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.
11. *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Пер. с англ. Е. Осиновой. М.: Новости, 1992.
12. *Brooke J.H.* The God of Isaac Newton // Let Newton Be! / J. Fauvel (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1988.
13. *Bhalla J.* Ten Logical Reasons Why Free-Marketeers Don't Understand the Invisible Hand // Economics — The Next Evolution of Economics: URL: [http:// evonomics.com/10-logical-reasonswhy-free-marketeers-dont-understand/](http://evonomics.com/10-logical-reasonswhy-free-marketeers-dont-understand/) (дата обращения: 15.01.2022).

14. *Bruce M., Metzger B.D.E.* The Text of the New Testament: Its Transmission, Corruption and Restoration. Oxford: Oxford University Press, 2005.
15. *Menger C.* Investigations into the Method of the Social Sciences with Special References to Economics. N. Y.: New York University, 1985.
16. *Taleb N.* The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. N. Y.: Random House, 2007.
17. *O'Reilly T.* We Can't Wait for an Invisible Hand. It's Time to Rewrite the Rules of the Economy // *Evonomics — The Next Evolution of Economics*: URL: <http://evonomics.com/rewrite-the-rules-invisible-hand/> (дата обращения: 23.12.2021).

Reference

1. *B'yukenen Dzh.M.* Sochineniya. Konstituciya ekonomicheskoy politiki. Raschet soglasiya. Granicy svobody // *Nobelevskie laureaty po ekonomike*. T. 1. M.: Taurus Alfa, 1997.
2. *Velikoe razdelenie. Neravenstvo v obshchestve, ili CHto delat' ostavshimsya 99% naseleniya?* M.: Eksmo, 2016.
3. *Gobbs T.* Levafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo. M.: Socekgiz, 1963.
4. *Oslington P.* Bog i rynek: «nevidimaya ruka» Adama Smita // *Social'no-ekonomicheskaya mysl' Zapada. Hristianskoe chtenie*. 2015. № 1. S. 181—206.
5. *Rend A.* Kapitalizm: Neznakomyj ideal / Per. s angl. G. Zelenina i dr. M.: Alpina Publisher, 2018.
6. *Sajmon G.A.* Teoriya prinyatiya reshenij v ekonomicheskoy teorii i v nauke o povedenii // *Vekhi ekonomicheskoy mysli* T. 2.: Teoriya firmy / Pod red. V.M. Gal'perina. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2000.
7. *Skalkin V.V., Sidorova S.A.* Osnovy teorii rynka: metafizika, epistemologiya, etika. M.: Prometej, 2019.
8. *Skalkin V.V., Zhuravleva I.A.* Problemy i vozmozhnosti primeniya korrektyrnykh naloga k ordinarnym tranzakciyam v optimizacionnoj modeli fiskal'noj politiki // *Audit i finansovyj analiz*. 2016. № 6. S. 40—43.
9. *Smit A.* Teoriya npravstvennykh chuvstv. M.: Respublika, 1997.

10. *Spinoza B.* Traktat ob usovershenstvovanii razuma i o puti, kotorym luchshe vsego napravlyat'sya k istinnomu poznaniyu veshchej // Spinoza B. Izbr. proizved.: V 2 t. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1957.

11. *Hajek F.* Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki socializma / Per. s angl. E. Osinovej. M.: Novosti, 1992.

Н.Н. КЕРИМОВА

**Инклюзивность экономического роста и доходов населения:
современные взгляды и реалии***

Аннотация. Обеспечение инклюзивности экономического роста и доходов населения является в настоящее время одной из стратегических задач, стоящих перед государствами мира. В статье анализируются теоретические взгляды на обеспечение инклюзивности экономического роста и доходов населения, проводится статистическая оценка, связанная с ростом неравенства доходов в странах в 1995—2018 гг., а так же изменения в показателях стран по индексу Джини, оцениваются черты инклюзивности в развитии экономики Азербайджана и другие вопросы. Автор утверждает, что реформы, проведенные в последние годы в Азербайджане в области обеспечения инклюзивности, принесли позитивные результаты.

Ключевые слова: экономический рост, экономическое развитие, инклюзивный рост, человеческое развитие, занятость, образование, здравоохранение.

Abstract. Ensuring the inclusiveness of economic growth and incomes of the population is currently one of the strategic tasks facing the states of the world. The article analyzes theoretical views on ensuring the inclusiveness of economic growth and incomes of the population, conducts a statistical assessment related to the increase in income inequality in countries in 1995—2018, and analyzes changes in countries' performance in terms of the Gini index. The features of inclusiveness in the

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Керимова Н.Н. Инклюзивность экономического роста и доходов населения: современные взгляды и реалии // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 133—146.

development of the Azerbaijani economy and other issues are analyzed and evaluated. The analysis shows that the reforms carried out in recent years in Azerbaijan in the field of inclusiveness have brought positive results.

Keywords: economic growth, economic development, inclusive growth, human development, employment, education, healthcare.

УДК 330
ББК 65

Введение

Концепция инклюзивного роста в последние годы превратилась в главное условие равномерного развития общества, ее суть — в снижении растущего экономического неравенства и увеличении благосостояния населения. Данная концепция появилась в контексте изменений в образе мышления относительно экономического развития. Согласно этой концепции, экономический рост должен сопровождаться не только капиталом, но и снижением бедности и неравенства: т. е. людям необходимо создать равные возможности для участия в экономическом росте. Естественно, мнения по этому поводу не однозначны.

Инклюзивный рост подразумевает одновременно сокращение численности населения, в частности, числа малообеспеченных людей, путем преодоления имеющихся препятствий для достижения лучших условий жизни в целом [15, 13]. Следует подчеркнуть, что зачастую сторонниками этого подхода несправедливое экономическое и социальное неравенство расценивается как процесс, препятствующий развитию общества. Неслучайно как международные организации, так и государства активизируют усилия, направленные на обеспечение инклюзивности в экономическом росте. В частности, ООН возлагает на государства обязательства, связанные с инклюзивным развитием, и, прежде всего, потому, что проблема отсутствия такого развития находится в центре внимания исследователей и политиков, ведь, как показывает опыт стран мира, оно может оказать существенное влияние на непосредственное участие людей в экономическом развитии в целом. Однако достижение этого результата не является, с нашей точки зрения, простым, легко решаемым вопросом. Поэтому исследование этой проблемы кажется нам важным.

Степень изученности проблемы

В научных исследованиях существует несколько различных подходов к понятиям «инклюзивный рост», «инклюзивное развитие». Некоторые исследователи расценивают период экономического роста, влияющий на снижение бедности, как этап инклюзивного развития [16; 15, 13; 13, 50]. По мнению других, инклюзивный рост следует понимать, как использование людьми экономического роста в равной степени [7, 11]. Хотя форма выражения данных подходов различна, по сути это одно и то же. Для постоянного снижения числа бедных обязательным условием несомненно является наличие определенного роста в занятости и доходах трудоспособных людей. По мнению Н. Ли, основная цель выдвижения концепции инклюзивного развития заключается в оценке влияния растущего экономического неравенства на благосостояние населения [8, 424]. С развитием общества, ростом числа профессий и специальностей, а также созданной ими добавленной стоимости, зачастую становится неизбежной тенденция роста неравенства доходов. При этом перед государствами стоит задача справедливой реализации перераспределения доходов.

Инклюзивный рост оказывает влияние на стремительное и постоянное снижение бедности в стране, предоставляя каждому возможность вносить вклад в экономический рост и пользоваться его результатами. Это определение, данное исследователями инклюзивному росту, подразумевает прямую связь между макро- и микродетерминантами прироста. Специалисты Всемирного банка расценивают инклюзивный рост как рост, охватывающий все отрасли экономики и характеризующий равные возможности выхода на товары и услуги.

Подготовленная Европейской комиссией «Стратегия устойчивого роста и инклюзивного развития» нацелена на снижение бедности в странах Европейского союза и представляется нам важной для обеспечения инклюзивности в этих странах. Отметим, что над ней работали Р. Рубин, Р. Солоу, М. Спенс, К.Д. Веннер и многие другие известные экономисты. В стратегии инклюзивного развития отмечается, что инклюзивность является особой составной частью любой успешной стратегии развития и справедливым осуществлением регулирования экономики, создающим для каждого равные возможности выхода на рынок. Реализация этого проекта создает

благоприятную среду для роста инвестиций, открытия рабочих мест, конкуренции, подвижности ресурсов, что играет важную роль в социальной защите и равенстве граждан [4, 5].

Европейская комиссия в своей стратегии «Европа 2020» выдвигает три приоритета:

1) разумный рост: поощрение развития экономики, основанной на знаниях и инновациях;

2) устойчивый рост: поощрение более эффективной, более «зеленой» и более конкурентоспособной экономики, нежели ресурсоориентированная;

3) инклюзивный рост: поощрение экономики, нацеленной на высокую занятость с обеспечением социального и территориального единства [5, 3].

Отнюдь неслучайно, что сегодня инклюзивный рост — один из основных приоритетов для развитых и развивающихся стран, так как во всем мире наблюдается рост экономического неравенства. В качестве важного компонента инклюзивного роста принимается преобладающий удельный вес достойной занятости: высокий удельный вес занятости несомненно влияет на снижение неравенства в доходах. Однако проблемы, возникшие в период пандемии, повысили неравенство в доходах в мире. В связи с этим проведены многочисленные исследования.

В «Стратегии — 2020» Азиатского банка развития (АБР) выделяются два основных измерения:

1) создание и расширение экономических возможностей для достижения устойчивого роста;

2) обеспечение более широкого доступа членов общества к участию в приросте и пользовании этим ростом [9, 4].

Второе измерение предусматривает расширение человеческого потенциала: инвестирование в образование, здравоохранение и основные социальные услуги.

Сегодня в проведенных исследованиях отсутствие обеспечения инклюзивности в экономическом росте рассматривается как влияющее на возникновение в странах социальной напряженности. В последние годы страны ОЭСР (OECD) также наметили стратегические цели по обеспечению инклюзивного роста. Эти цели свидетельствуют о том, что инклюзивность является важной для общества. В исследованиях ОЭСР, связанных с инклюзивным ростом, указано, что это «является основным требованием для борьбы с не-

равенством и бедностью <...> повышения благосостояния малообеспеченного населения и сокращения экономических трудностей. Неравенство в доходах негативно отражается на возможностях и результатах во всех сферах жизни. Ограниченность возможностей малообеспеченных семей пользоваться услугами образования и здравоохранения мешает им реализовывать свой потенциал» [6, 4]. Данная проблема становится еще более актуальной в нынешний век стремительного роста новых технологий и «интеллектуализации» рабочих мест. Мы считаем, что низкий уровень образования, в частности, ограниченность возможностей в получении профессии и специальности в развивающихся и бедных странах на современном этапе отражается на нарушении инклюзивности в экономическом росте, что приводит к углублению неравенства в доходах и косвенно — к росту бедности и нищеты.

Пользуясь документами OECD и UNDP, можно установить, что показатели экономического роста, доходов населения и другие социально-экономические переменные являются надежными и сильными определителями инклюзивного роста. Естественно, образовательный и человеческий капитал, создание новых рабочих мест, структурные преобразования на современном этапе могут оказать существенное влияние на инфраструктурный и прочий инклюзивный рост. Реформы, проводимые в данном направлении в развитых и развивающихся странах, должны преследовать цель создания равных условий трудоспособному населению, в частности, социально чувствительным группам. Неслучайно в подходах многих исследователей концепция инклюзивного развития истолковывается как «совместный рост с равными возможностями», считается, что все должны участвовать в создании стоимости, следует понизить неравенство в распределении доходов и ресурсы должны быть доступны всем. Инклюзивное развитие возможно в том случае, если все члены общества, независимо от социального положения, участвуют в процессе экономического роста [2; 17; 11]. Однако данный процесс не может ответить на вопрос о том, как экономический рост влияет на обеспечение инклюзивности. По мнению исследователей, «инклюзивный рост — это создание равных возможностей для участия всех в экономическом развитии» [14, 3]. Это означает, что даже при создании равных возможностей для участия польза от них не одинакова, что, в результате, увеличивает неравенство в доходах.

В целом, в исследованиях, связанных с инклюзивностью, доступность образования, здравоохранения и других физических сфер инфраструктуры для всех считается основой экономического развития. Но при этом доходы, капитал, финансы, человеческий капитал (образование, здравоохранение) нуждаются в новых подходах к разрешению экономического и социального неравенства [6, 4—6]. Так, Г. Раунир, Р. Канбур, Д.К. Асвал в своих исследованиях установили, что в Индии наблюдается прямая и косвенная связь между деятельностью малых и средних предприятий и инклюзивным ростом. Основное место здесь также занимает физическая инфраструктура [14, 3; 3, 145].

В целом, мысли, подходы и призывы, звучащие в связи с инклюзивным экономическим ростом, не новы. Так, на протяжении многих веков высказываются мысли, связанные с равенством, снижением числа бедных, улучшением благосостояния людей, государства осуществляют социальные программы, однако добиться равенства пока не представляется возможным. В некоторых случаях, напротив, неравенство углубилось.

Неравенство в доходах в мире

Согласно статистическим данным ОЭСР, Всемирного банка, ООН и других влиятельных международных структур, более 200 млн человек в мире являются безработными [10]. Безработица лишает людей участия в экономическом росте и влияет на доступность пропитания, необходимого для жизни. Наиболее отчетливо это проявляется в африканских странах. Отметим, что доход почти половины населения в Суб-Сахарной Африке все еще составляет менее 1,25 дол. в день [10]. Даже в развивающейся Индии, экономика которой стремительно растет, проживает треть всех бедных людей мира. Высок уровень бедности также в Китае, Пакистане, Индонезии.

В странах OECD уровень безработицы составляет 8% [10]. Естественно, из-за глобального финансового кризиса 2008 г. и пандемии, охватившей мир в 2020 г., уровень безработицы в большинстве стран возрос. В некоторых странах OECD, таких как Испания и Греция, безработица превышает 25%. В большинстве стран безработица среди молодежи, по меньшей мере, вдвое превышает средний национальный показатель [10].

Пандемия COVID-19, национальные, религиозные и политические конфликты, изменение климата создают «тройную» угрозу для будущего мира. Считаем, что всем странам мира необходимо принять серьезные и обоснованные научно политические меры в этом направлении. В противном случае глобальная цель, заключающаяся в том, чтобы до 2030 г. положить конец бедности, останется недостижимой. Кризис, вызванный пандемией COVID-19, охватившей мир в 2020 г., показал важность системы социальной защиты для охраны образования, здоровья, занятости и доходов. Пандемия обусловила применение многих новых мер социальной защиты. Вместе с тем, 4 млрд человек в мире все еще лишены социальной защиты [12].

Несмотря на реформы и социально-экономическую политику, проводимые в связи со снижением бедности и неравенства, пропасть между богатыми и бедными в последние 30 лет постепенно углубляется. Так, в 2019 г. в странах OECD средний доход 10% богатого населения примерно в 9 раз превышал средний доход 10% самого бедного. 30 лет назад разница составляла 7 раз. Существенным остается неравенство в некоторых странах (США, Израиль, Турция, Чили, Мексика, Китай, Индия, Южная Африка).

В 2022 г. число бедных, как ожидается, возрастет в силу изменения климата, региональных конфликтов и пандемии. По подсчетам, прогнозируется, что до 2030 г. примерно 600 млн человек в мире будут жить в крайней бедности, что является серьезной проблемой для общества.

Соотношение работников, проживающих в условиях крайней бедности, в глобальном масштабе сократилось с 14% в 2010 г. до 7,8% в 2015 и до 6,6% в 2019 г. Однако в период пандемии число работающих бедных возросло. Кризис и без того оказал непропорциональное влияние на заработок молодежи и женщин, вероятность проживания которых в бедности велика.

Инклюзивный взгляд на основе индекса Джини

Индекс Джини измеряет степень отклонения распределения доходов (или в ряде случаев потребительских расходов) между домашними хозяйствами от абсолютно равного раздела. Кривая Лоренца показывает степень несправедливости в распределении доходов: посредством данной кривой можно увидеть неравенство, возникающее в разделе доходов. Индекс Джини — как выражение

процента от максимальной площади под кривой — измеряет площадь между кривой Лоренца и гипотетической линией абсолютного равенства. В индексе Джини «0» выражает абсолютное равенство, а «100» — абсолютное неравенство.

В статистической базе Всемирного банка представлен индекс Джини по странам. Этот подсчет ведется на основании данных, полученных от статистических органов стран. Анализ показывает, что, если в XXI в. в некоторых развитых странах в неравенстве в доходах наблюдается тенденция в сторону «0», то в других мы видим совершенно обратное.

Как видно из табл. 1, если в индексе Джини в Великобритании в 2017 г. наблюдается тенденция в сторону справедливости в сравнении с 1995 г., то с 2015 г. мы видим обратную тенденцию. Если обратить внимание на изменение в индексе Джини США по 1995—2018 гг., то можно увидеть устойчивый рост неравенства.

Таблица 1

Изменение показателей стран по индексу Джини

	1995	2000	2010	2015	2016	2017	2018
Развитые страны							
Великобритания	36,3	38,4	34,4	33,2	34,8	35,1	...
США	39,9	40,1	40	41,2	41,1	41,2	↑41,4
Норвегия	26	27,4	25,7	27,5	28,5	27	↑27,6
Швеция	25,2	27,2	27,7	29,2	29,6	28,8	↑30,0
Швейцария	...	33,4	32,6	32,3	33	32,7	↓33,1
Таиланд	...	42,8	39,4	36	36,9	36,5	↓36,4
Австрия	31,1	28,8	30,3	30,5	30,8	29,7	↓30,8
Бельгия	28,4	33,1	28,4	27,7	27,6	27,4	...
Дания	23	23,8	27,2	28,2	28,2	28,7	↑28,2
Финляндия	23,5	27,2	27,7	27,1	27,1	27,4	↑27,3
Франция	...	31,1	33,7	32,7	31,9	31,6	↑32,4
Германия	28,9	28,8	30,2	31,7	↑31,9	...	...

Продолжение табл. 1

Италия	35,2	35,3	34,7	35,4	35,2	↑35,9	...
Люксембург	...	30,4	30,5	32,9	31,7	34,5	↑35,4
Испания	36,7	34,3	35,2	36,2	35,8	34,7	↓34,7
Развивающиеся страны							
Украина	39,3	...	24,8	25,5	25	26	↓26,1
Уругвай	40,9	42,9	44,5	40,1	39,7	39,5	↓39,7
Мексика	...	52,6	47,2	..	46,3	...	45,4
Молдова	...	36,4	32,1	27	26,3	25,9	↓25,7
Киргизия	...	31	30,1	29	26,8	27,3	↓27,7
Греция	37	34,2	34,1	36	35	34,4	↓32,9
Грузия	...	40,5	39,5	36,5	36,6	37,9	↓36,4
Болгария	...	...	35,7	38,6	40,6	40,4	↑41,3
Чехия	...	...	26,6	25,9	25,4	24,9	↓25,0
Белоруссия	...	31,2	28,6	25,6	25,3	25,4	↓25,2
Турция	...	...	38,8	42,9	41,9	41,4	↑41,9
Армения	...	...	30	32,4	32,5	33,6	↑34,4
Россия	...	37,1	39,5	37,7	36,8	37,2	↑37,5
Словакия	...	...	27,3	26,5	25,2	...	↓25,0
Словения	...	...	24,9	25,4	24,8	24,2	↓24,6

Примечание 1. Сравнение проводится между приведенными в таблице первым и последним показателями.

Примечание 2. Всемирный банк не подсчитал индекс Джини по Азербайджану, поэтому он не включен в анализ.

Источник: составлено на основании статистики Всемирного банка [19].

Если принять 2000 г. за базовый, то можно более отчетливо увидеть произошедшие изменения (см. рис. 1 и 2). Анализ свидетельствует о том, что в сравнении с развитыми странами тенденция индекса Джини в сторону 0 в развивающихся странах (Уругвай, Молдова, Грузия, Белоруссия) проявляется наиболее отчетливо. Считаем, что индекс Джини меняется в зависимости от уровня развития и структуры экономики стран.

Анализ, проведенный по индексу Джини (такие сравнения можно провести по многим показателям), свидетельствует о том, что экономический рост, возможности участия населения в данном росте, а также сохранение равенства между поколениями — крайне сложные вопросы. Ощущается необходимость в постоянном проведении исследований в этом направлении.

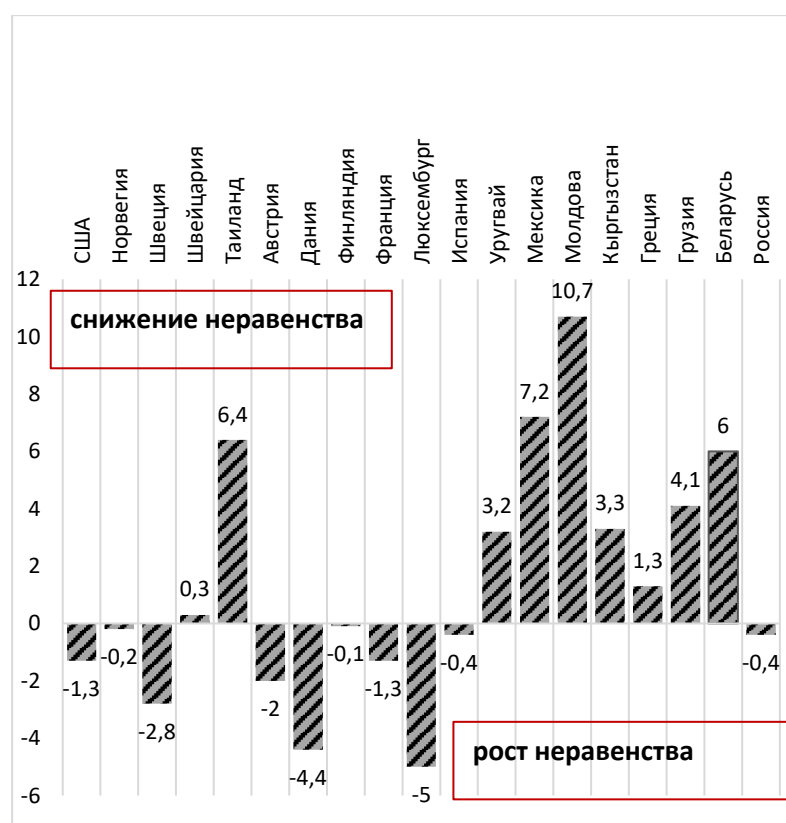

Рис. 1. Изменения в индексе Джини в некоторых странах в 2000—2018 гг. (+; -)

Источник: составлено автором на основании статистики Всемирного банка [19].

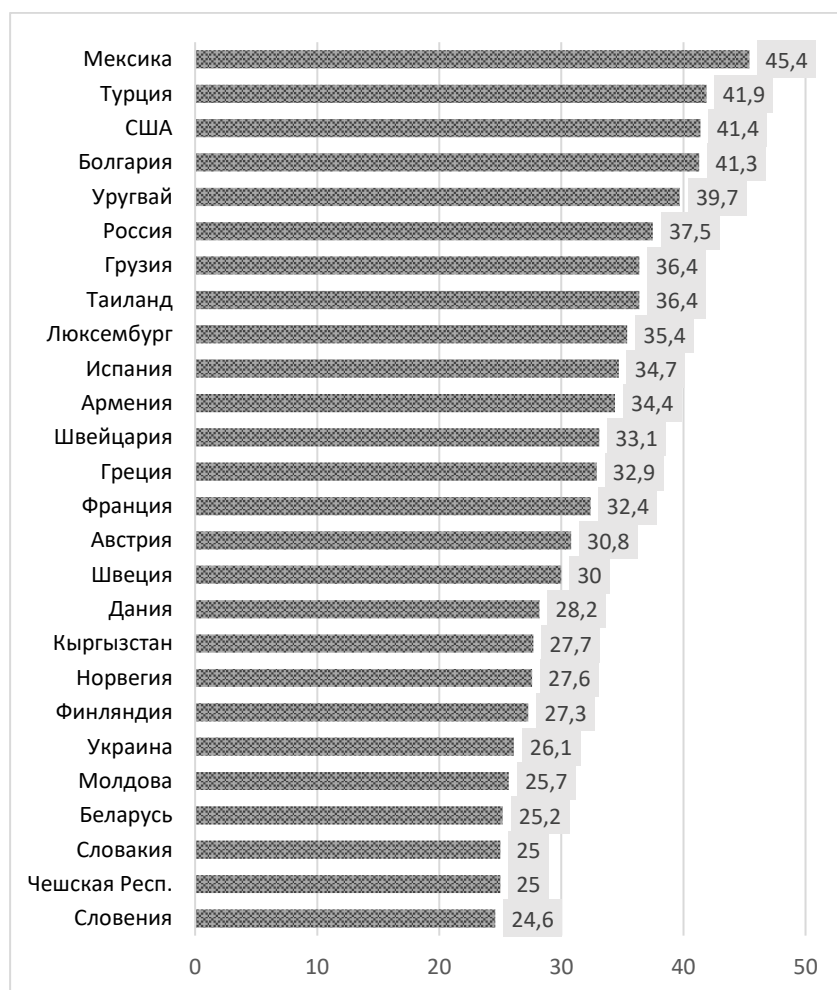

Рис. 2. Индекс Джини по ряду развитых и развивающихся стран, 2018 г.

Источник: составлено автором на основании статистики Всемирного банка [19].

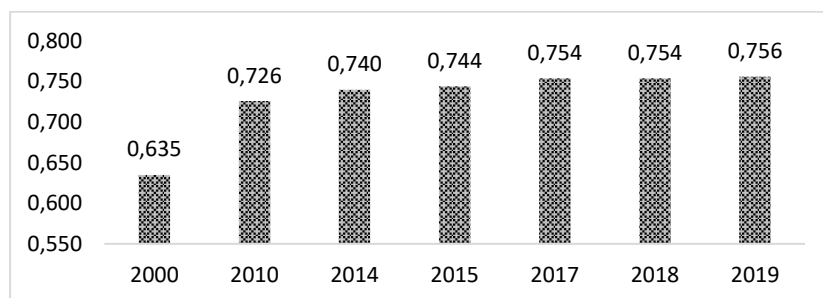

Рис. 3. Показатель Азербайджана в индексе человеческого развития [19]

Хотя в ежегодно публикуемом ООН рейтинге человеческого развития в позиции Азербайджана (в 2019 г. находился на 88-м месте) нет серьезных изменений, тем не менее, в составляющих данный индекс показателях наблюдалось развитие. Сюда входят показатели ожидаемой при рождении продолжительности жизни, ожидаемого периода учебы, средней продолжительности обучения, валового национального дохода на душу населения. Индекс человеческого развития является принятым с 1990 г. ООН показателем, отражающим благосостояние населения в странах мира. Отметим, что человеческое развитие занимает важное место в снижении неравенства и бедности.

Заключение

По прогнозам, число бедных возрастет в 2022 г. из-за изменения климата, региональных конфликтов и пандемии. По разным подсчетам, до 2030 г. примерно 600 млн человек в мире будут жить в крайней бедности, что является серьезной проблемой для общества.

Соотношение работников, проживающих в условиях крайней бедности, в глобальном масштабе сократилось с 14% в 2010 г. до 6,6% в 2019 г., однако в период пандемии число работающих бедных возросло. Кризис и без того оказал непропорциональное влияние на заработок молодежи и женщин, вероятность проживания которых в бедности велика.

Анализ свидетельствует, что в сравнении с развитыми странами снижение неравенства в развивающихся странах проявляется наиболее отчетливо.

Литература

1. *Adedeji O., Du H., Opoku-Afari M.* Inclusive Growth: An Application of the Social Opportunity Function to Selected African Countries // International Monetary Fund. Working Paper. 2013. June 3. No. 13/139.
2. *Ali I., Son H.H.* Measuring Inclusive Growth // Asian Development Review. 2007. Vol. 24. No. 1. P. 11—31.
3. *Aswal D.K.* Quality Infrastructure of India and Its Importance for Inclusive National Growth // MAPAN — Journal of Metrology Society of India. 2020. June. No. 35 (2). P. 139—150.
4. Commission on Growth and Development. The Growth Report: Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development. Washington, DC: World Bank, 2008: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6507> / License: CC BY 3.0 IGO (дата обращения: 28.03.2022).
5. Europe 2020. Communication from the Commission Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Brussels, 2020.
6. Inequality and Inclusive Growth: Policy Tools to Achieve Balanced Growth in G20 // OECD. Economies Framework Working Group. Antalya. Turkey. October. 2015. 26 p.
7. *Kakwani N., Pernia E.M.* What is Pro-poor Growth? // Asian Development Review. 2000. Vol. 18. No. 1. P. 1—16.
8. *Lee N.* Inclusive growth in cities: A sympathetic critique // Regional Studies. 2018. June. Vol. 53. No. 3. P. 424—434.
9. *McKinley T.* Inclusive Growth Criteria and Indicators: An Inclusive Growth Index for Diagnosis of Country Progress // Asian Development Bank. 2010. June. No. 14.
10. OECD. Inclusive Growth: URL: <https://www.oecd.org/inclusive-growth/#inequality-puts-our-world-at-risk> IGO (дата обращения: 28.03.2022).
11. *Ostry J.D., Loungani P., Berg A.* Confronting Inequality: How Societies Can Choose Inclusive Growth // Foreword by J.E. Stiglitz. Columbia University Press, 2019. P. 93—99.
12. Progress towards the Sustainable Development Goals — E/2021/58: URL: <https://sdgs.un.org/goals/goal1> (дата обращения 28.03.2022).
13. *Qurbanova G.* Azərbaycanca inklüziv inkişafın təmin olunmasında həyata keçirilən sosial və iqtisadi siyasətin rolu // Elm və

İnnovativ Texnologiyalar Jurnalı 2019. Nömrə 9. S. 49—61 (на азерб. яз.).

14. *Rauniyar G., Kanbur R.* Inclusive Growth and Inclusive Development: A Review and Synthesis of ADB Literature Asian Development Bank. 2009. December.

15. *Ranieri R., Ramos A.R.* Inclusive Growth: Building Up a Concept // International Policy Centre for Inclusive Growth (IPC-IG) // Working Paper. 2013. March. No. 104.

16. *Ravallion M., Chen Sh.* Measuring pro-poor growth // Economics Letters. 2003. Vol. 78. Is. 1.

17. *Son H.H.* On the Concept of Equity in Opportunity // ADB Economics Working Paper Series. 2011. No. 266: URL: <http://hdl.handle.net/11540/2017> Ali və Zhuang (дата обращения: 28.03.2022).

18. UNDP. Human Development Reports: URL: <http://hdr.undp.org/en/content/download-data> (дата обращения: 28.03.2022).

19. World Bank. World Development Indicators: URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=SI.POV.GINI&country=> (дата обращения: 28.03.2022).

Р.Р. БАБКИН

Особенности финансирования государственных (муниципальных) учреждений в современных условиях*

Аннотация. В последнее время, на фоне антикризисных мер и вызовов извне, создается необходимость пересмотра финансирования, учета используемых средств и контроля за деятельностью государственных (муниципальных) учреждений. На основе правовых актов показаны принципиальные различия учреждений по типам. В статье, на основе анализа периода 2017—2022 гг., представлена тенденция изменения количества учреждений. Рассмотрены

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бабкин Р.Р. Особенности финансирования государственных (муниципальных) учреждений в современных условиях // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 146—153.

методы профилактических мероприятий, направленных на повышение эффективности использования бюджетных средств.

Ключевые слова: государственные (муниципальные) учреждения (ГМУ), эффективность использования бюджетных средств, нецелевое использование субсидии.

Abstract. Lately, in the background of recession-resistant steps and outside calls there is a must to change the finance, the using resources enumeration and the activities of state (municipal) institutions control. The principal kinds of institutions are based on legal acts. The article based on the 2017—2022 analysis shows that the number of the institutions is being changed.

Keywords: state (municipal) institutions (SMU), efficiency of the use of budgetary funds, misuse of subsidies.

УДК 330
ББК 65

В современных условиях макроэкономические изменения оказывают сильное влияние на финансовую систему России. Реформирование учреждений, которое ведется на протяжении последних лет, направлено на результативное финансирование, выделение ассигнований учреждениям, основанные на результатах деятельности и качестве предоставленных услуг. Это требует особого подхода к проведению контрольных мероприятий.

На данный момент остаются вопросы к эффективности использования средств и к системе финансирования учреждений. Невыполнение показателей плана учреждением расценивается как неэффективное использование предоставленных субсидий. Можно добавить, что также низкими темпами осуществляется внебюджетная деятельность: не расширяется экономическая самостоятельность и открытость учреждений, существуют проблемы, связанные с эффективностью управленческих решений на стадии реализации задания.

По мнению В.В. Магуськина, «государственные (муниципальные) учреждения — важный субъект производственных и финансово-экономических отношений при любой системе хозяйствования и в любой модели государства. Они призваны обеспечивать

удовлетворение целого ряда общественно значимых потребностей, таких как образование, здравоохранение, научные исследования, социальная защита, культура, государственное управление и др.» [3]. В работе Г.Т. Гафуровой показано, что «государственные (муниципальные) учреждения — это организации, создаваемые собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемые им полностью или частично» [2].

Согласно статье 123.22 ГК РФ представлены учреждения, которые делятся на три типа, а именно:

- 1) автономные (далее — АУ) (ст. 2 Закона № 174-ФЗ) [7];
- 2) бюджетные (далее — БУ) (ст. 9.2 Закона № 7-ФЗ) [5];
- 3) казенные (далее — КУ) (ст. 6 БК РФ) [1].

Можно заметить, что все три типа учреждений не имеют единого нормативно-правового документа, ввиду этого следует рассмотреть принципиальные особенности учреждений, руководствуясь правовыми актами.

Отражение специфики деятельности казенных учреждений можно увидеть в ст. 6 БК РФ, где казенное учреждение исполняет государственные функции, оказывает услуги и выполняет работы. Финансовое обеспечение казенных учреждений осуществляется на основании бюджетной сметы [6]. Бюджетным учреждением признается некоммерческая организация, целями которой являются выполнение работ и оказание услуг в различных сферах [5]. Понятие автономных учреждений отражено в Федеральном законе «Об автономных учреждениях», где автономным учреждением признается некоммерческая организация, задачей которой является выполнение работ, оказание услуг в различных сферах [7]. Основываясь на вышеизложенном, можно отметить, что деятельность каждого типа учреждений различна: так государственные функции выполняют казенные учреждения, а работы — исключительно бюджетные и автономные учреждения.

На 1 марта 2022 г. среди трех типов учреждений РФ количество бюджетных учреждений занимает преобладающую долю — 61,9%, в свою очередь, казенные учреждения — 26,3%. Стоит отметить, что автономные учреждения составили всего лишь 11,8% (табл. 1).

Таблица 1

**Сведения об изменениях в количестве учреждений
по типам за 2017—2022 гг.**

Анализируемый период	Количество учреждений		
	Бюджетные, тыс.	Автономные, тыс.	Казенные, тыс.
2017 г.	96,211	17,994	40,291
2018 г.	97,022	18,179	40,960
2019 г.	97,886	18,436	41,800
2020 г.	98,614	18,735	42,152
2021 г.	99,362	18,941	42,643
2022 г.	98,965	18,877	42,017

Источник: [4].

Из табл. 1 видим, что динамика изменения за период 2017—2022 гг. следующая: бюджетные учреждения составляют основную долю, однако заметим, что по сравнению с 2021 г. в 2022 г. количество бюджетных учреждений уменьшилось на 0,4%. Тем не менее, автономные учреждения все еще составляют наименьшую долю.

Говоря о финансовом обеспечении учреждений ГМУ, можно заметить, что казенные учреждения в работе используют бюджетную смету и получают бюджетные ассигнования, а бюджетные и автономные финансируются на основании выделяемой субсидии. Для возврата субсидии на иные цели прошлых лет в бюджетном учреждении, в 2022 г. нужно сделать следующие проводки:

- д-т 540140152, к-т 530305731 — закрыты расчеты в сумме неиспользованного остатка выделенных целевых средств;
- д-т 530305831, к-т 520111610 — перечислены деньги в бюджет с лицевого счета.

В операциях по возврату остатка субсидии, выделенной на расходы капитального характера, используется счет 540140162. Субсидия на госзадание отражается по коду 130 ст. КОСГУ 131. Расчеты по доходам от указания платных услуг ведутся по КФО 4 на счете 205.31. Так, подписав соглашение о получении средств, их получение производится в доходах будущих периодов на счете 401.40. После утверждения отчета учредителем производится отражение средств на счете 401.10 в доходах текущего года. Стоит от-

метить, что в случае недостижения показателей задания учреждение обязано произвести возврат субсидии в части, связанной с недостигнутыми показателями задания. Однако в 2021 г. Минфин внес правки в бюджетный кодекс, в которых говорилось о том, что задание учреждения можно считать исполненным, если учреждение не работало или приостанавливало деятельность из-за пандемии COVID-19. До пандемии, в случае невыполнения задания, объем субсидий на последующий период сокращался, а ответственному лицу мог грозить штраф от 100 до 30000 р.

Дилемма корректировки задания и, соответственно, перерасчет размера назначенной субсидии на его реализацию остаются актуальными. Существует несколько вариантов действия в случае изменения объема субсидии:

- изменить показателя объема в задании, что влечет за собой корректировку размера субсидии с учетом перерасчета нормативных затрат;
- не изменять показатели объема в задании, как и размер субсидии, но произвести перерасчет нормативных затрат.

В случае перевыполнения задания, что влечет за собой увеличение затрат, возможен пересмотр объема субсидий. Представим примеры, на которых отражено использование средств не на те цели, на которые были направлены субсидии:

- оплата труда работников, деятельность которых не относится к деятельности учреждения;
- направление средств субсидии на погашение кредиторской задолженности за предыдущие периоды;
- направление средств на оплату задолженностей сторонних организаций.

Сегодня аудиторам и контролерам сложно доказать нецелевое использование субсидии, так как должно быть установлено, что бюджету нанесен убыток (см.: п. 2 ст. 15 ГК РФ). Контрольная (надзорная) деятельность за ГМУ производится по типам учреждений. Контролеры в ходе проверок казенных учреждений проверяют бюджетную отчетность, закупочную деятельность, исполнение бюджетных смет, учет имущества и его сохранность. В ходе проверок бюджетных и автономных учреждений внимание уделяется исполнению финансово-хозяйственной деятельности, ведению бухгалтерской отчетности, исполнению задания и ведению его отчет-

ности. С 01.07.2021 г. начало действовать положение Федерального закона № 248-ФЗ, который направлен на устранение вопросов, связанных с правовым регулированием контрольно-надзорной деятельности, а также необходимостью уменьшения проверок, так как они являются затратными. Важной деталью закона стала профилактическая работа в отношении объектов контроля, направленная на снижение рисков нанесения ущерба государственной ценности. Методы профилактических мероприятий, направленные на повышение эффективности работы объектов контроля, разнообразны: например, предупреждение о возможном нарушении в будущем периоде по результатам профилактического визита, консультирование и сопровождение по средствам обмена материалов с использованием информационных технологий, направление рекомендаций по выполнению основных обязательств. Важной особенностью является то, что профилактические мероприятия могут проводиться исключительно в отношении негрубых нарушений.

Стоит отметить, что данный закон не обязывает, а дает право контролерам проводить профилактические мероприятия либо с согласия объекта контроля, либо по его личной инициативе. Так, например, добросовестное контролируемое лицо, которое инициировало профилактические мероприятия и по результатам исправило замечания, руководствуясь рекомендациями контролирующих лиц, предостережет себя от последствий, с одной стороны, а с другой — контролирующие лица, используя критерии рисков, отнесут данный объект контроля к более низкой категории, что скажется на уменьшении контрольных мероприятий.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Исследование нормативно-правовой базы ГМУ позволило структурировать принципиальные аспекты и показать особенности бухгалтерского учета субсидий в 2022 г. в автономных, бюджетных и казенных учреждениях.

В результате анализа изменений количества ГМУ за период 2017—2022 гг. отмечена тенденция роста бюджетных учреждений (62%) и перевода на постоянную основу казенных и автономных учреждений в бюджетные. В 2022 г. наблюдается снижение количества бюджетных учреждений на 0,4%.

Остаются пробелы в установлении нецелевого использования субсидии, что говорит о необходимости повышения эффективности

контрольных мероприятий и совершенствования нормативно-правовых актов.

Принятый Федеральный закон № 248-ФЗ позволит использовать новый всеобъемлющий риск-ориентированный метод, проникающий в контрольно-надзорную деятельность, а не только влиять на периодичность проверок, как это было ранее. Эффект снижения контрольных мероприятий будет напрямую зависеть от добросовестности контролируемых лиц и проведения профилактических мероприятий.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 29.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // КонсультантПлюс: URL: <https://clck.ru/dVrhk> (дата обращения: 01.03.2022).
2. *Гафурова Г.Т.* Финансы государственных (муниципальных) учреждений. Казань: Познание, 2015.
3. *Иванова Л.П., Магуськин В.В.* Анализ финансово-хозяйственной деятельности в системе управления государственным (муниципальным) учреждением. Чебоксары: Новое время, 2011.
4. Официальный сайт для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях: URL: <https://bus.gov.ru/search/establishments> (дата обращения: 01.03.2022).
5. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О некоммерческих организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // КонсультантПлюс: URL: <https://clck.ru/NVMpM> (дата обращения: 01.03.2022).
6. Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ (ред. от 24.02.2021, с изм. от 29.11.2021) // КонсультантПлюс: URL: <https://clck.ru/dVpRQ> (дата обращения: 01.03.2022).
7. Федеральный закон «Об автономных учреждениях» от 03.11.2006 № 174-ФЗ // КонсультантПлюс: URL: <https://clck.ru/dVoQm> (дата обращения: 01.03.2022).
8. *Федченко Е.А.* Методология анализа и контроля эффективности использования бюджетных средств государственными (муниципальными) учреждениями: Дис. ... докт. экон. наук. Рос. эконом. ун-т им. Г.В. Плеханова, 2017.

References

1. Byudzhetyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 № 145-FZ (red. ot 29.11.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2022) // Konsul'tantPlyus: URL: <https://clck.ru/dVrhk> (data obrashcheniya: 01.03.2022).
2. *Gafurova G.T.* Finansy gosudarstvennyh (municipal'nyh) uchrezhdenij. Kazan': Poznanie, 2015.
3. *Ivanova L.P., Magus'kin V.V.* Analiz finansovo-hozyajstvennoj deyatel'nosti v sisteme upravleniya gosudarstvennym (municipal'nyh) uchrezhdeniem. Cheboksary: Novoe vremya, 2011.
4. Oficial'nyj sayt dlya razmeshcheniya informacii o gosudarstvennyh (municipal'nyh) uchrezhdeniyah: URL: <https://bus.gov.ru/search/establishments> (data obrashcheniya: 01.03.2022).
5. Federal'nyj zakon ot 12.01.1996 № 7-FZ (red. ot 02.07.2021) «O nekommercheskih organizacijah» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2022) // Konsul'tantPlyus: URL: <https://clck.ru/NVMpM> (data obrashcheniya: 01.03.2022).
6. Federal'nyj zakon ot 08.05.2010 № 83-FZ (red. ot 24.02.2021, s izm. ot 29.11.2021) // Konsul'tantPlyus: URL: <https://clck.ru/dVpRQ> (data obrashcheniya: 01.03.2022).
7. Federal'nyj zakon «Ob avtonomnyh uchrezhdeniyah» ot 03.11.2006 № 174-FZ // Konsul'tantPlyus: URL: <https://clck.ru/dVoQm> (data obrashcheniya: 01.03.2022).
8. *Fedchenko E.A.* Metodologiya analiza i kontrolya effektivnosti ispol'zovaniya byudzhetnyh sredstv gosudarstvennymi (municipal'nymi) uchrezhdeniyami: Dis. ... dokt. ekon. nauk. Ros. ekonom. un-t im. G.V. Plekhanova, 2017.

Е.Н. СТРИЖАКОВА, Д.В. СТРИЖАКОВ

Планирование и прогнозирование развития экономических систем: основные принципы, методы и подходы*

Аннотация. В статье приведен анализ развития подходов и методов к планированию и прогнозированию, отдельно указаны основные этапы их развития в СССР и странах с рыночной экономикой. Выделены основные принципы, согласно которым можно осуществлять указанные функции управления на всех уровнях. Подробно проанализированы методы, которые используются в настоящее время для формирования прогнозов развития. Особое внимание авторы уделяют двум методам из разных групп: методу форсайта и методу «затраты — выпуск». Представлена базовая методология и алгоритм форсайт-метода. Приведена история использования метода межотраслевого баланса Леонтьева, а также перспективы, которые он дает при использовании в целях осуществления прогнозирования.

Ключевые слова: планирование, прогнозирование, метод, принцип, форсайт, модель «затраты — выпуск».

Abstract. The article provides an analysis of the development of approaches and methods for planning and forecasting, and separately indicates the main stages of their development in the USSR and countries with market economies. The basic principles according to which it is possible to carry out the specified management functions at all levels are singled out. The methods that are currently used to form development forecasts are analyzed in detail. The authors pay special attention to two methods from different groups: the foresight method and the input cost method. The basic methodology and algorithm of the foresight method are presented. The history of the use of the Leontief intersectoral balance method, as well as the prospects that it gives when used for forecasting, is given.

Keywords: planning, forecasting, method, principle, foresight, «input — output» model.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Стрижакова Е.Н., Стрижаков Д.В. Планирование и прогнозирование развития экономических систем: основные принципы, методы и подходы // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 154—176.

УДК 330
ББК 65

Одной из основных задач экономики как науки состоит в том, чтобы осуществлять прогнозирование или разрабатывать прогнозы на основе научных методов, способов и средств прогностики. Прогнозирование имеет две стороны, плоскости конкретизации: предсказательную (дескриптивную, описательную); преуказательную (предписательную) [2]. Предсказание помогает четко определить проблемы и возможности, тогда как преуказание показывает возможные направления и пути решения проблем в рамках возникающих перспектив развития. В любом случае, в каком бы направлении не использовались результаты предсказания, исследователи предполагают, что значительное воздействие на социально-экономическую систему имеет ее прошлое и текущее состояния, управленческие воздействия, которые на нее оказываются, и неполнота имеющейся информации, которая приводит к возникновению ситуаций риска.

Дадим определения основным понятиям, которые будут использованы в данной работе. Согласно «Толковому словарю Ожегова», прогноз — «основанное на специальном исследовании заключение о предстоящем развитии и исходе»; прогнозировать — «установить(-на-вливать)» [25]. Соответственно, наука, которая занимается прогнозами, носит название «прогностика», или, по определению, данному в толковом словаре, — «теория и практика прогнозирования» [25].

В научной и научно-популярной литературе используют также иные синонимы для термина «прогнозировать»: «предвидеть» и «предсказать». В указанном выше словаре даны следующие определения: «предвидеть — <...> заранее знать, предполагать возможность появления, наступления чего-нибудь», а «предсказать — <...> заранее сказать, что произойдет в будущем» [25]. Еще одним синонимом для «прогнозирования» является футурология — «применительно к современным концепциям будущего: прогнозирование социальных процессов» [25]. Если не указано иное, то далее будет использоваться термин «прогнозирование» как наиболее подходящий по стилю к научной статье такого плана.

Мы считаем, что наиболее тесно с понятием прогнозирования связан термин «планирование». В толковом словаре представлены

три определения указанного термина, подходящим к экономической системе нам кажутся два из них: «устраивать, располагать в соответствии с определенным планом» и «составлять план, включать в план, предполагать, рассчитывать...» [25]. Таким образом, планирование и прогнозирование взаимно дополняют друг друга, причем прогнозирование может предшествовать планированию, проводиться одновременно или после планирования, а может и быть практически неотделимо одно от другого, особенно на длительный период времени или на макроуровне.

Какими основными характеристиками должен обладать качественный и разумный прогноз? Во-первых, прогноз должен быть основан на обширной исследовательской базе или базе накопленной информации. В настоящее время для этого используются массивы больших данных — «Big Data». Важно отметить, что не вся накопленная информация относится к большим данным, информацию можно отнести к этой категории в случае, если она обладает следующими характеристиками: объем, скорость, многообразие, достоверность и ценность. Однако использование больших данных в прогнозировании не является обязательным, а только желательным моментом, упрощающим анализ и повышающим его достоверность при использовании искусственного интеллекта. Во-вторых, методология обработки исходной информации должна быть обоснованной и пригодной для использования в каждом конкретном случае. В-третьих, итоговый прогноз не является единственно возможным вариантом развития будущего, в зависимости от изменения ключевых показателей формируют несколько сценариев. Следующими аспектами этой характеристики прогноза являются формирование и использование системы улавливания и оценки слабых сигналов с целью анализа потенциальных «джокеров» или «диких карт». В-четвертых, наличие проранжированных приоритетов, т. е. технологий или направлений деятельности, которые могут быть выбраны в зависимости от определенных критериев.

Кратко рассмотрим историю развития прогнозирования и планирования. Естественно, что с самого зарождения предпринимательства, человек так или иначе пытался оценить возможности, спрогнозировать будущее, увидеть потенциальные угрозы и возможности, отреагировать так, чтобы получить максимальную прибыль. Однако до середины XIX в. эти оценки были несистемными, отсутствовала методология прогнозирования. В конце XIX в. были

предприняты первые попытки оценки будущего состояния промышленного производства на основе накопленных статистических данных. Основными методами, используемыми в то время для осуществления прогнозирования, были метод экспертных оценок и метод экономической экстраполяции.

В начале XX в. стали использовать экономические индикаторы, позволяющие проводить возможную оценку будущего состояния экономической системы. Исторически первыми считают работы Дж. Брукмайера, изданные в 1911 г., в них ученый предложил использовать для прогнозирования три основных индикатора: индекс банковских кредитов, индекс цен акций, индекс общей экономической активности. Дальнейшее развитие указанный подход получил в работах ученых Гарвардского университета, где использовались так называемые «гарвардские кривые». Данные кривые состояли из трех графиков: «А», «В» и «С». Кривая «А» представляла собой индекс стоимости ценных бумаг на бирже, «В» — величину депозитов в банках, а «С» — норму процента. В основе выбора именно этих показателей в качестве индикаторов лежали представления, согласно которым в окрестностях поворотных точек цикла данные показатели должны были фиксировать, прежде всего, изменение экономической конъюнктуры в указанной последовательности [5].

В начале XX в. развитие прогнозирования и планирования в СССР и странах с рыночной экономикой стало идти по-разному. На наш взгляд, незаслуженно забыт богатый опыт советских ученых в экономической науке, например, концепция бережливого производства, изначально предложенная и внедренная А.С. Родовым. Поэтому приведем сначала основные этапы развития планирования и прогнозирования в СССР, а затем в других странах мира. Следует отметить, что термин «прогнозирование» не использовался и был заменен на «планирование». Однако отечественные ученые того времени не отделяли одну функцию от другой, например Н.Д. Кондратьев полагал, что «план представляет собой одновременно предвидение (прогноз) и руководство к действию» [12]. Сразу же после революции, в 1917 г. был создан Высший совет народного хозяйства, в функции которого входило планирование экономического развития страны. В 1918 г. для осуществления планирования на мезоуровне управления были созданы губернские и уездные советы народного хозяйства. В 1920-е гг. была создана комиссия по электрификации страны, которая в том же году разработала «Государ-

ственный план электрификации страны», предусматривающий мероприятия по реализации на десятилетний срок. В 1923 г. указанная комиссия была переформирована в Государственную плановую комиссию, или Госплан СССР, а в каждой из республик Советского Союза была создана комиссия Госплана. Республиканские комиссии участвовали в разработке планов, а затем они аккумулировались в один общий, для всей страны. В составе республиканских комиссий были так называемые плановые комиссии, в обязанности которых входило наблюдение за соблюдением планов. Также, в каждой комиссии Госплана на любом уровне управления существовали отделы, ответственные за определенные отрасли или секторы экономики. Первые пять лет (до 1928 г.) Госплан разрабатывал ежегодные планы развития страны, затем краткосрочные планы были дополнены и среднесрочными планами на 5 лет вперед. Основными задачами создания и выполнения этих планов были проведение индустриализации страны, внесение изменений в структуру промышленного производства² и поддержание национальной безопасности. Основными методами, использовавшимися при составлении планов, являлись балансовый, модель «затраты — выпуск» и методы оптимального планирования. Первоначально планы составлялись только с учетом количественных показателей, затем стали использоваться и качественные, с 1950-х гг. в их состав стали включаться и показатели социального развития, а затем и экологические показатели. Исторической вехой планирования в СССР можно считать реформу 1965 г., в ходе которой директивное планирование было дополнено экономическими методами регулирования экономики. Несмотря на то, что Косыгинская реформа оценивается историками неоднозначно, затронутая проблема структурной перестройки экономики, попытки изменения пути развития на интенсивный, а также использование прибыли в качестве показателя экономической эффективности работы предприятия были значительным этапом изменения планирования и прогнозирования в СССР. В ходе реформы предусмотрено было изменение ценовой политики предприятий: были установлены надбавки к ценам на товары высокого качества, а также скидки на товары низкого качества. За счет этого, с одной сторо-

² Задачей было значительно увеличить долю товаров группы «А» (производство средств производства) и увеличить объем товаров группы «Б» (предметов потребления) в абсолютном выражении.

ны, происходил рост качества выпускаемой продукции, с другой, предприятия имели возможность использовать полученную дополнительную прибыль на выплаты особенно эффективным работникам, расширение материально-технической базы, поддержку объектов социальной инфраструктуры, входившей в состав предприятия.

В 1979 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. № 695 «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» (с изменениями и дополнениями). Основной целью данного постановления было «добиться значительного повышения эффективности общественного производства, ускорения научно-технического прогресса и роста производительности труда, улучшения качества продукции и на этой основе обеспечить неуклонный подъем экономики страны и благосостояния советского народа» [15]. В нем предусматривалось 64 основных направления, в том числе внедрение новой техники и технологий, расширение ассортимента выпускаемой продукции и рост ее качества. К сожалению, указанное постановление практически не было реализовано, поскольку в 1980-х гг. уже стали говорить о коренной перестройке экономики страны. В 1987 г. был издан сборник «О коренной перестройке управления экономикой. Сборник документов» и принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О перестройке планирования и повышении роли Госплана СССР в новых условиях хозяйствования». Указанные документы критиковали сложившуюся систему планирования, считая ее «тормозом на пути перехода к экономическим методам управления, создания механизма ускорения, обеспечивающего развитие народного хозяйства преимущественно за счет качественных факторов» [14] и предлагали ее реформирование в трех основных плоскостях: совершенствование системы планирования и расширение ее демократических основ, повышение научной обоснованности и качества планов экономического и социального развития, повышение роли и ответственности Госплана СССР. В результате всего комплекса реформ (в большей степени политических) произошел распад СССР, экономика страны значительно пострадала, были разрушены и не созданы новые хозяйственные связи, а система хозяйствования перешла к принципам рыночной экономики, методы директивного планирования были заменены на стратегические и индикативные.

Следует отметить два немаловажных позитивных момента в процессе планирования и прогнозирования в СССР. Во-первых, это привлечение крупных ученых и практиков к разработке планов и механизмов их реализации. Госплан СССР тесно сотрудничал с Академией наук, НИИ и даже высшими учебными заведениями. Во-вторых, процесс планирования в СССР был разделен по ступеням иерархии, что позволяло четко очертить круг полномочий каждого из органов управления, а также избежать дублирования функций. Также это обеспечивало четкую иерархию существующих планов, их сопоставимость между собой и системную организацию регионов страны.

В странах с рыночной экономикой планирование и прогнозирование на макроуровне стали использоваться позднее, чем в СССР. В результате мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. еще более остро встал вопрос о прогнозировании и планировании. Во многих странах в это время использовались методы линейного программирования, модель «затраты — выпуск», методы экспертного оценивания системного анализа с целью создания национальных бюджетов. Примерно до 1950-х гг. национальные планы формировались в виде бюджетов, учитывающих доходы и расходы государства в целом и его регионов, штатов или областей.

В 1960—1970-е гг. происходит изменение процессов планирования и прогнозирования.

Во-первых, изменяется масштаб используемых моделей и методов, они учитывают не только одну конкретную страну, но и группы стран — весь мир. Среди таких моделей стоит назвать «LSEM», так называемую экономико-математическую модель мира «другого поколения». Она используется при моделировании всей экономической системы мира или конкретного региона. В состав данной модели входит около тысячи уравнений, а анализ основан на большом количестве статистической информации о состоянии системы и ее характеристиках в прошлом. Основной задачей является установление величины макроэкономических показателей в будущем. Первой моделью данного класса можно считать модель, предложенную Я. Тинбергеном в 1936 г. для прогнозирования развития Нидерландов, а затем США и Великобритании. Вторая модель, более известная, — LINK — была создана в 1960-е гг. Л. Кляйном и его учеником. В составе указанной модели существует 79 подмоделей, в общей совокупности они описывают мировую экономиче-

скую систему в целом. Разработка аналогичных моделей велась и на уровне государств, и на уровне компаний, и отдельными исследователями. Самыми известными моделями такого уровня являются: «ЕРА» — модель, созданная Японским агентством экономического планирования, включающая прогнозы для 8 стран — Австралии, Канады, Франции, Италии, Японии, Великобритании, США, Германии, и шесть моделей для остальных стран мира; «ЕЕС» — модель Европейской экономической комиссии, в состав которой входят четыре модели для США, Японии, стран Европы и стран остального мира; «MINIMOD» — модель Международного валютного фонда, включающая в себя модели для США и стран ОЭСР; «DRI» — модель, состоящая из четырех моделей для США, Европы, Канады и Японии; «WHARTON», включающая 23 модели для стран ОЭСР [17].

Во-вторых, меняется иерархия, или административный аппарат, который используется в стране для прогнозирования и планирования. Если на первом этапе планированием и прогнозированием практически во всех странах мира занималось министерство финансов, то в 1960-е гг. начинают создаваться специальные органы, которые занимаются этими функциями.

В настоящее время прогнозирование и планирование на макроуровне строятся на основе индикативного или стратегического планирования. Основы индикативного планирования заложил К. Ландауэр в работе «Теория национального экономического планирования», изданной в 1944 г. В чистом виде индикативное планирование использовалось во Франции, в Германии и в Японии. Сейчас используются в основном такие его механизмы, как система индикаторов, целевые программы и прогнозы развития отраслей или секторов промышленности.

Следует отметить, что в современной экономике чаще всего используют три возможные формы планирования: директивное, стратегическое и индикативное. Директивное планирование подразумевает жесткое, точное исполнение планов и распоряжений с помощью административно-командных рычагов воздействия. Такой тип планирования использовался в плановой, или командной, экономике, но и в рыночной системе хозяйствования он может и, на взгляд авторов, должен применяться. Так, например, прогнозирование и планирование развития оборонно-промышленного комплекса разумнее всего осуществлять именно с помощью указанной формы.

Стратегическое планирование — вторая возможная форма осуществления планирования развития экономической системы. В процессе его применения устанавливаются ключевые показатели и цели на достаточно длительный срок, а также представлены механизмы их достижения, причем происходит регулярная корректировка в зависимости от возникающих изменений на основе непрерывного наблюдения. Как указывает Министерство экономического развития Российской Федерации, стратегическое развитие — это «механизм управления, направленный на достижение приоритетных целей государства, включающий процессы целеполагания, прогнозирования и планирования социально-экономического развития Российской Федерации» [13]. Как на макроуровне, так и на уровне предприятия стратегическое планирование позволяет увязать в единую систему цели, задачи экономической системы, возможности и угрозы внешней среды, а также сформировать оперативные и тактические решения.

Индикативное планирование дополняет стратегическое: его временной горизонт меньше, он формулирует среднесрочные цели развития. Как понятно из названия, данная форма планирования предполагает использование определенных индикаторов, однако, в отличие от директивного, оно носит рекомендательный характер. В современной экономике именно такой тип планирования становится приоритетным. В любом случае, какая бы форма планирования не использовалась, необходимо осуществлять прогнозирование развития системы.

Естественно, что в зависимости от особенностей экономической системы, для которой осуществляются планирование и прогнозирование, в процессе возникает ряд особенностей и нюансов. Однако неизменными являются постулаты, или принципы. В экономической литературе представлено большое количество принципов прогнозирования и планирования, причем некоторые из них могут применяться только на уровне предприятия, например, принцип партисипативного управления, но большая часть носит общий характер. На наш взгляд, при осуществлении прогнозирования и разработки планов следует использовать следующие методические принципы.

Первый принцип — системности, согласно которому экономическая система представляется как совокупность подсистем, обладающих взаимным влиянием друг на друга, наличием входя-

выхода ресурсов, связью с другими системами и обратной связью. Соответственно, каждый элемент системы может быть описан с помощью определенных моделей, на основе которых строится общий прогноз. К этому же общему принципу следует отнести выделяемый отдельно некоторыми исследователями принцип единства или холизма, предполагающий, что планирование должно носить системный характер. На наш взгляд, принципы сочетания отраслевого и регионального планирования, гармоничного развития территорий, сбалансированности и пропорциональности также являются следствием системности.

Второй принцип — комплексности, согласно которому нужно рассматривать конкретную экономическую систему как систему внутренних и внешних связей.

Третий — принцип непрерывности, согласно которому разработка прогнозов и планов разного временного горизонта должна быть взаимоувязана между собой. Тесно связанным с ним, является четвертый принцип — гибкости, предполагающий возможность изменения прогнозов и планов в зависимости от изменения ситуации ввиду влияния различных факторов.

Пятый принцип — альтернативности. Прогнозы и планы не должны иметь единственный вариант развития и действия, должно быть разработано несколько прогнозов в расчете на изменения в самой системе или внешней среде.

Шестой — принцип целенаправленности и приоритетности. Прогнозирование не имеет целью просто предсказать будущее, формирование прогнозов и планов осуществляется с тем, чтобы достигнуть целей развития, причем желательно с минимальными затратами и максимальным эффектом. Установление верных приоритетов позволяет распределять ресурсы наилучшим из возможных способов.

Седьмой принцип — оптимальности. В этом принципе мы выделяем два аспекта. Первый, согласно общеэкономическому подходу, предполагает, что принятие решений в системе на любом уровне управления должно быть направлено на достижение наилучшего результата. Второй предполагает ориентацию на выбор наиболее эффективного (из возможных) решений, что в ряде случаев приводит к выбору альтернативы с меньшим доходом, но и, соответственно, наименьшими затратами на его достижение или меньшим уровнем риска.

Восьмой принцип — адекватности, предполагающий использование таких методов оценки и прогнозирования, которые адекватны сложившейся ситуации и могут верно ее описать и проанализировать.

Девятый — принцип точности. Естественно, что построение прогнозов, особенно с использованием математических моделей, требует упрощения, поскольку учесть абсолютно все факторы просто невозможно. Однако прогноз и план должны обладать максимально возможной точностью, близкой к реальной экономической системе.

Следует помнить и о десятом принципе — социальной ориентации, поскольку ставить главной целью достижение только экономических показателей в современном мире невозможно; на смену концепции экономического роста приходит парадигма устойчивого развития [21; 22].

Одиннадцатый принцип — информативности — особенно важен в настоящее время, поскольку в современных условиях все больше возрастает ценность информации, в особенности о возможном будущем состоянии экономической системы или ее определенной составной части. Использование искусственного интеллекта и систем больших данных позволяет быстро и точно обрабатывать массивы информации, давая возможность разрабатывать прогнозы и планы максимально точно.

Существуют следующие две основных группы подходов к прогнозированию будущих показателей экономической системы: общие и специфические. В группе общих выделяют три подхода: формализованный, интуитивный и комбинированный; в группе специфических — четыре: исторический, междисциплинарный, системный и системно-структурный [19]. Кратко выделим их основные особенности. Использование формализованного подхода к прогнозированию предполагает наличие информации о показателях развития системы в прошлом, причем могут использоваться как количественные показатели, так и качественные. Интуитивный подход основан на знаниях экспертов, а также их оценках будущего. Комбинированный — предполагает использование элементов и формализованного, и интуитивного подходов. Исторический подход к прогнозированию базируется на том, что будущее состояние экономической системы зависит от ее прошлого и текущего состояния, от институтов, тенденций и факторов развития. Проанализировав

прошлой состояние системы, установив определенные правила взаимодействия, можно сформировать прогноз развития. Согласно междисциплинарному подходу, на формирование адекватного экономического прогноза должны оказывать влияние результаты, полученные в смежных дисциплинах: экономическую теорию нельзя рассматривать в отрыве от социологии и философии, а также других общественных наук, и, конечно, математики. Системный подход включает в себя необходимость рассмотрения экономики как системы, с ее взаимосвязями и взаимным влиянием элементов друг на друга, учетом ее эмерджентных свойств (синергетического эффекта). В рамках системно-структурного подхода к прогнозированию экономических систем разработка прогнозов строится на определении структурных связей между элементами системы. В настоящее время для этого широко используются математические модели, искусственный интеллект и большие данные [23].

Перейдем непосредственно к методам, которые могут быть использованы в процессе прогнозирования. При этом под методом прогнозирования будем понимать «прием, способ, посредством которого на основе анализа ретроспективных данных, экзогенных (внешних) и эндогенных (внутренних) связей прогнозируемого объекта можно получить суждение о возможном его состоянии в будущем» [19]. Вообще, существует большое количество методов, которые могут так или иначе быть использованы в процессе прогнозирования; соответственно, существует и большое количество классификаций для систематизации методов. Однако наиболее универсальной является, на наш взгляд, классификация методов в зависимости от степени формализации. По этому признаку выделяют три больших группы методов: эвристические, фактографические (формализованные) и комплексные (комбинированные) [11].

Эвристические методы прогнозирования — это методы интуитивного анализа, основанные на субъективных экспертных оценках рыночной ситуации. В основе интуитивных методов лежат мнения специалистов, основанные на профессиональном, научном и практическом опыте экспертов [19]. В зависимости от того, как организован данный метод, можно выделить индивидуальные (прямые) и коллективные (косвенные) методы экспертных оценок. В процессе осуществления прямых методов отсутствует возможность воздействия какого-либо эксперта на мнение другого. К группе индивидуальных методов относятся: интервью, аналитический метод,

написание сценария. Напротив, косвенные методы предполагают взаимодействие экспертов друг с другом и/или воздействие предварительных оценок на мнение экспертов. Самыми распространенными методами, относящимися к косвенным методам экспертного прогнозирования, считаются методы: комиссии, Дельфи, коллективной генерации идей (мозговая атака или мозговой штурм), морфологического анализа, прогнозного графа. Использование эвристических методов прогнозирования может быть очень эффективным в ситуации, характеризующейся высокой степенью неопределенности и риска, в процессе построения экспресс-прогнозов.

Отдельно необходимо выделить такой метод прогнозирования и даже планирования, как метод форсайта. Форсайт (от англ. Foresight — «взгляд в будущее, предвидение») — это социальная технология, формат коммуникации, который позволяет участникам договориться по поводу образа будущего, а также, определив желаемый образ будущего, договориться о действиях в его контексте [28]. По своей сущности он относится к эвристическим методам прогнозирования, но его методология несколько отличается от общепринятых методов данной группы. Эксперты говорят, что данный метод не только оценивает будущее, но и активно на него влияет. В.А. Козлов и В.П. Третьяк выделяют следующие черты данного метода:

- 1) согласование партикулярных интересов различных слоев гражданского общества;
- 2) самоактивизация участников зарождающегося будущего в деле его претворения по собственной инициативе;
- 3) предлагаемая в результате форсайта пиксельная картина будущего, формируемая взглядами различных слоев общества, которые порой поступают частью своих интересов в расчете на долгосрочные выгоды;
- 4) повторяемость форсайт-проектов;
- 5) улавливание в результате применения форсайта тенденций того, что будет доминировать в будущем, а сегодня не вызывает интереса у окружающих [8].

Впервые метод форсайта был использован в середине XX в. в США компанией «RAND», представляющей собой стратегический исследовательский центр, работающий по заказам правительства и вооруженных сил США. Затем данный метод активно использовался в Южной Корее, Японии и других странах. Так, в Японии с

1971 г. каждые 5 лет публикуется прогноз приоритетов научно-исследовательского развития на 30 лет вперед, основой для которого выступает согласование интересов государства и частных корпораций. В ЮАР также используются метод форсайта как инструмент государственной политики в области развития науки и технологий. В Южной Корее первые форсайты появились еще в 1970-х гг., в настоящее время их используют и крупнейшие корпорации, министерства и ведомства для прогнозирования развития отраслей экономики. Самым известным проектом в Южной Корее является разработанный в 2003—2004 гг. форсайт «Корея—2030».

В Российской Федерации в настоящее время используется продвинутая методика, которая носит название «Rapid Foresight» — «российская версия форсайт-методики, разработанная группой “Re-engineering futures”, позволяющая достигать репрезентативных результатов в более короткие сроки, чем классические технологии форсайта» [28].

Базовая методология любого форсайта включает четыре уровня деятельности:

- 1) настоящее (работа с карточками, высказывания участников, модерация);
- 2) будущее (предсказательные методы, работа с перспективами и т. д.);
- 3) планирование (стратегический анализ, определение приоритетов);
- 4) нетворкинг (инструменты, направленные на создание диалога и соучастие участников форсайта).

В системе «Rapid Foresight» используется последовательность из четырех основных шагов: определение области проблемы; проведение «Rapid Foresight»-сессии, составление дорожной карты и фиксация изменений в среде. При кажущейся простоте алгоритма он включает множество сессий, а также методов, которые используются в процессе. Это позволяет построить прогноз на три временных горизонта: ближний (5 лет), средний (10 лет) и дальний (15—20 лет). Также метод форсайта характеризуется значительным вниманием к «черным лебедям», «джокерам» или «диким картам». Термин «черный лебедь» был впервые использован в 2007 г. Н.Н. Таллебом в работе «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости». Автор предполагает, что для того, чтобы событие было отнесено к «черным лебедям», оно должно, во-первых, быть неожи-

данным для эксперта, во-вторых, иметь значительные последствия, и, в-третьих, после наступления, в ретроспективе, событие имеет рационалистическое объяснение, как если бы событие было ожидаемым [24]. При этом важно отметить, что событие приводит не только к негативным результатам, его воздействие может иметь и положительный эффект; именно поэтому используются еще два названия — «джокер» или «дикая карта». На основе стандартных методов прогнозирования предсказать появление «черных лебедей» не представляется возможным, воздействие их на систему можно оценить уже постфактум. Метод форсайта использует теорию слабых сигналов, чтобы предсказать появление событий низкой вероятности, но оказывающих значительное влияние на экономическую систему. Таким образом, на наш взгляд, метод форсайта является одним из самых перспективных методов прогнозирования будущего в настоящее время.

Вторая группа методов — фактографические, основанные на построении логических исследований взаимосвязей между анализируемыми объектами или его составными частями при использовании серьезного математического аппарата. Вся совокупность методов, относящихся к этой группе, делится на методы математического (экономико-математического) моделирования и методы прогнозной экстраполяции.

Суть методов математического моделирования состоит в том, исследователь формирует математическую зависимость воздействия разнообразных факторов на экономическую систему. Затем, на основе математических зависимостей и отношений, формируется прогноз. Для оценки будущего состояния экономической системы используются два типа экономико-математических моделей. Первый тип моделей используется для установления общих свойств процессов, протекающих в экономической системе и воздействующих на нее; они носят название «теоретико-аналитические модели». Второй тип моделей используется для решения более узко поставленных, конкретных задач; они носят название прикладных. Среди моделей математического моделирования выделяют оптимизационные, статические, динамические, структурные (матричные), факторные и комбинированные модели.

Методы математической экстраполяции исходят из того, что исследователь формирует гипотезу о наличии воздействия ряда факторов на итоговые (результатирующие) показатели или изменение

экономической системы. Если эта гипотеза находит подтверждение, то можно предположить, что установленные связи будут действовать и на будущий период, соответственно, на основе переноса тенденций прошлого и будет сделан прогноз. Основными методами, относящимися к данной группе, можно считать метод наименьших квадратов, метод скользящих средних, адаптивного сглаживания и авторегрессивного преобразования [19]. Также к группе фактографических методов относятся такие широко используемые методы планирования, как методы экономических индикаторов (индикативное планирование), модели динамических рядов, балансовый метод и, конечно, метод «затраты — выпуск».

Метод межотраслевого баланса В.В. Леонтьева или метод «затраты — выпуск» является уникальным, с помощью него можно описать экономическую систему как единое целое, при этом используя математические уравнения. Впервые результаты расчетов межотраслевого баланса с использованием данного метода были опубликованы В.В. Леонтьевым в 1925 г. в работе «Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работы ЦСУ». В ней проводился критический анализ построенной по данным 1923—1924 гг. под руководством П.И. Попова модели межотраслевого баланса Советского Союза и были представлены замечания по изменению и улучшению методики построения баланса. В работе В.В. Леонтьев указывал, что «принципиально новым в этом балансе при сравнении его с обычными хозяйственно статистическими обследованиями, как, например, с американским или английским ценом, является попытка охватить цифрами не только производство, но и распределение общественного продукта, чтобы таким путем получить общую картину всего процесса воспроизводства в форме некоторой “Tableau économique” (экономической таблицы)» [10]. Действительно, метод межотраслевого баланса предполагает установление взаимосвязей между отраслями экономики с помощью линейных уравнений, отражающих баланс между затратами и выпуском за определенный период времени. Решение этих уравнений помогает прогнозировать потребности каждой из отраслей, а также выпуск конечной продукции. Модель межотраслевого баланса строится в форме таблицы и состоит из четырех частей. Первая состоит из матрицы отраслей, показывая необходимые для каждой отрасли объемы материалов, сырья, энергии. Следует отметить, что отрасли, используемые для анализа, являются «чистыми», т. е.

условными, объединяющими в себе все предприятия, производящие конкретный продукт. При этом каждая отрасль отражается в таблице и как производящая, и как потребляющая. Вторая часть межотраслевого баланса состоит из двух столбцов: «конечный продукт» — это все накопление и потребление, а также возмещение выбытия основных фондов; и «валовый продукт». Третья часть показывает формирование стоимости конечного продукта как стоимости чистой продукции, состоящей из суммы оплаты труда и чистого дохода отрасли, и амортизации. Также к третьей части относят строку «валовая продукция». В четвертой части межотраслевого баланса указываются элементы перераспределения и конечного использования национального дохода.

Следует отметить, что в модели используются также специальные коэффициенты — «коэффициенты полных затрат», отражающие средние затраты «п» продукта на производство единицы конечного продукта отрасли «х» по всей цепи сопряженных производств, и «коэффициенты прямых затрат» — показатели, указывающие среднюю величину затрат по отрасли в целом [27].

Метод межотраслевого баланса активно применялся при планировании и установлении показателей для отраслей народного хозяйства в СССР; в связи с использованием искусственного интеллекта и компьютеров стало возможным формировать динамический межотраслевой баланс, предложенный Н.И. Ведутой. В настоящее время возобновлено составление межотраслевого баланса в Российской Федерации, базовые таблицы «затраты — выпуск» разрабатываются раз в пять лет, они формируются Росстатом в целях:

- 1) координации работ по обеспечению сопоставимости применяемых понятий и классификаций, количественной согласованности данных, используемых при построении этих таблиц и полученных из разных источников информации;
- 2) проверки согласованности макроэкономических показателей СНС (уточнение счетов производства, образования и использования доходов, операций с капиталом);
- 3) расчета различных стоимостных и структурных показателей в детальной группировке «чистых» и «хозяйственных» отраслей (структура промежуточного и конечного спроса, добавленной стоимости, отраслевая структура выпуска, располагаемых ресурсов и т. п.);

4) осуществления прогнозных и ретроспективных расчетов различных показателей для периодов, по которым данные отсутствуют или наименее надежны (например, для тех лет, в которые не проводятся единовременные обследования состава затрат на производство и реализацию продукции и услуг в отраслях экономики, лежащие в основе построения таблиц «затраты — выпуск»);

5) определения дефляторов для пересчета макроэкономических показателей в постоянные цены [26].

На наш взгляд, использование метода межотраслевого баланса дает значительные преимущества в прогнозировании. Во-первых, его использование может однозначно и со значительной доказательной базой обосновать применение форм государственной поддержки или необходимости государственного регулирования секторов экономики. Во-вторых, использование общей таблицы межотраслевого баланса, детализация ее на региональные таблицы межотраслевого баланса формируют основу для сетевого взаимодействия региональных подсистем. В-третьих, с точки зрения математики система линейных уравнений в модели Леонтьева или дифференциальных уравнений в динамических моделях всегда имеет решение, и их можно включать в другие модели, например, экономического роста, при необходимости. В-четвертых, именно формирование межотраслевого баланса дало возможность моделировать воздействие технического прогресса на экономическую систему, что не теряет актуальности и в современной экономике. И, в-пятых, использование данного метода позволяет оценить степень специализации производства, что дает возможность оценить возможность и целесообразность осуществления горизонтальной и вертикальной интеграции промышленных предприятий. Как было показано в наших предыдущих работах [20], именно осуществление интеграции дает возможность экономической системе получить новый импульс для развития. Именно поэтому данный метод прогнозирования является одним из самых перспективных для использования на макроуровне.

Таким образом, на наш взгляд, для эффективного планирования и прогнозирования следует использовать сочетание из методов математического прогнозирования, в том числе модели межотраслевого баланса, и методов группы «Rapid Foresight», особенно для управления по слабым сигналам.

Литература

1. Агаев А.Е., Жминько А.Е. Планирование и прогнозирование: сущность, виды и классификация // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 2—2. С. 215—219.
2. Андрейчиков А.В., Андрейчикова О.Н. Анализ, синтез, планирование решений в экономике. М.: Финансы и статистика, 2000.
3. Арменский А.Е., Кочубей С.Э. Стратегическое предвидение (прогнозирование) и стратегическое планирование социально-экономического развития государства // Вестник науки и образования. 2019. № 11—1 (65). С. 40—55.
4. Белоусова Е.А., Родина Л.А. Стратегическое планирование и прогнозирование предпринимательства на основе метода «Форсайт» // Экономика и социум. 2019. № 4 (59). С. 875—878.
5. Бондаренко Н.Ю. Цели и задачи индикативного планирования: зарубежный опыт // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2012. № 1 (15). С. 48—51.
6. Ведута Н.И. Социально эффективная экономика / Под ред. Е. Ведута. М.: РЭА, 1999.
7. Журавлев В.А. Прогнозирование и планирование в экономике // Эпомен. 2021. № 59. С. 24—34.
8. Козлов В.А., Третьяк В.П. Место теории слабых сигналов в технологии Форсайта // Отраслевые рынки. 2016. № 5—6 (44).
9. Лемешко Е.Ю. Бюджетное прогнозирование и планирование: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2020. № 1—2 (102—103). С. 30—36.
10. Леонтьев В.В. Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работы ЦСУ // Плановое хозяйство: Ежемесячный журнал. 1925. № 12. С. 254—258.
11. Лыкова Е.С. Методы прогнозирования функционирования и развития социально-экономических процессов: иерархия и оценка // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6—2 (59). С. 79—84.
12. Мартынов А.С. К вопросу об изучении отечественного опыта государственного планирования и прогнозирования // Проблемы современной экономики. 2009. № 4 (32). С. 456—458.

13. Министерство экономического развития Российской Федерации: URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/ (дата обращения: 08.02.2022).

14. О коренной перестройке управления экономикой. Сборник документов. М.: Политиздат, 1987.

15. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. № 695 «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» (с изменениями и дополнениями: URL: <https://docs.cntd.ru/document/600369> (дата обращения: 01.03.2022).

16. Рябоконь Н.А., Миленина А.В. Прогнозирование и планирование как функция управления // Аллея науки. 2017. Т. 3. № 15. С. 389—392.

17. Симс К.А. Макроэкономика и реальность // Экономическая политика. 2011. № 6. С. 84—118.

18. Соловьев В.И., Бессонов А.Н., Соболев А.А. Моделирование и форсайт-проекты: проблемы и подходы // Инновации в жизнь. 2013. № 1 (3). С. 52—67.

19. Старинский В.Н. Методический инструментарий прогнозирования рыночных ситуаций // Экономика. Бизнес. Право. 2017. № 10—12 (24). С. 4—37.

20. Стрижакова Е.Н. Промышленная система России: факторы развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 4. С. 53—70

21. Стрижакова Е.Н., Стрижаков Д.В. Концепция устойчивого развития: история и современность // Менеджмент в России и за рубежом. 2020. № 6. С. 92—100.

22. Стрижакова Е.Н., Стрижаков Д.В. От экономического роста к устойчивому развитию: этапы трансформации концепции // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2 (32). С. 58—67.

23. Стрижакова Е.Н., Стрижаков Д.В. Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития // Менеджмент в России и за рубежом. 2019. № 2. С. 27—33.

24. Талей Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, 2022.

25. Толковый словарь Ожегова: URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 26.02.2022).

26. Федеральная служба государственной статистики: URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d010/i010750r.htm (дата обращения: 18.02.2022).

27. Экономико-математический словарь // Академик.ру: URL: https://economic_mathematics.academic.ru/ (дата обращения: 18.02.2022).

28. Rapid Foresight: URL: https://research.nevafilm.ru/public/research/articles/foresight_manual.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

References

1. *Agayev A.E., Zhmin'ko A.E.* Planirovanie i prognozirovanie: sushchnost', vidy i klassifikatsiya // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. 2019. № 2—2. S. 215—219.
2. *Andrejchikov A.V., Andrejchikova O.N.* Analiz, sintez, planirovanie reshenij v ekonomike. M.: Finansy i statistika, 2000. 368 s.
3. *Armenskij A.E., Kochubej S.E.* Strategicheskoe predvidenie (prognozirovanie) i strategicheskoe planirovanie social'no-ekonomicheskogo razvitiya gosudarstva // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2019. № 11—1 (65). S. 40—55.
4. *Belousova E.A., Rodina L.A.* Strategicheskoe planirovanie i prognozirovanie predprinimatel'stva na osnove metoda «Forsajt» // Ekonomika i sotsium. 2019. № 4 (59). S. 875—878.
5. *Bondarenko N.YU.* Celi i zadachi indikativnogo planirovaniya: zarubezhnyj opyt // Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki. 2012. № 1 (15). S. 48—51.
6. *Veduta N.I.* Social'no effektivnaya ekonomika / Pod red. E. Veduta. M.: REA, 1999.
7. *Zhuravlev V.A.* Prognozirovanie i planirovanie v ekonomike // Epomen. 2021. № 59. S. 24—34.
8. *Kozlov V.A., Tret'yak V.P.* Mesto teorii slabых signalov v tekhnologii Forsajta // Otrasevye rynki. 2016. № 5—6 (44).
9. *Lemeshko E.YU.* Byudzhetnoe prognozirovanie i planirovanie: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt // Vestnik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2020. № 1—2 (102—103). S. 30—36.
10. *Leont'ev V.V.* Balans narodnogo hozyajstva SSSR. Metodologicheskij razbor raboty CSU // Planovoe hozyajstvo: Ezhemesyachnyj zhurnal. 1925. № 12. S. 254—258.

11. *Lykova E.S.* Metody prognozirovaniya funkcionirovaniya i razvitiya social'no-ekonomicheskikh processov: ierarhiya i ocenka // *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2015. № 6—2 (59). S. 79—84.
12. *Martynov A.S.* K voprosu ob izuchenii otechestvennogo opyta gosudarstvennogo planirovaniya i prognozirovaniya // *Problemy sovremennoj ekonomiki*. 2009. № 4 (32). S. 456—458.
13. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii: URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/ (data obrashcheniya: 08.02.2022).
14. O korennoj perestrojke upravleniya ekonomikoj. Sbornik dokumentov. M.: Politizdat, 1987.
15. Postanovlenie Central'nogo Komiteta KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 12 iyulya 1979 g. № 695 «Ob uluchshenii planirovaniya i usilenii vozdejstviya hozyajstvennogo mekhanizma na povyshenie effektivnosti proizvodstva i kachestva raboty» (s izmeneniyami i dopolneniyami: [Elektronnii resurs]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/600369> (data obrashcheniya: 01.03.2022).
16. *Ryabokon' N.A., Milenina A.V.* Prognozirovanie i planirovanie kak funkciya upravleniya // *Alleya nauki*. 2017. T. 3. № 15. S. 389—392.
17. *Sims K.A.* Makroekonomika i real'nost' // *Ekonomicheskaya politika*. 2011. № 6. S. 84—118.
18. *Solov'ev V.I., Bessonov A.N., Sobolev A.A.* Modelirovanie i forsajt-proekty: problemy i podhody // *Innovacii v zhizn'*. 2013. № 1 (3). S. 52—67.
19. *Starinskij V.N.* Metodicheskij instrumentarij prognozirovaniya rynochnyh situacij // *Ekonomika. Biznes. Pravo*. 2017. № 10—12 (24). S. 4—37.
20. *Strizhakova E.N.* Promyshlennaya sistema Rossii: faktory razvitiya // *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. 2016. № 4. S. 53—70.
21. *Strizhakova E.N., Strizhakov D.V.* Konceptiya ustojchivogo razvitiya: istoriya i sovremennost' // *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*. 2020. № 6. S. 92—100.
22. *Strizhakova E.N., Strizhakov D.V.* Ot ekonomicheskogo rosta k ustojchivomu razvitiyu: etapy transformacii koncepcii // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. № 2 (32). S. 58—67.

23. *Strizhakova E.N., Strizhakov D.V.* Cifrovaya ekonomika: problemy i perspektivy razvitiya // *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*. 2019. № 2. S. 27—33.
24. *Taleb N.N.* CHernyj lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti. M.: Kolibri, 2022.
25. Tolkovyj slovar' Ozhegova: URL: <https://slovarozhegova.ru/> (data obrashcheniya 26.02.2022).
26. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki: [Elektronniy resurs]. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d010/i010750r.htm (data obrashcheniya: 18.02.2022).
27. Ekonomiko-matematicheskij slovar' // Akademik.ru: URL: <https://economic-mathematics.academic.ru/> (data obrashcheniya: 18.02.2022).

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

К.В. МОЛЧАНОВ

**Базовые положения диалектической концепции
кибер интеллекта***

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты алгоритмизации интеллекта. В науках нет однозначного корректного общепризнанного определения интеллекта, а термин «artificial intelligence» означает только лишь вычислительную составляющую способности достигать целей. В современной диалектике для определения интеллекта используется гегелевское учение о субъективном духе. Опорным положением, обозначающим интеллект, является способность незапланированного изменения деятельности (программы). Поэтому существом проблемы является возможность изменения порядка действий (программы) в ходе их исполнения. В целом, речь идет о диалектически понимаемой программе, которая определяется, исходя из развития *логической идеи*. Результаты исследования могут быть использованы для диалектического развития логики, для формирования новых форматов познания, для автоматизации диалектического познания, для совершенствования диалектической гносеологии, для создания кибер форматов субъективного духа, для развития программирования и для создания новых архитектур компьютеров.

Ключевые слова: кибер интеллект, диалектика, диалектическая гносеология, логика, логические системы, диалектическая система логики, программирование, кибер форматы субъективного духа, архитектура компьютера.

Abstract. The article discusses some aspects of intellect algorithmization. In the sciences, there is no unambiguous correct universally accepted definition of intelligence, and the term «artificial intelligence» means only the computational component of the ability to achieve goals. In modern dialectics, Hegel's doctrine of Subjectivity spirit is used to define intelligence. The reference position for intelligence is the ability to change activities (programs) that are not planned. Therefore, the essential problem is the

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. Базовые положения диалектической концепции кибер интеллекта // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 179—195.

possibility of changing the order of action (program) during their implementation. It is therefore a dialectically understood program, which is defined on the basis of the development of the Logical idea. The results of the study can be used for the dialectic development of logic, the formation of new forms of cognition, the automation of dialectical cognition, the improvement of dialectical epistemology, the creation of cyber formats of Subjective spirit, the development of programming, and the creation of new computer architectures.

Keywords: cyber intellect, dialectics, dialectical epistemology, logic, logical systems, dialectical system of logic, programming, cyber formats of Subjective spirit, computer architecture.

УДК 16
ББК 87.4

В современной диалектике «возникла необходимость алгоритмизации и компьютеризации познания для того, чтобы разнообразить и интенсифицировать современное диалектическое познание вплоть до исследования возможностей создания компьютеризированного (“искусственного”) предметного познания» [9, 198].

Для решения этой задачи нами используются возможности диалектики, точнее — методология труда Гегеля «Наука логики», так как научное познание не имеет надлежащих представлений и инструментов (это утверждение более подробно рассматривается в ходе наших рассуждений).

Одним из базовых положений решения обозначенной задачи является то, что в процессе познания неизбежно выполнение интеллектуальных действий и поэтому при решении задачи компьютеризации диалектического познания встает вопрос о *компьютеризации интеллектуальной деятельности человека*, т. е. фактически о *компьютеризации интеллекта*, что составляет отдельную задачу. Тем самым, на первый взгляд, неизбежно обращение к популярной теме *искусственного интеллекта*, которая, однако, на самом деле весьма проблематична.

Обычно интеллект понимается как разнообразные способности человека, например, самообучение, определение цели, решение задач, планирование, предвидение результатов совершаемых действий, а иногда интеллект сводят к рассудку или разуму (см., напр.: [1; 14]). И что только не говорится по поводу интеллекта! Как он только не определяется! Однако в науках «однозначного корректного общепризнанного определения интеллекта <...> нет! При этом очевидна парадоксальная

особенность определения интеллекта — использование не определенных корректно или даже просто неопределенных понятий, например, творчества, принятия решений, мышления и др., но, прежде всего, — мышления, без которого определение интеллекта в любой формулировке невозможно. Более того, в науках нет даже формально одинаково всеми учеными понимаемой соответствующей предметной основы, и, кроме того, каждый ученый имеет свое личное мнение, отличное от других и зачастую противоречащее другим, и поэтому нет даже четко определенного предмета обсуждений!» [10, 204]. Но не будем сейчас обсуждать многие-многие дискуссионные и во многом некорректные по своей сути мнения, а приведем вывод, указанный в диссертационной работе, признанной научным сообществом: «мы пока очень плохо понимаем природу человеческого интеллекта» [1, 4]...

Из сказанного следует: в силу того, что в науках нет ни понимания интеллекта, ни его удобоваримого определения, то говорить об искусственном интеллекте, по меньшей мере, не корректно. Действительно, согласно выводу приведенной диссертационной работы, «современные “интеллектуальные машины” способны чисто внешним образом имитировать отдельные интеллектуальные функции человека, отдельные психические процессы (распознавание образов, решение логических задач, игра в шахматы и т. п.), но они не обладают интеллектуальностью в подлинном смысле этого слова <...> не способны творчески подходить к решению проблем, не обладают той гибкостью поведения, которая характерна для человека. Собственно, задача создания “машинного эквивалента” человеческого интеллекта современными разработчиками систем искусственного интеллекта <...> не ставится, поскольку реальных путей решения этой задачи они не видят» [1, 3—4].

Сам термин «искусственный интеллект» в свое время появился как неудачный, ошибочный перевод англоязычного термина «artificial intelligence» (несмотря на то, что в английском языке есть слово «intellect»), означающего *вычислительную составляющую способности достигать целей* (см., напр.: [17]), т. е. речь идет, во-первых, лишь о части логических способностей человека, которые обычно ассоциируются с интеллектом, но не о нем, и, во-вторых, о вычислениях, по сути, о формальной обработке данных. Иными словами, речь идет не об интеллекте, под которым зачастую подразумевают нелогичные, а то и попросту интуитивные человеческие действия.

При этом следует отметить, что если понятие «artificial intelligence» корректно, ибо речь идет о логичном описании решения задачи и его однозначной реализации, пусть связанной со взаимодействием с

внешней средой, со сложными расчетами и т. д., то вот термин «искусственный интеллект» является по сути фиктивным: он не может быть определен, так как нет дефиниции самого интеллекта. Можно, конечно же, считать, что термином «искусственный интеллект» обозначаются некие (обычно сложные) программы, которые призваны обслуживать те или иные человеческие потребности в различных сферах, но тогда это просто формально-регламентированные программы, это — «artificial intelligence», ибо компьютер однозначно, *непротиворечиво* исполняет программу. И, быть может, следует сказать, что термин «искусственный интеллект» не научен, а попросту моден...

Возникает *противоречие*: для решения диалектической задачи компьютеризации интеллекта необходимо использовать то, что нет смысла использовать («artificial intelligence»), или то, чего нет в его собственном смысле («искусственный интеллект»). Мы считаем, что для наук оно так и остается неразрешимым. А вот для диалектики противоречие, согласно Гегелю, «есть корень всякого движения и жизненности» [2, т. 5, 520], и оно определяет основание развития содержания, решения задачи и т. п., в том числе задачи компьютеризации интеллектуальной деятельности человека (интеллекта). Постановка и решение этой задачи в наших исследованиях регламентируются авторской диалектической *концепцией компьютеризации интеллектуальной деятельности человека*, или *концепцией кибер интеллекта*¹, о смысле и базовых положениях которой речь пойдет далее².

¹ В современной диалектике при моделировании, алгоритмизации и компьютеризации аспектов и форматов диалектического познания и (ментальных) образов субъективного духа (человека) преднамеренно не используется термин «искусственный» — как не отражающий существо и воспроизведение человеческих состояний, способностей или возможностей, и вообще некорректный в отношении ментальных особенностей человека. Диалектиками применяется слово «кибер» (например, вместо термина «искусственный интеллект» используется термин «кибер интеллект»), прежде всего, для акцентирования отличий от объективно-научных исследований. Термин «искусственный интеллект» в современной диалектике понимается как наименование проблемы, обусловленной неопределенностью в науках о понятии «интеллект». При этом, понятие «artificial intelligence», которое должно было бы быть правильно переведено с английского языка (не как «искусственный интеллект»), в современной диалектике понимается согласно западным представлениям.

² Более подробно аспекты определения интеллекта и компьютеризации интеллектуальной деятельности человека рассматриваются на нашем сайте (см.: [3]).

В авторском понимании современной диалектической философии³ для определения интеллекта используется гегелевское учение о субъективном духе. Предпосылкой является утверждение о том, что интеллект человека «актуален в субъективном духе в “диапазоне”, начиная от мышления и до воплощения, до человеческой деятельности» [10, 210], т. е. интеллект человека определяется («проявляется») на «отрезке» от «основы» человека, от мышления, ибо «человек есть мышление, он налично сущ как мыслящий, оно есть его существование и действительность» [2, т. 5, 118], когда мышление есть еще «непредвзятое, погруженное в предмет проявление деятельности» [2, т. 3, 279], до воли, до которой «мышление само себя определяет» [2, т. 3, 280], продукт которой «становится деянием» [2, т. 3, 281]⁴.

Для понимания диалектического подхода к компьютеризации интеллекта необходимо сначала понять его опорное положение — то главное, что манифестирует интеллект, идентифицирует его (хотя и не определяет его полностью). Отметим что во многом по причине отсутствия в науках акцента именно на этом положении, в них нет подхода к пониманию и определению интеллекта. Это положение обозначим как (интеллектуальную) способность незапланированного (непредусмотренного) изменения логики (программы) деятельности человека, поскольку интеллект в большинстве случаев связывается со способностью человека самостоятельно совершать действия, которые могут существенно отличаться от заранее предположенных действий, от запланированного алгоритма действий, скажем так — от *запрограммированных действий*⁵.

При этом любого рода незапланированное изменение действий, в первую очередь, связано с прерыванием их исполнения (*в смысле программирования*: компьютерной программы) и с переходом к нерегламентированному действию (установке, команде), которое надо отдельно осмыслить, сформулировать и осуществить. Таким образом, сутью

³ Ее основы изложены в ряде наших статей, например, в журнале «Философские исследования» с 2002 по 2008 гг., а также рассматриваются на нашем сайте (см.: [3]).

⁴ Отдельно отметим, что завершающей ступенью развития мышления является разум [2, т. 3, 279], это положение будет предельно важным для дальнейшего изложения.

⁵ Отдельно отметим, что, в общем случае, в диалектике программа понимается как план диалектических исследований, как компьютерная программа или как традиционная компьютерная программа.

проблемы является возможность изменения порядка действий (программы) в ходе их исполнения.

В понятиях диалектики, согласно труду Гегеля «Наука логики», такого рода феномены — процесс (деятельность) и его изменение — связаны, обуславливая *причину*, вызывающую *действие*, в том числе изменение (программы). Следует учитывать, что, в отличие от неживой природы (и традиционной компьютерной программы), духу (человеку) свойственно «не допускать продолжения в нем какой-либо причины, а, наоборот, прерывать и преобразовывать ее» [2, т. 5, 680]. Это положение, важнейшее для компьютеризации интеллектуальной деятельности человека, для создания кибер интеллекта, не может быть получено и осмыслено в науках, не имеющих требуемых для этого инструментов познания и, в первую очередь, разделяющих единство причины и действия, не оперирующих понятием действительности (см. далее).

Иными словами, в Духе, в его единстве, в силу причины преобразовано может быть то, что было заранее запланировано и как бы запрограммировано то, что ранее было неизбежно, и, по меньшей мере, именно это должно быть присуще компьютерной реализации интеллекта; это — наиважнейшая характеристика, которой должно быть уделено первостепенное внимание при компьютеризации интеллектуальной деятельности человека (но в науках и информационных технологиях этому уделяется недостаточное внимание, особенно в логическом плане).

Руководствуясь гегелевским учением о сущности, мы понимаем реализацию причины на основе *необходимости*, которая «в себе есть единая, тождественная с собою, но полная содержания сущность, которая так отражается внутри себя, что ее различия принимают форму самостоятельных реальностей» [2, т. 1, 251]. Выделим, что «то, что необходимо, существует через некоторое другое, которое распалось на опосредствующее основание (предмет и деятельность) и на некую непосредственную действительность, на случайное, которое вместе с тем есть условие» [2, т. 1, 252]. То есть ситуация обуславливает выбор варианта продолжения (программы) действий. Иными словами, вопрос сводится к тому, что обусловленное (причиной, задумкой, проектом, требованием и т. д.) содержание (программа) рассматривается как действующее (исполняемое) в данных, непосредственных условиях. Тогда поставленная задача сводится к известному из труда Гегеля «Наука логики» *процессу действительности*, к реализации «условий, а именно рефлексии условий внутрь себя и снятие ими самих себя» [2, т. 1, 246].

Можно сказать и по-другому. В смысле момента действительности — возможности — актуален альтернативный вариант развития со-

бытий: «согласно формальной возможности, если какое-нибудь нечто было возможно, то в силу этого было возможно также и не оно само, а его другое» [2, т. 5, 662]. Это на первый взгляд и так понятно (человек может принять противоположное решение), но в учении Гегеля оно принципиально логично и сущностно объективно, поэтому оно возможно не только субъективно, но и объективно — через изменение логики содержания (программы) в силу противоречия. Таким образом, речь уже идет об условии и обоснованном (*здесь*: альтернативный вариант действий).

В функциональном смысле для рассматриваемого вопроса актуальны следующие позиции гегелевского учения о сущности:

1) в сочетании определений (*в программировании*: данных) и условий их изменения (*в программировании*: команд) должны учитываться: а) позиции *формы*, которая дает, как показал Гегель, понимание сочетания мышления (метода, программы) и содержания (определений, данных), б) требуемые для их реализации *единства*, одним из которых является необходимое для формирования содержания *трансцендентальное единство апперцепции*, раскрытое в труде Канта «Критика чистого разума» [6], а другим — необходимое для осуществления развития содержания *единство формы*, раскрытое в труде Гегеля «Наука логики» [2, т. 5]⁶;

2) через основание можно реализовать некоторое *другое* (продолжение), что возможно осуществить путем изменения логики содержания (программы) через его форму в силу противоречия;

3) необходимо учитывать противоречие, которое есть «корень всякого движения и жизненности»: именно оно является источником изменения (развития) содержания (программы);

Развитие (в том числе изменение) содержания (программы) понимается следующим образом: «на основании гегелевского учения о сущности, в смысле конкретных логических функционалов, можно говорить о соответствующих его логике метаморфозах определений (содержаний), о *потоках определений* (об изменяемых данных), при-

⁶ Как мы уже отмечали в ряде работ, категория «единство» в науках корректно не определена. Так, например, в «Новой философской энциклопедии» [4] авторы ограничились указанием только на то, что эта категория является одним из фундаментальных понятий философии и математики и привели большой набор определений. Однако любые «определения» единства не только обобщены и неконкретны, но и даются через некорректно определенные термины (например, такие, как «целое») или даже через неопределенные термины (например, такие, как «бесконечность»).

чем, что в данном случае важно, безотносительно к алгоритму (программы) как о совокупности логических функционалов, о системе потоков определений (о различных содержаниях или мыслительных процессах) и о едином потоке определений, который является известным в диалектике феноменом в плане *процесса действительности*» [10, 211—212]. Самым важным является то, что поток определений «не имеет ограничений со стороны некоей априори заданной логики исполнения (в программировании — субъективный алгоритм программы), хотя и зависит от внешних условий» [10, 212].

Если рассматривать сказанное в смысле программирования (определения — как данные, а условия их изменения — как команды), то обозначенные диалектические положения вырождаются в материальное, по своей сути, *изменение электронного состояния памяти компьютера*: потоки определений — в чередование *экземпляров* (программы), в работу программы. Это чрезвычайно важное положение, которое не только упущено в науках и программировании, но и вряд ли может быть надлежащим образом осознано в них в силу отсутствия требуемых для этого инструментов и ряда негативов (см. далее). Иными словами, *потоки определений в формальном смысле есть поток экземпляров программы*, ее исполнение. При этом обозначенные выше форма и единство для мыслимого содержания важны для компьютерной программы тем, что ее исполнение выражается в частности в изменении электронного состояния памяти компьютера, в чередовании экземпляров программы, в реализации ее логики. Потоки определений и смена состояний (экземпляров) программы в диалектике (потока действительности) тождественны! То есть *поток (изменение) электрических потенциалов (поток определений)*, или *компьютерная программа, имеет логику* (программа логична).

Сделанное утверждение — на первый взгляд, простое и очевидное, однако оно имманентно сказанному выше и указывает на реальность процесса действительности, что крайне важно, ибо, во-первых, базируется на определенных логических принципах, которые как раз и следует использовать при компьютеризации интеллекта (по крайней мере, при создании кибер интеллекта). Во-вторых, означает, что феномен чередования состояний (экземпляров) компьютерной программы соответствует ее осуществлению (развитию), т. е. содержит в себе противоречие строгого регламента программы и спонтанных изменений, определяемых созданием новых типов переменных, операций и т. д. В-третьих, сделанное утверждение соответствует тому, что программа основывается на идее, включает ее и т. п., т. е. должна пониматься на основе *логической идеи* с учетом логических принципов, обозначенных

Гегелем в его труде «Наука логики» (что важно при определении программы, см. далее).

Требуемая для изменения содержания (программы) его вариация объективна и обеспечивается в логической плоскости за счет упомянутого ранее противоречия. Это положение не очевидно для наук, прежде всего, для традиционной логики, или логики рассудка (которая парадоксальна и несовершенна, и чье содержание Гегель раскритиковал и даже удостоил *презрения* [2, т. 5, 30], также см. далее), априори применяющую формы мышления к наличным объектам, независимым от нее, однако, «откуда получают эти объекты и что такое вообще мысль об объективности, — об этом ничего не сообщает логика рассудка» [2, т. 1, 300]. Иными словами, традиционная логика в частности и науки в целом не могут акцентировать, обосновать и применить нужные для обработки содержания (для *программирования*: данных) и совокупные с ними (в процессе действительности) понятия, такие как: причинность, поток определений, противоречие, условия и др., которые применяются в диалектике⁷.

В акцентированном ранее утверждении о том, что *компьютерная программа имеет логику*, понятие программы в современной диалектике концептуально определяется в соответствии с рассмотренным Гегелем развитием метода в систему [2, т. 6, 313], но не извне (программистом), а исходя из содержания (задачи) и развития. «По существу понятие программы осмысливается, исходя из развития *логической идеи* (определенной в философии Гегеля), в силу чего за основополагающие положения принимаются присущность программе (в том числе и компьютерной программе) логики (проекция логической идеи)...» [12, 96]. При этом речь следует вести о метаморфозах «систем определений и инструментов, в свою очередь которые могут пониматься не только как структуры данных, операций и некоторых логических по-

⁷ Указанные соображения согласуются с ранее осуществленными нами рассуждениями о программе, в ходе которых было получено ее диалектическое осмысление. Действительно, «с учетом понимания противоречия и того, что в программе исследований (и в компьютерной программе) реализуется логика, отражающая содержание решаемой задачи, обнаруживается основа понимания и определения программы, исходя из обуславливающих ее содержание и процесс факторов, а не как в науках и программировании — на основе отдельных, зачастую противоречащих друг другу субъективных мнений разных специалистов» [12, 97].

строений и конфигураций и как отдельные логики, но и в смысле единства (логики) как диалектическая система логик» [9, 208]⁸.

Таким образом, диалектическое определение программы, реализация которой в современной диалектике понимается через противоречие, потоки определений и систему логик (обозначенную в [9]), существенно отличается от представлений, имеющихся в науках и программировании и сводящихся, по сути, к работе процессора на основе *последовательности команд*⁹, причем как реализации всего лишь субъективных мнений программистов — т. е. мнений, формализованных в виде текста компьютерной программы¹⁰.

Диалектическое понимание программы завершает совокупность представлений о формировании кибер интеллекта, которые далее, на следующем круге, раскрываются в алгоритмических позициях и в вариантах организации программных форматов (в том числе по видам реализации [10, 215—216]). При этом относительно идеи, акцентированной нами при определении программы, следует отдельно отметить, что, согласно Гегелю, при противопоставлении сознания внешнему объекту в качестве идеи выступает разум [2, т. 3, 228], который является завершающей ступенью развития мышления (о чем было сказано при обсуждении позиционирования понятия интеллекта в современной диалектике). Только диалектическое понимание программы охватывает

⁸ Определенные возможности реализации изменения программы в ходе ее исполнения в программировании известны: например, рефлексивно-ориентированное программирование, которое имеет возможность динамической модификации программы (см., напр.: [16]).

⁹ Отдельно отметим, что, в отличие от последовательности команд, акцентированная «возможность реализации одновременно или попеременно нескольких различных логик приводит к пониманию качественно новых вычислительных процессов, и это актуально для разработки новых по своему существу <...> архитектур компьютеров» [9, 209].

¹⁰ В целом при рассуждениях о компьютеризации интеллектуальной деятельности человека речь должна идти об обозначенных ранее возможностях, частично уже рассмотренных нами: «о метаморфозах определений, операций и содержаний (включая их логику), в том числе о возможностях формирования и развертывания в процессе познания (исполнения программы), не заложенных непосредственно в алгоритме познания (работы программы), т. е. не следующих непосредственно из него: а) определений, в том числе не выводимых объективно-научным (прежде всего, аналитическим) путем из имеющихся определений (в качестве примера можно привести кантовские *априорные синтетические суждения*), б) операций (программных кодов) и в) совокупностей определений и операций — *логических функционалов и порождающих логических функционалов*» [10, 213].

понятие разума, т. е. *диалектически организуемая программа имеет возможность реализовывать интеллект*, чего нельзя сказать в отношении программы, понимаемой обычным образом.

Обобщая изложенное, следует отметить, что указанные концептуальные, диалектические и прикладные положения, необходимые для понимания интеллекта, программы, компьютеризации интеллекта, их существа и функционирования, почему-то упорно игнорируются учеными и программистами, в силу чего, на наш взгляд, в науках до сих пор не выявлен ряд фундаментальных принципов, ведущих к пониманию и определению интеллекта и программы, к компьютеризации интеллекта и к качественному развитию программирования.

Это может объясняться рядом причин, из которых укажем четыре, актуальные для настоящей статьи. Во-первых, в науках, как было показано ранее, нет определения ни интеллекта, ни искусственного интеллекта, так что не понятно, как в такой ситуации можно создавать последний. При этом нельзя сказать, что и термин «artificial intelligence» достаточно определен, ибо при его определении было указано, что *нельзя установить, какие вычислительные процедуры могут быть названы интеллектуальными* [17]. Интересен и такой факт, показывающий непонимание нюансов интеллекта в науках: немецкий термин «intelligenz», который Гегель применил в своем учении о субъективном духе и который достаточно близок английскому слову «intelligence» (правда, имеет качественное, более фундаментальное значение), на русский язык был переведен как... «интеллигенция» (см., напр.: [2, т. 3, 239]). Однако, на наш взгляд, следовало бы найти специальное слово, желательно, отражающее то, о чем писал Гегель, и тогда, возможно, в науках было бы хотя бы общее понимание того, *что* в качестве интеллекта подлежит компьютеризации. (В современной диалектической философии используется особое слово для перевода «intelligenz», характерная черта которого имманентно подразумевалась в приведенных нами рассуждениях.) Во-вторых, в науках, как бы странно это ни звучало, нет корректного однозначного определения компьютерной программы — инструмента, с помощью которого должен создаваться искусственный интеллект. Дело в том, что обычно компьютерная программа понимается согласно международному стандарту ISO/IEC/IEEE 24765:2010, как сочетание компьютерных инструкций и данных, позволяющих компьютеру выполнять вычислительные или контрольные функции. Но она может пониматься и как «данные, предназначенные для управления конкретными компонентами системы обработки информации» [15, 3], и как «инструкция, точное описание способа действия с использованием простых, общепонятных элементов»

[13]. Вообще, имеется множество пониманий и определений программы, что говорит о том, что нет единого определения, которое признано всеми, т. е. нет однозначного корректного определения. Но главное то, что все они описывают всего лишь внешние характеристики программы: какая она и что должна делать, — но не то, *что* она из себя представляет по своей сути. Ни одно ее определение не описывает качество — то, *что* она представляет собою по существу. Слова «сочетание компьютерных инструкций и данных» и т. п. не раскрывают: а) существо программы (не говоря уже об ее истине), они дают лишь ее внешнее описание (имманентно подразумевающее понятие алгоритма, которое также не определено и поэтому понимается интуитивно, всеми по-разному), б) причину (возможность) того, *почему* программа может реализовывать искусственный интеллект (какими она обладает для этого возможностями). Так что с помощью *чего* в науках будет создаваться искусственный интеллект, сказать однозначно нельзя, что еще больше усугубляет ситуацию с ним...

Но что говорить о программе, если даже *данные* в информационных технологиях не имеют однозначного определения! Например, в ГОСТ 33707-2016 данные определяются через «предоставление информации в формальном виде, пригодном для передачи, интерпретации или обработки людьми или компьютерами», а информация (в области обработки информации) — как «любые данные, предоставленные в электронной форме, написанные на бумаге...»! Иными словами, в науках и информационных технологиях нет конкретного определения данных, в частности, они определяются через информацию, а она — через них, и при этом они могут подразумевать все что угодно, что передается и обрабатывается любым образом¹¹... Из чего выходит, что программа и данные — понятия, не определенные в науках и информационных технологиях однозначно и корректно, а толкуемые ситуативно, каждым специалистом по-своему. Однако, с нашей точки зрения,

¹¹ В современной диалектике вопросу изучения данных пришлось уделить особое внимание (см: [3]), причем в диалектическом ракурсе был установлен переход к их обработке, к *методам*, затем к *модели*, а затем к новому понятию *информационных технологий*, от которых, в свою очередь, осуществляется переход а) к диалектической *информационно-логической парадигме*, на базе которой будут формироваться диалектические предметные технологии, б) к киберинтеллекту и в) к вопросам развития информатики. При этом данные в современной диалектике теперь уже понимаются не только как сведения об объекте, но и как диалектическая категория, позволяющая осуществлять познание.

эти понятия (термины) *должны были бы быть определены*, в том числе в целях создания искусственного интеллекта.

В-третьих, науки, базирующиеся на общеизвестной, традиционной логике (которая в свое время была Кантом названа *общей логикой* и тотально раскритикована, а Гегелем — *обыкновенной логикой*, чье содержание, как уже говорилось, вообще было удостоено *презрением*), в принципе не могут допустить (например, в силу до сих пор используемого в науках *закона противоречия* [5, 59], раскритикованного Гегелем) одновременного существования безусловно альтернативных утверждений (продолжений программы), которые могут возникнуть в ходе исполнения программы, например, как реакция на непредусмотренную ситуацию (это не ситуация выбора из двух идеальных, предусмотренных, гипотетических вариантов — выбора, регламентируемого программными операторами, например, такими, как «если-иначе»).

В-четвертых, науки в силу своей материалистической ограниченности не в состоянии использовать диалектические категории и операции (в том числе требуемые для исследования интеллекта и его компьютеризации, да еще на основе нового определения программы), и не только по причине ничтожности ряда их логических законов, раскритикованных Гегелем в его труде «Наука логики». В науках до сих пор а) не определено суждение [11], которое необходимо и для выстраивания логических цепочек (в том числе программ), и для формирования умозаключений в целях последующего формирования *обоснованных выводов* и принятия решений, и б) имеется сумбурное многообразие мнений, которые как раз и мешают логическому осознанию интеллекта и его компьютеризации (также см., напр.: [1; 9]). Более того, в некоторых странах до сих пор процветают старые, ошибочные стереотипы мышления, например, несуществующие «законы» Энгельса (известные как «законы диалектики»), которых нет [8], которые он выдумал и из-за невозможности их доказательства указал, что якобы «все эти три закона были развиты Гегелем» [7, 384], но ни Энгельс, ни кто-либо другой соответствующих ссылок на труды великого философа не привел...

Таким образом, можно сделать вывод о том, что компьютеризация интеллектуальной деятельности человека невозможна на основе *обычного программирования*, способного на реализацию лишь вычислительной возможности *формально-логичного* рассуждения, но не способного реализовывать требуемые, указанные выше и другие операции, осмысленные в диалектике. А, в целом, *компьютеризация интеллектуальной деятельности человека вряд ли возможна на основе научного познания, его материалистических ограничений и догм*, в том числе

потому, что в науках нет надлежащих логических оснований и инструментов, нет понимания и определения интеллекта, не акцентированы требования к его компьютеризации — имеются лишь представления о характеристиках интеллекта, которые формально переносятся на версии его разнообразных компьютерных реализаций.

Однако компьютерная реализация интеллекта понятна, если, как было показано ранее, рассуждения проводить на основе гегелевского учения о сущности и использовать спекулятивную логику, *удерживающую* различные, в том числе противоположные, утверждения, что и требуется для осуществления компьютеризации интеллектуальной деятельности человека, которая в основе своей выражается в *базовых положениях диалектической концепции кибер интеллекта*:

1) для определения интеллекта в современной диалектической философии используется гегелевское учение о субъективном духе, и опорным положением (тем, что идентифицирует интеллект и его проявления) является функция незапланированного изменения (программы) действий (для компьютерной программы — изменение в ходе ее исполнения);

2) раскрытие интеллекта и концепции кибер интеллекта осуществляется на основе труда Гегеля «Наука логики» и его развития в современной диалектике (в том числе в рамках нашего проекта «Наука логики — 2»), прежде всего с учетом акцентированной нами диалектической системы логики;

3) рассматривается возможность реализации базового положения: в духе может быть преобразовано то, что было заранее запланировано (запрограммировано), и, по меньшей мере, именно это должно быть присуще компьютерной реализации интеллекта, что возможно осуществить путем изменения (системы) логики содержания (программы) через его основание за счет реализации противоречия между текущим состоянием (программы) и другим, новым;

4) рассматриваемая проблема исследуется на основе гегелевского учения о сущности;

5) развитие программы, смена ее состояний, понимается как поток определений (в процессе действительности), которые, как и их изменение, в том числе образование новых, рассматриваются с учетом противоречия в системе логик;

6) речь идет о диалектически понимаемой программе, причем рассматриваемой с учетом а) процесса действительности, необходимо осуществляемого в силу причинности (алгоритма программы), б) нового понимания и определения программы, исходя из обуславливающих ее содержания и процесса, исходя из развития *логической идеи*.

Именно поэтому речь следует вести о по-новому понимаемой программе и о ее применении.

Еще раз отдельно отметим, что в качестве основы и методики исследований следует использовать логику согласно труду Гегеля «Наука логики», а не существующую традиционную логику.

Указанные положения фактически являются также основами системно-структурного и методологического обеспечения (формирования) логической основы и программного обеспечения кибер интеллекта, по крайней мере, в современной диалектике.

Литература

1. Быковский И.А. Философские аспекты проблем создания искусственного интеллекта: Дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2003.
2. Гегель Г.В.Ф. Соч.: в 14 т / Под ред. А. Деборина, Д. Рязанова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929.
3. Диалектика. Диалектическая философия и диалектические науки: URL.: <https://dialectics.ru/1698.html> (дата обращения: 14.01.2022).
4. Единство // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010.
5. Ивин А.А. Логика: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Издательство Оникс, Мир и Образование, 2008.
6. Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М.: ЧОРО, 1994.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 30 т. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961.
8. Молчанов К.В. «Законы диалектики» — не законы диалектики, и некоторые актуальные положения // Философия хозяйства. 2013. № 6. С. 155—168.
9. Молчанов К.В. Кантианская, гегелевская и современная диалектики и программирование: диалектическая система логик, развитие логики и особые форматы современного диалектического познания // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 196—213.
10. Молчанов К.В. Неопределенность интеллекта и искусственного интеллекта в науках и целевая детерминация интеллекта и кибер интеллекта в современной диалектике // Философия хозяйства. 2020. № 2. С. 201—218.
11. Молчанов К.В. О некоторых из проблем научного понимания и определения суждения // Философия хозяйства. 2016. № 2. С. 144—152.
12. Молчанов К.В. О некоторых функциональных положениях интеллектуально-алгоритмической интенсификации познания // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 86—100.

13. Программа компьютерная // Большая российская энциклопедия: В 35 т. Т. 27 / Под ред. Ю. Осипова. М.: Большая российская энциклопедия, 2014.
14. *Пушкарев А.В.* Философские основания искусственного интеллекта. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Башкирский государственный университет, 2017.
15. *Фельдман С.К.* Системное программирование. Полный курс лекций с теоретическими материалами и лабораторными работами. М.: Альянс-пресс, 2003.
16. *Шилдт Г.* С# 4.0: полное руководство / Пер. с англ. И. Берштейна. М.: И.Д. Вильямс, 2011.
17. *McCarthy J.* What is artificial intelligence?: URL.: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (дата обращения: 14.01.2022).

Reference

1. *Bykovskij I.A.* Filosofskie aspekty problem sozdaniya iskusstvennogo intellekta: Dis. ... kand. filos. nauk. Saratov, 2003.
2. *Gegel' G.V.F.* Soch.: V 14 t / Pod red. A. Deborina, D. Ryazanova. M.; L.: Gos. izd-vo, 1929.
3. Dialektika. Dialekticheskaya filosofiya i dialekticheskie nauki: URL.: <https://dialectics.ru/1698.html> (data obrashcheniya: 14.01.2022).
4. *Edinstvo* // Novaya filosofskaya enciklopediya: V 4 t. T. 2. 2-e izd., ispr. i dopol. M.: Mysl', 2010.
5. *Ivin A.A.* Logika: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M.: Izdatel'stvo Oniks, Mir i Obrazovanie, 2008.
6. *Kant I.* Sobr. soch.: V 8 t. T. 3. M.: CHORO, 1994.
7. *Marks K., Engel's F.* Soch.: V 30 t. T. 20. M.: Gospolitizdat, 1961.
8. *Molchanov K.V.* «Zakony dialektiki» — ne zakony dialektiki, i nekotorye aktual'nye polozheniya // Filosofiya hozyajstva. 2013. № 6. S. 155—168.
9. *Molchanov K.V.* Kantianskaya, gegelevskaya i sovremennaya dialektiki i programmirovaniye: dialekticheskaya sistema logik, razvitiye logiki i osobye formaty sovremennogo dialekticheskogo poznaniya // Filosofiya hozyajstva. 2020. № 1. S. 196—213.
10. *Molchanov K.V.* Neopredelennost' intellekta i iskusstvennogo intellekta v naukah i celevaya determinaciya intellekta i kiber intellekta v sovremennoj dialektike // Filosofiya hozyajstva. 2020. № 2. S. 201—218.
11. *Molchanov K.V.* O nekotoryh iz problem nauchnogo ponimaniya i opredeleniya suzhdeniya // Filosofiya hozyajstva. 2016. № 2. S. 144—152.

12. *Molchanov K.V.* O nekotoryh funkcional'nyh polozheniyah intellektual'no-algoritmicheskoy intensivizatsii poznaniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 1. S. 86—100.

13. *Programma komp'yuternaya* // *Bol'shaya russijskaya enciklopediya*: V 35 t. T. 27 / Pod red. YU. Osipova. M.: Bol'shaya russijskaya enciklopediya, 2014.

14. *Pushkarev A.B.* Filosofskie osnovaniya iskusstvennogo intellekta. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2017.

15. *Fel'dman S.K.* Sistemnoe programmirovaniye. Polnyj kurs lekcij s teoreticheskimi materialami i laboratornymi rabotami. M.: Al'yans-press, 2003.

16. *SHildt G.* C# 4.0: polnoe rukovodstvo / Per. s angl. I. Bershtejna. M.: I.D. Vil'yams, 2011.

В.А. КОН

Русская философия как предмет рецепции русской интеллигенции в XIX—XX вв.*

Аннотация. Актуальность темы статьи определена задачей рассмотреть восприятие русской философии в России писателями, художниками и поэтами. В основе исследования лежит триединство путей — богоборчество, богоподобие и со-творчество. В статье использованы язык прямой речи, повествовательные формы изложения, а также диалог и метафоры. Эта работа сделана по принципу картин русских классиков живописи, где центр композиции выписан предельно точно, а второстепенные детали только обозначены намеками, в отличие от фламандской живописи. В работе подчеркиваются характерный стиль и особенность русской мысли: централизованный смысл, доминирование содержания над формой. Данное исследование позволяет восстановить цели и задачи русской философии, а также реконструировать характерные особенности русской мысли.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кон В.А. Русская философия как предмет рецепции русской интеллигенции в XIX—XX вв. // *Философия хозяйства*. 2022. № 2. С. 195—206.

Ключевые слова: чувственный образ, спонтанность, поэтизация, божественное присутствие, живописный метод, самобытность, уникальность.

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the task: to explore the perception of Russian philosophy in Russia by writers, artists and poets. The study is based on the trinity of paths — God-fighting, God-likeness and Co-creation. The article uses the language of direct speech, narrative forms of presentation, as well as dialogue and metaphors. This work is made according to the principle of paintings by Russian classics of painting, where the center of the composition is written out with the utmost precision, and secondary details are only indicated by hints, in contrast to Flemish painting. The work emphasizes the characteristic style and peculiarity of Russian thought: a centered meaning, the dominance of content over form. This study allows you to restore the goals and objectives of Russian philosophy, and also allows you to reconstruct the characteristic features of Russian thought.

Keywords: sensual image, spontaneity, poetization, divine presence, pictorial method, originality, uniqueness.

УДК 12
ББК 87.6

Путь русской мысли

Русская философия возникла как подражание западной, благодаря которой внутри нее родилось собственное оригинальное мышление о душе. Ее истоки — как грезы и воображения — являются зарождением духовного начала в противовес западной мысли о рациональности познания и управлении миром — господстве человека Нового времени. Русская душа явилась для раскрытия божественной сущности с целью мирового преображения и возвращения союза между человеком и Богом.

Русская философия не ищет ответ на вопрос: что такое душа? Душа — это не чувства. Ее нельзя сравнивать с чувствами, которые можно постигать, но они похожи. Чувства имеют индивидуальный характер и персонализируются в западном сознании в формате личных мироощущений. В западном сознании они соединяют бессознательное человека напрямую с единым сознанием (Словом) Бога [19, 60]. Душа в русской философии не имеет индивидуальных черт, это явление внутри человека как образ Спасения, данный свыше.

Почему в России возникли определения: «невозможно понять душу» [9, 107—108] и «можно только верить» [15, 256]? Потому что душа для русского человека — это не исследование природы Ф. Бэкона «новым человеком» [3, 348—349], а диалог с ее создателем: диалог с самими собой, с близким, совестью, народом, Богом как Высшим существом, Богом как имеющим человеческий образ, явившим себя в своем сыне Иисусе Христе (Мф. 2:15). Душа — это сакральный диалог, неисповедимый, сугубо личностный и интимный, непостижимый в своем содержании и форме. Диалог, задающий вопросы, воспринимающий, договаривающийся. Так возникли три пути развития русской философии: богоподобие — В. Соловьев, Ф. Достоевский, П. Флоренский, богоборчество — Н. Бердяев, А. Чехов, Л. Шестов и *со-творчество* — Н. Федоров, А. Ахматова, В. Розанов.

Истоки этого диалога раскрываются в русской мифологии. Сказ о русском богатыре, который подошел к камню, а на камне было написано: «Пойдешь *налево* — обретешь себя и придешь в *никуда*. Будет небытие. В борьбе за себя потеряешь все силы, и ничто тебе их не восстановит. Пойдешь *направо* — обретешь поэзию, мягкость, воодушевление, любовь и мир, утешение и наследие, спокойствие и радость. Вернешься в Дом. Будет счастье. Пойдешь *прямо* <...> будет качать из стороны в сторону, будешь разрываться и соединяться, будешь терять и находить, проживешь жизнь, полную открытий и познаний, создашь мост между небытием и Жизнью. По нему пойдут отчужденные к спасению, будешь паромщиком. Заслужишь уважение тяжелым трудом и глубоким пониманием боли и радости».

Схематизируем сказанное (см. табл. 1).

Таблица 1

Три пути русской философии

Назначение	Цель		
	Богоборчество	Со-творчество	Богоподобие
По действию	Противление	Колебания	Смирение
	Отстранение	Отступление	Приближение
По форме	Новаторство	Со-размерность	Повторение
По языку	Прогресс	Современность	Традиции
Конструкция	Распад	Процесс	Единство

Продолжение табл. 1

Психология	Сознание	Чувство	Бессозна- тельное
	Чувственное	*	Бесчувствен- ное
	Органическое	*	Неоргани- ческое
	Бытие	*	Небытие
	Жизнь	*	Смерть
Социальность	Подростковое сопротивле- ние	*	Зрелое еди- нение
Метод выска- зывания	Конфликт	Диалог	Созвучие
	Драма	Проза	Поэма
	Индивидуали- зация	Личность	Общность
	Модернизм	Ренессанс	Классицизм
	Конкуренция	Предпринима- тельство	Солидарность
	Война	Союз	Мир
	Мужское		Женское
	Проза	Драма	Поэзия
	Трезвый реа- лизм с обострением	*	Воодушевле- ние со смягчени- ем
	Острота со- временности	*	Терпимость вечного
	Возбуждение	Подъем	Вдохновение
	Страдания	*	Утешение
	Трагедия	*	Оптимизм
	Отчаяние	*	Надежда
	Секс	*	Любовь
	Человекопо- добие Бога	Со-творчество	Богopodobие человечества

Примечание: * — пустые ячейки читающий может заполнить самостоятельно (со-творчество).

Источник: составлено автором.

Итак, мы видим: идущий налево обретает свободу от правил, самостоятельность. Здесь следует вспомнить притчу Христа о потере талантов, данных Отцом (Мф. 25:14—30), в земле, т. е. в земном, т. е. в смертном, т. е. в самом себе и для себя.

Средний путь — это основной путь в драматургии и изобразительном искусстве России, где соединяются человек и Бог: образ Христа, примиряющего человечество с Богом и восстанавливающего договор с Богом, утерянный во времени. Христос здесь мыслится как спаситель через союз человека и Бога, потому как человекобожие есть образ единения. И здесь механизм Творца и его творения в едином акте *со-творчества* создают бытие, не оторванное друг от друга, а совместное. Образ Царства Божьего «на земле, как и на небесах» есть акт взаимодействия. Человек как творение постигает Творца для понимания Его воли как идеальной формы, привносит в этот союз от себя земные вопросы и достижения как дары, таланты «умноженные». Вспомним здесь притчу Христа о возвращении талантов (Мф. 25:14—30). Акт воздаяния за «милость» Отца.

Правый путь — путь уподобления Божьему, конечные цели которого — «ангелоподобие» и присоединение — растворение в Божестве. Здесь утверждается абсолютная Вера (замен религии) в определение «Бог — Любовь». Бог понимается как абсолютная благодать. Здесь для нас важной представляется притча Христа об умножении талантов, данных человеку, и умножении силы Творца (Мф. 25:14—30).

Отступление для взгляда

Рассмотрим характерные признаки в искусстве: *богоборчество* — упор на современность, на свободу высказывания, права человека, образ нового человека — прогрессивного человека, нового общества — прогрессивного общества, новых знаний — прогрессивных знаний, радикальная индивидуализация и, как результат — расщепленность сознания и бытия на элементы единой цепи, связанные между собой незримым и анонимным руководством [18, 63—67]. Концентрация на удовлетворении человека и его потребностей понимается как компенсация потерянности в абсурде сознания и бытия современности. Все вращается вокруг человека, и это дает стимул жить. Характерные черты: приписывание человеку личной воли, сознания и ответственности, а также замена совести на личную ответственность.

Самое малое — человек рассматривается как ценность, отличная от других и близкая к «создающему» — человек создан человеком. Проще говоря, человек рассматривается как обособленное существо, свободное от окружающего мира, поэтому создает все по своему образу подобию, отрицаются власть Бога и с ней — централизация власти в государстве, утверждается власть каждого человека. Мы считаем, что таким образом возникает борьба за власть некоторых, у кого есть к этому влечение. В этой борьбе нет победителей, и полное уничтожение неизбежно [11, 256—265]. Для преодоления трагедии человек сдерживается и муштруется смирительной рубашкой и розгами этики [7, 30—33], но подавленные эмоции вырываются наружу и создают аффекты разрушительного характера [17, 166—167]. Этика изменяется из поколения в поколение согласно волновой системе, в виду необходимости решения вопросов современности (адаптация нравственных норм под запросы общества и времени).

Цель пути русской мысли

Богоподобие — преодоление человеческого эго и соединение души с бессмертием. Основная цель — создание Града Небесного. Человек как малое требует присоединения к *большому*, через преодоление исключительности и определения. Это путь *возвращения* к состоянию Сына Божьего, первичного Адама, путь, который рассматривается как часть от *целого*, где последнему выделяется особая роль организации окружающего мира. Проявляется он в языке примитивного искусства, наивного и упрощенного [16, 7—8], где используется прием непосредственного восприятия и психологического настроя на освобождение от научного, «псевдовзрослого», в котором видятся гордыня и самонадеянность человека. Это своего рода *преодоление* через уменьшение себя в покаянии, или принятии в себе Бога как родителя и Творца, как уменьшение себя до ребенка, до малой «великости», до незнания о великом и утверждения «все в руках Бога». Данный метод в России широко распространился в народном искусстве, причем характерном не только принижением себя и других — сатира, скоморошество, Петрушка [2, 2—3], но и созданием героических персонажей, обожествлением царей и руководителей, переносом на них ответственности и воли, в отличие от древнегреческой комедии, построенной на осмеянии богов и управленцев. Этот — особенный — путь русского народного творчества ориентирован на воодушевление и поэтику слога во имя создания

иного мира, лучшего мира «над» и уничтожения «под», т. е. идея греховности и праведности стоит остро в контексте глубокой исторической идеи о святости Руси, где святость определялась как праведность и воодушевленность. Не возвышением и возвеличиванием, а именно воодушевлением — это драматургия по горизонтали и равная с человеком, но не уравнивающая — Бог приходит к человеку, но он остается Богом, а не человеком. Здесь есть богатырь как образ Бога — Спаситель, выходящий из народа, он все равно остается «не над», а с нами, но не среди нас.

Исключительное право богочеловека — быть избранным на спасение людей — определяется избранием самого Бога из людей и освещением Свыше, или, точнее, освещением Свыше и принятием его людьми. Отсюда периодически возникали как герои, так и псевдогерои самозванцы, которые нарекали себя «Спасителями», и народ за ними шел, но разоблачение проявлялось при обретении трона, власти и удаленности от народа [12, 29—152]. Народ, теряя с ними связь, переставал воспринимать их как спасителей, и диктующие установки «героев», не спасающие людей, уже становились для него чуждыми и нечеловечными, а значит, и не божественными. Иначе говоря, образ Бога в человеке — очень важная конструкция, создающая в русской культуре как героев, спасающих народ, так и лжецов, подавляющих народ. Оценка со стороны народного сознания определялась молвой, слухами, обсуждениями. Коллективное сознание выносило вердикт: с народом герой или без. Так и в искусстве: доступность в понимании определяла его принятие, отчужденность — отторжение.

А человек во Христе преображается и обретает другую сущность — ключевой лозунг русского искусства, т. е. главное действие — преображение человека, государства, культуры, бытия.

Мы можем увидеть в работах русских живописцев XIX—XX вв. выражение мифологической, притчево-реалистической и импрессионно-реалистической линии взгляда на Образ Преображения. Так, мы видим это в картинах М. Врубеля (например, «Царевна-Лебедь» (1900)), М. Нестерова (например, «Юность преподобного Сергия» (1897)), А. Архипова (например, «В гостях (Весенний праздник)» (1915)).

Отсюда и идея возвращения к истокам, т. е. к детству, т. е. к Адаму — т. е. восстановление предназначения человека на земле и определению того, что человечество пошло не тем путем, строит «неправильный» мир и находится в «лапах зверя». Единственная

возможность все исправить — вернуться «в начало начал» — под руководство Всевышнего — и стать тем, кем был в начале, развивать данное Богом предназначение, а не следовать закону выживания одинокого человечества или — еще хуже — отдать себя под власть противника Бога.

Отсюда, сторонники «богоподобия» воспринимают человечество как грешное и погибающее и всех, кто несет на себе идеи индивидуализма и «умствования» относят к числу павших. А те, кто принимает идею *соразмерности* сотворчества с Богом, рассматриваются как колеблющиеся и терзаемые сомнениями между «гордыней и смирением».

Первичный узнаваемый сигнал к «тождеству» — это первичная реакция на определение «мужчина и женщина» [13, 5—8], возвышенное и низменное [10, 60—77], повлиявшее на возникновении акмеизма в поэзии с его законодателями — Н. Гумилевым и А. Ахматовой: «Сжала руки под темной вуалью... / “Отчего ты сегодня бледна?” / — Оттого, что я терпкой печалью / Напоила его допьяна. <...> / Задыхаясь, я крикнула: “Шутка / Все, что было. Уйдешь, я умру”. / Улыбнулся спокойно и жутко / И сказал мне: “Не стой на ветру”» [1, 47—48].

Средний путь — совершенствование человека через сотворчество с совершенством Бога и создание Высшей реальности на земле по Высшему подобию. Человек рассматривается как равновеликая по значению величина и создается совершенством для совершенствования через союз. Человек рассматривается как уникальное творение Творца для совместного созидания. Творчество становится основным инструментом соединения и восстановления Союза — Союза всех ипостасей бытия. Бытия, созидающего Второе Пришествие и приближающего Царство Божье на земле. Искусство становится прообразом Творчества Всевышнего. Служение искусству — *высший* долг: «Театр для актера — храм. Это святилище. Твоя жизнь, твоя честь, все принадлежит бесповоротно сцене, которой ты отдал себя. Твоя судьба зависит от этих подмостков. Относись с уважением к этому храму и заставь уважать других. Священнодействуй или убирайся вон» [6, 596].

Заключение

Культурное наследие, которое русская мысль обрела в ходе множества вливаний в нее иных традиций, развило то, что не имеет ни одна культура мира — в таком объеме заявленного *чувства эм-*

патии: сочувствия, сопереживания, солидарности, содружества. Все эти качества и расширили ее как «географические», так и ментальные границы восприятия реальности до *космополитичности* с характерной широтой, высотой и глубиной взглядов на самые различные спектры жизни. Именно они становятся и благом, и наказанием для русской души: ее вместимость и объем оказываются «тормозящими собственное развитие», так как требуется время на переработку и ассимиляцию каждого нового вливания в ее область и создание из нее совместной формы существования. Но именно это «внешнее», определяемое как торможение развития, создало свой уникальный образ, не доступный никому — рефлексию как чувствование идеи [5, 167—174]. Механизм этого чувствования как вживания в образ открывает К. Станиславский в искусстве театра. Здесь задача — проживать и вживаться в ситуацию — становится своего рода религиозной идеей — принять, сжиться и создать новую жизнь. Переживание «иной» жизни — как «собираательной» из множества идей, чувств и образов — и определяет главную задачу русской мысли. Об этом скажет В. Соловьев в своей речи о соборности («Три речи в память Достоевскому», 1881 — 1983 гг.) [14]; об этом напишет Н. Бердяев в «Русской идее» (1943 г.) [4]. Это абсолютно христианская религия, построенная на человеческой форме соучастия — сочувствия. И XX в. активно демонстрировал нам это развитие.

Особенность. Для сравнения возьмем иудейскую культуру мысли (из которой возникла христианская идея и соединила собою треть населения земного шара), которая строится на исключительности и отстраненности от мирового процесса других культур. Ее кредо — *избранность* Богом народа как Высшая идея, не позволявшая многие века смешиваться с другими, укрепляя и развивая ее внутри себя. Тем самым она достигла высокой формы мыслительного процесса, чем укрепила свои достоинство и приоритет перед другими культурами. Исключительность позволила сохранить и традиции, и чистоту первичной идеи, что хорошо видно в работах средневекового еврейского законоучителя и философа Маймонида (1190 г.).

Особый путь Русской мысли был определен В. Соловьевым тоже как путь *исключительного характера*, но без отстранения иных мыслесистем. Русская мысль не только не отрывается от мирового сообщества, но и, более того, впитывает в себя все влияния и участия. Но «губка» — не главная особенность национальной идеи

России, а главное — то, что описывает В. Соловьев — ее софийность, женственность, т. е. «ассимиляция» русской мысли «брачными» союзами, рождающими множество новых оригинальных форм жизни. «Уникальность» рождения их без повторений — с сохранением генофонда, естественность в создании бытия — основные результаты особого пути при коммуникации ее в едином теле мировых традиций.

Механизм переработки влияния описан у В. Бердяева как творческий акт, где Россия никогда не рассматривает переделку, а делает акцент на сотворчестве с другими культурами, отчего получался собирательный образ: «Но, при всем этом добром простодушии, не много надо было наблюдательности, чтобы видеть в нем человека, много видевшего и, что называется, “бывалого”. Он держался смело, самоуверенно, хотя и без неприятной развязности, и заговорил приятным басом с повадкой» [8, 7].

Собирательность как соединяющее начало имеет чувство соучастия и сопереживания — чувство, объединяющее и вмещающее в себя других. Это, согласно А. Блоку, Ф. Тютчеву, И. Тургеневу, А. Островскому и другим представителям Серебряного века в искусстве XIX в., — образ материнства, культ Богородицы, Софии. Женское начало несет в себе любовь, поэтому в православии Бог — есть Любовь. Женское начало любви не избирательно, оно любит всех, поэтому не терпит конкуренции, а приемлет солидарность. Поэтому в России никогда не приживется идея конкуренции и борьбы, а только солидарности и содружества.

Символизм. Как «выразительно» слово в освещении идеи! Мы проведем лейтмотив сквозь времена, скажем, что определялось основным изображением в произведениях русских мыслителей.

- Западная модель, активно призываемая «западниками» в русскую культуру, проявлялась индивидуализмом; славянофильская мысль утверждала общность и единство, благодаря ей возникала собирательная культура языка.

- Средний путь — это человек между Богом и дьяволом.
- Богоборчество, богоподобие и сотворчество — три пути, каждый из которых ведет к единой цели. В этом — в сотворчестве — сила *веры*, сила *любви* и сила *надежды* России. Каждый путь человека неисповедим — он Господен. И только вера в это — особенная вера: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать — / В Россию можно только верить» [15, 256].

Литература

1. *Ахматова А.* Сжала руки под темной вуалью. Сборник. М.: АСТ, 2017.
2. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Ренессанса и Средневековья: URL: http://az.lib.ru/b/bahtin_m_m/text_1965_tvorchestvo_fransua_rable.shtml (дата обращения: 17.03.2022).
3. *Бэкон Ф.* Новый Органон: URL: http://lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 17.03.2022).
4. *Бердяев Н.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
5. *Достоевский Ф.* Подросток: URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0090.shtml (дата обращения: 17.03.2022).
6. *Ивашинев В.* Щепкин: URL: https://royallib.com/read/ivashnev_vitaliy/shchepkin.html#0 (дата обращения: 17.03.2022).
7. *Ионеско Э.* Носорог. М.: Текст, 1991.
8. *Лесков Н.* Очарованный странник. М.: Художественная литература, 1983.
9. *Островский А.* Лес. Пьесы. М.: ГИХЛ, 1960.
10. *Островский А.* Гроза. М.: ГИХЛ, 1959.
11. *Платонов А.* Котлован. М.: Вече, 2019.
12. *Пушкин А.* Борис Годунов: URL: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_0110.shtml (дата обращения: 17.03.2022).
13. *Розанов В.* Русская цивилизация и народная душа. М.: Эксмо, 2019.
14. *Соловьев В.* Три речи в память Достоевскому: URL: <https://ilibrary.ru/text/63/p.1/index.html> (дата обращения: 17.03.2022).
15. *Тютчев И.* Стихи. М.: Советский писатель, 1957.
16. *Флоренский П.* Иконостас: URL: https://imwerden.de/pdf/florensky_ikonostas_1993.pdf (дата обращения: 17.03.2022).
17. *Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990.
18. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: АСТ, 2017.
19. *Юнг К.* Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019.

References

1. *Ahmatova A.* Szhalá ruki pod temnoj vual'yu. Sbornik. M.: AST, 2017.
2. *Bahtin M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Renessansa i Srednevekov'ya: URL: http://az.lib.ru/b/bahtin_m_m/text_1965_tvorchestvo_fransua_rable.shtml (data obrashcheniya: 17.03.2022).
3. *Bekon F.* Novyj Organon: URL: http://lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt_with-big-pictures.html (data obrashcheniya: 17.03.2022).
4. *Berdyayev N.* Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. M.: Pravda, 1989.
5. *Dostoevskij F.* Podrostok: URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0090.shtml (data obrashcheniya: 17.03.2022).
6. *Ivashnev V.* Shchepkin: URL: https://royallib.com/read/ivashnev_vitaliy/shchepkin.html#0 (data obrashcheniya: 17.03.2022).
7. *Ionesko E.* Nosorog. M.: Tekst, 1991.
8. *Leskov N.* Ocharovannyj strannik. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1983.
9. *Ostrovskij A.* Les. P'esy. M.: GIHL, 1960.
10. *Ostrovskij A.* Groza. M.: GIHL, 1959.
11. *Platonov A.* Kotlovan. M.: Veche, 2019.
12. *Pushkin A.* Boris Godunov: URL: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_0110.shtml (data obrashcheniya: 17.03.2022).
13. *Rozanov V.* Russkaya civilizaciya i narodnaya dusha. M.: Eksmo, 2019.
14. *Solov'ev V.* Tri rechi v pamyat' Dostoevskomu: URL: <https://ilibrary.ru/text/63/p.1/index.html> (data obrashcheniya: 17.03.2022).
15. *Tyutchev I.* Stihi. M.: Sovetskij pisatel', 1957.
16. *Florenskij P.* Ikonostas: URL: https://imwerden.de/pdf/florensky_ikonostas_1993.pdf (data obrashcheniya: 17.03.2022).
17. *Frejd Z.* Psihologiya bessoznatel'nogo. M.: Prosveshchenie, 1990.
18. *Fromm E.* Begstvo ot svobody. M.: AST, 2017.
19. *Yung K.* Arhitipy i kollektivnoe bessoznatel'noe. M.: AST, 2019.

IV

**АКТУАЛЬНАЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

А.Г. ШТЕЙНБЕРГ

Объективация женственности: фактор материнства — 2*

Аннотация. Работа посвящена анализу феминистских концепций, которые трансформировались с середины прошлого века, одновременно меняя концептуальные особенности трактовки феномена деторождения как важнейшего фактора объективации женственности. В частности, в работе рассматривается подход «радикального феминизма второй волны» (Джеффнер Аллен), а также взгляды «марксистского направления феминизма» (Жан Гримшоу, Нанси Чодороу). Сегодня уже очевидно, что гендерные, матримониальные и педагогические «изыскания» 2020-х гг. были предвзяты дискуссией полувековой давности. Социально-политические, экономические, психологические и демографические изменения не просто искажают гендерную идентичность, трансформируя, в частности, женский гендер, но ведут к кризису репродуктивной функции феминности на практике.

Ключевые слова: феминизм, женственность, мужественность, репродуктивная функция, деторождение, анатомия, марксизм, отказ от материнства, философия эвакуации, субъективность, этика, автономия желаний, биологическая судьба, теория культурного материнства, разделение труда, гендер.

Abstract. The article is devoted to the analysis of feminist concepts that have been transformed since the middle of the last century, while simultaneously changing the conceptual features of the interpretation of the phenomenon of childbirth as the most important factor in the objectification of femininity. In particular, the work examines the approach of «radical feminism of the second wave» (Jeffner Allen), as well as the views of the «Marxist direction of feminism» (Jean

* Продолжение. Начало см.: Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 123—131.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Штейнберг А.Г. Объективация женственности: фактор материнства — 2 // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 209—218.

Grimshaw, Nancy Chodorow). Today it is already obvious that gender, matrimonial and pedagogical «research» of the 20s of the XXI century were preceded by a discussion half a century ago. Socio-political, economic, demographic and psychological changes not only distort gender identity, transforming, in particular, female gender, but lead to a crisis of the reproductive function of femininity in practice.

Keywords: feminism, femininity, masculinity, reproductive function, childbirth, anatomy, Marxism, rejection of motherhood, philosophy of evacuation, subjectivity, ethics, autonomy of desires, biological fate, theory of cultural motherhood, division of labor.

УДК316.628.22
ББК 60.54

Последние 50—70 лет — это время серьезных социально-экономических трансформаций, одним из важнейших факторов которых является все более возрастающее внимание к гендерным вопросам и непосредственно к роли женщины. Феминность меняет структуру социума, заключили мы ранее, при этом, очевидно, изменяется и практика самой феминности. Основопологающей проблемой объективации женственности, отраженной в многолетней дискуссии вокруг социально-ролевых аспектов феминности, является *фактор материнства* как системное выражение диалектики биологического (физиологического) и социального (ролевого), далее отмечали мы. Причем во многом именно на материнство как исконно женственный фактор не только с мировоззренческой, но и с экономической, культурной и демографической точек зрения шли атаки ранних доктрин сторонников эмансипации.

Здесь мы продолжаем анализ феминистских концепций женственности, которые трансформировались, одновременно меняя концептуальные особенности трактовки феномена деторождения.

Феминизм «второй волны» можно связать с творчеством Джеффнер Аллен. Она, как и ее предшественницы, критикует концепцию пола и гендерных ролей, трактуя брак и нуклеарную семью как важнейшее звено женского угнетения. Аллен анализирует право женщин на полный контроль над воспроизводством, при этом теоретические усилия автора часто находятся в русле феминистского активизма и сосредоточены на анализе эксплуатации женщин не только в сексуальном и психологическом плане, но и в

качестве домохозяек и матерей. Творчество Дж. Аллен — это радикальный призыв к отказу от материнства посредством разработки и реализации так называемой «философии эвакуации», основанной на тезисе, что «материнство опасно для женщин». Данная сентенция, кстати, ясно прослеживается и подразумевается во многих работах теоретиков феминизма «второй волны», так или иначе касающихся материнства.

В частности, Аллен констатирует, что, если взять «женщину в патриархате», то перед нами окажется некая «существующая утроба и жена мужчины», ибо каждая такая женщина, по определению, является «матерью, производящей ради мужчин» [1]. Мать трактуется автором труда с говорящим названием «Материнство: уничтожение женщин», как «та, чье тело используется в качестве ресурса для воспроизводства мужчин и мира мужчин...». Делается вывод о том, что материнство опасно для женщин. Но не потому, что вынашивание и роды зачастую тяжело даются дамам, и даже не потому, что это навязанная порабощающая роль. Дж. Аллен формулирует более привлекательную с точки зрения эмансипации причину: женщина вынуждена быть женщиной и матерью в существующей структуре социальных отношений, которая одновременно «отказывает женщинам в творении субъективности» [1, 315].

Работа Аллен имела серьезную апологетику в русле рассуждений о силе и мощи страстного языка автора, привлекающего внимание к «угнетающим аспектам» материнской роли в западном патриархальном обществе. Отмечалось, что точка зрения мыслителя выражает центральный постулат феминизма: расширение прав и возможностей женщин за счет разрушения существующих властных отношений и их трансформацию в более справедливые. Суть позиции Дж. Аллен — в возможности женщин проявлять полную свободу действий, в том числе «в своем репродуктивном процессе». Тем самым, можно констатировать: точка зрения автора «...уничтожения женщин» на то, что все дамы должны быть женщинами и матерями, основана на проблематичных универсализирующих предположениях о материнстве сугубо в контексте личных предпочтений, ведь, как мы помним, материнство враждебно установлению женской субъективности.

Однако были и серьезные философские возражения. Как считает Катрин Абрамс, взгляды Аллен носят неолиберальный и

индивидуалистический характер, который основан на концепции автономии и действия, разработанной «на некотором расстоянии от таких атрибутов человеческих субъектов, как эмоциональная или реляционная взаимозависимость» [2, 806]. Субъектность и формирование субъективности в обществе патриархата, по сути, существуют и разворачиваются через соревнование с «другим». А полностью реализуются только через разъединение с «другими» — посредством противоречий и сложной системы социальных отношений и ролевых обязательств.

Стоит согласиться с точкой зрения, например Б. Барри, согласно которой критикуемая позиция поддерживает моральную теорию, рассматривающую людей с либеральной политической и экономической позиции, а именно, что люди — это корыстные, независимые и автономные единицы, сотрудничающие только тогда, когда условия могут увеличить результаты каждой стороны [3, 106].

Моделируя себя на основе традиционной теории морали, феминистская идеология, подобная точке зрения Дж. Аллен, непреднамеренно, но дублирует иерархический и маскулинный уклон и остается все же оторванной от существа социальных реалий. Этот традиционный взгляд на субъективность остается «слепым» к «повсеместному плюралистическому социальному устройству субъекта» в контексте пересекающихся векторов «властного неравенства», а также к степени, в которой «развитие и осуществление автономии часто является коллективным, а не индивидуальным предприятием» [2, 806].

Таким образом, позиция, с которой сформулированы предположения Дж. Аллен, игнорирует не только «межсекторальные различия», которые говорят о расе, классе и сексуальной ориентации, вне рамок анализа остаются разнообразные и разноуровневые жизненные контексты, в которых разворачивается большая часть собственно «материнской деятельности». Более того, теоретики феминизма «второй волны», очевидно, игнорируют факт моральной и эпистемологической относительности и взаимозависимости личности.

Но наиболее очевидным упущением анализируемого теоретического подхода является то, что он игнорирует любовь, удовольствие и расширение прав и возможностей, которые большинство матерей испытывают и приобретают в процессе реализации

важнейшей феминной функции. Сама суть материнства — получение иного, более высокого социального статуса, это и есть реализация субъективности женщины, обретение адекватности и Самости.

Джеффнер Аллен, как и Суламифь Файерстоун и Ти-Грейс Аткинсон, принадлежит к радикальному феминизму второй волны, их взгляды на материнство не могли быть выражением мнения всех феминисток. Однако в 1984 г., когда работа Аллен была впервые опубликована, прошло более десяти лет с момента выхода книги «Рождение женщины: материнство как опыт и институт», в которой Адриан Рич проводит решающее различие между патриархальным институтом материнства и его социальным опытом, не являющимся угнетающим по своей сути. Аргументация Рич, так же как и аргументы других феминисток, касались исследования и обоснования материнства как источника силы для женщин. Однако, несмотря на все старания, в последующей академической мысли развитие получила аргументация Аллен, являющаяся продуктом «второй волны» либеральной феминистской ориентации на критику западного патриархата последних двух десятилетий XX в. с сопутствующим неолиберальным акцентом на регулировании нуклеарной семьи. Согласно этой точке зрения, мужчины всегда являются врагами женщин, а материнство всегда противоречит требованиям полной индивидуальной женской свободы, ощущению контроля и волеизъявлению, а также автономной власти в общественной сфере.

Другая группа теоретиков «второй волны» феминизма (Ж. Гримшоу и Н. Чодороу), пишущих о материнстве, относит себя к марксистскому направлению в гендерном теоретизировании. Они обращаются к природе женственности вообще, а не только к вопросу материнства, постулируя не биологическую детерминированность феминности, а социальную. Объективация женственности в данном случае определяется тем, что природа дамы «не есть абстракт», присущий отдельному индивиду, а есть «совокупность всех общественных отношений».

Обратимся к работе Жан Гримшоу «Автономия и идентичность в феминистском мышлении», в которой, по ее словам, она исследует фундаментальную способность понимать отношение автономии к уязвимости, в равной степени являющейся необходимым элементом для гендерно-производных способностей личности, таких как ответственность, подотчетность, целенаправленная

рациональность и оценочная интерпретация [5]. Эти производные способности подвергаются внутренней критике через «гендеризацию концепции автономии», которая обнаруживает диалектику между противоречивыми аспектами личности. Гримшоу так описывает эту диалектику: мы часто сталкиваемся с испытанной потребностью «осмыслить» нашу жизнь, наши чувства и цели, связать «запутанные фрагменты самих себя» во что-то, что кажется более связным и над которым мы чувствуем больший контроль. Однако мы также часто сталкиваемся с необходимостью терпеть противоречия, отказаться от иллюзорного, невозможного идеала и избегать «само-наказывающих форм» тревоги, защиты и вины (тем более, что феминистская вина может быть столь же наказуемой, как и любые другие). «Диалектика автономии — это та, в которой постоянный (но никогда не статичный или окончательный) поиск контроля и согласованности требует уравнивания с реализмом и терпимостью, порожденными попытками лучше понять себя (и других)» [5, 106]. Итак, автономия должна быть регулирующим принципом, основанным на различии между «внутренним» «Я», которое может каким-то образом спонтанно генерировать свои «собственные» действия, и «внешними» влияниями, которые не являются частью «Я».

Авторы этого марксистского направления фактически возражают против фрейдистской истины «анатомия — это судьба», согласно которой девочки серьезно привязаны к матери, в «до-эдиповой» стадии отождествляя себя с последней. Отсюда фемине требуется больше времени для подготовки к жизни, что, в свою очередь, гораздо чаще вызывает проявление чувств и аффектаций. «Эдипов комплекс» мальчика — более персонифицированный, проявляется в готовности к жесткой конкуренции. Из всего этого «отец психоанализа», как известно, делал вывод, что «Сверх-Я» женщины никогда не будет таким же автономным и свободным от ярких желаний, эмоций и чувств, как у мужчины.

Ж. Гримшоу считает, что до определенного момента можно отстоять «аристотелевскую версию автономии»: если человеку мешают делать то, что он в ином случае намеревался или желал бы сделать, или если его принуждают делать то, чего он в ином случае не хотел бы делать, он не действует автономно. Здесь давление заключается в том, чтобы учесть те обстоятельства, которые на самом деле принуждают людей к подобным действиям. И, конечно

же, главными заботами феминизма были выявление и борьба с видами принуждения, которым подвергаются женщины, включая такие вещи, как физическое насилие и экономическая зависимость. Писатели-феминистки, считает Гримшоу, конечно же, хотели обвинить социум в различных формах жестокости и принуждения в отношении женщин. Но эта жестокость и принуждение рассматриваются не просто как вопрос о физическом или «внешнем» насилии, речь может идти о принуждении с иных позиций [5, 91]. Аристотелевская точка зрения, как ее толкует Гримшоу, работает только в той мере, в какой предполагается, что нет проблем с тем, что она называет «автономией желаний». Автономия определяется, по мнению автора, как действие в соответствии с желанием (или намерением). «Но как насчет самих желаний?» — вопрошает автор «Автономии и идентичности...». И отвечает, что существуют желания (или намерения), которые не являются по сути «автономными», которые не происходят «изнутри» «Я», не являются подлинными, на самом деле «не своими». Так автор демонстрирует основную ошибку феминизма «второй волны», стремившегося навязать, узаконить не свойственные женскому гендеру «неавтономные» желания и роли.

В итоге Гримшоу заключает, что активность, агрессивность, стремление к доминированию отнюдь не являются лишь «природными» свойствами маскулинности. Сегодня благодаря гуманистическим общественным отношениям эти «гендерно-производные» способности личности так глубоко укоренены в ее самосознании, что вполне могут быть названы конституционной природой человека» [5].

По мнению Нанси Чодороу, различия, отмеченные Фрейдом, имеют место в психологии мужчины и женщины, но они не анатомического свойства, а социально обусловлены. Главный вывод автора книги «Воссоздание материнства. Психоанализ и социология гендера» следующий: в современной патерналистской (маскулинной) социальной системе именно женщине «предписано» нести ответственность за ребенка. Данный подход Н. Чодороу основан на исследованиях классика антропологии Бронислава Малиновского, заявлявшего, в частности, в своей работе «Родительство, основа социальной структуры», что проблема материнства не может быть игнорирована «как зоологический факт», и предлагавшего

«теорию культурного материнства» как основу общей теории родства [7].

Если продолжать дискуссию вокруг фрейдистского понимания «судьбы», то здесь автор «Воссоздания материнства...» обращается к творчеству Эдит Джейкобсон, отвечавшей на риторический, на наш взгляд, вопрос: «Почему матерью является женщина?» — следующим образом: вынашивать и рожать, кормить грудью и воспитывать детей — «биологическая судьба женщины» [6].

Мальчик главный упор в поведении делает на различие, отделение себя от окружения, стремясь демонстрировать маскулинное гендерное поведение, отождествляя себя с отцом. Отсюда — автономное и сепаратистское в психологии маскулинности. Девочка же, наоборот, «через мать» отождествляет себя с социумом, приобретая большую склонность к сочувствию и сопереживанию «другим», ведь «наиболее важной особенностью раннего... развития является то, что это развитие происходит по отношению к другому человеку или людям — в нашем контексте, к матери» [4, 77]. Картина развития с детских лет — производная межличностных отношений, а не только отражение психического и физиологического «роста» индивида. Все это дает основание для того, чтобы развести и исследовать каждую сторону взаимосвязи: опыт матери в отношении своего ребенка и опыт ребенка в отношении своей матери. Исследование опыта матери и ребенка показывает, что в этот период возникают фундаментальные ожидания женщин как матерей. Причем формирование требований к материнству, «материнского опыта» и основ родительских способностей происходит в раннем периоде развития индивида [4, 77].

Опираясь таким образом на предшествующие теории, Н. Чодороу заключает, что «матери — это, конечно же, женщины», потому что мать является родителем-женщиной. Задолго до гендерных и педагогических «изысканий» 2020-х гг. в Европе и США Чодороу возражает, заявляя, что отцы — это мужчины, т. е. мужчины-родители, ведь когда мы говорим, что «кто-то вынашивал ребенка», то подразумеваем совсем иное, чем в случае, когда «кто-то стал отцом». Мы можем говорить о мужчине как «заботящемся» о ребенке, «но мы никогда не будем говорить о женщине, которая “станет отцом” ребенка, даже в тех редких обществах, в которых... женщина может взять жену и стать социальным отцом детей своей

жены. В этих случаях мы... не говорим, что она родила ребенка» [4, 11].

Вынашивание и рождение — ключевые условия и признаки материнства, при этом быть матерью — не только вынашивать ребенка, это быть человеком, который общается и воспитывает. Вопрос, поставленный Н. Чодороу: почему матери это всегда женщины? — выливается для феминисток марксистского толка в концепцию социального поведения. Мать — человек, который обычно выполняет все те виды деятельности, которые связаны с воспитанием детей. Материнство женщин занимает центральное место в разделении труда между гендерами.

«Социальная роль женщины оказывает глубокое влияние на ее жизнь, на идеологию феминности, на воспроизводство мужественности и сексуального неравенства, а также на воспроизводство определенных форм рабочей силы. Женщины как матери являются ключевыми игроками в сфере социального воспроизводства» [4, 11]. Апеллируя к концепциям социологическим и социально- философским, ссылаясь на Ф. Энгельса, К. Леви-Стросса, антропологов, семейных теоретиков и, наконец, на Т. Парсонса, Н. Чодороу заключает, что именно в сфере материнства женщины находят свое основное социальное положение [4].

Литература

1. Allen J. Motherhood: The Annihilation of Women // *Mothering: Essays in Feminist Theory* / Joyce Treblicot, Rowman and Allanheld (eds.). 1983. P. 315—330.
2. Abrams K. From Autonomy to Agency: Feminist Perspectives on Self-Direction // *William and Mary Law Review*. 1999. Vol. 40. No. 3. P. 805—846.
3. Barry B. *The Liberal Theory of Justice*. Oxford University Press, 1976.
4. Chodorow N. *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. University of California Press, 1978.
5. Grimshaw J. Autonomy and Identity in Feminist Thinking // Morwenna Griffiths and Margaret Whitford *Feminist Perspectives in Philosophy*. Bloomington: Indiana University Press, 1988. P. 90—108.
6. Jacobson E. *Development of the Wish for a Child in Boys* // *Psychoanalytic Study of the Child*. N. Y.: International Universities Press, 1950. No. 5. P. 139—152.

7. *Malinowski B. Parenthood, the Basis of Social Structure // The New Generation / V. F. Calverton and S. D. Schmalhausen (eds.). N. Y.: Macaulay, 1930. P. 113—168.*

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

**Феминизм и феминизация
(тезисы)***

Аннотация. Феминизм нарушает межполовую иерархию. Он представляет собой феномен коллективного бессознательного. Сущность феминизма заключается в претензии женщин (точнее, ментальных женщин) на обладание сознанием. Феминизация сущностно представляет собой усиление роли «женской логики» и тем самым приближение к максимально интенсивному использованию ресурса коллективного бессознательного. Эта тенденция обладает апокалиптической направленностью.

Ключевые слова: сексизм, феминизм, маскулинизм, межполовая иерархия, ментальный пол, феминизация, постмодерн, стагнирующее существование.

Abstract. Feminism contravenes inter-gender hierarchy. It represents the phenomenon of the collective unconscious. The essence of feminism lies in women's claim (more specifically, mental women's claim) for the possession of consciousness. The essence of feminization is represented by the strengthening of the role of «female logic», ipso facto maximizing the employment of the collective unconscious. This tendency has an apocalyptic orientation.

Keywords: sexism, feminism, masculinity, inter-gender hierarchy, mental gender, feminization, postmodern, stagnating existence.

УДК 141.72
ББК 88.52

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Горбачев А.Ю. Феминизм и феминизация (тезисы) // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 218—230.

1. На протяжении истории человечества наличествует духовный и, значит, всякий иной матриархат. Феминизм представляет собой ядро матриархата. Постмодерн (постиндустриальный, информационно-технологический капитализм) — период обострения кардинальных противоречий антропосферы, эскалации происходящих в ней процессов и эпоха апогея феминизма.

2. Феминизм есть тоталитарная форма доминирования женского начала над мужским, максимальная экспансия которой совершается в условиях капитализма, особенно постмодернового. В идеологии постмодернизма феминизм выступает в качестве сущностной компоненты.

3. Феминизм (женский шовинизм) — идеология превосходства женского пола над мужским. Всегдашним спутником феминизма является маскулинизм (мужской шовинизм) — идеология превосходства мужского пола над женским.

4. Маскулинизм и феминизм суть типологические формы сексизма (гендерного шовинизма), хотя и не эквивалентные. Маскулинизм — полюс феминизма; сущность маскулинизма феминистична.

5. Обе типологические формы сексизма являются способами утверждения ментально женского начала. Причем феминизм утверждает его напрямую, а маскулинизм косвенно. Адепты маскулинизма считают мужчин выше женщин на том основании, что первые лучше вторых выражают тип гендерной ментальности, который маскулинистам кажется мужским, хотя на деле он женский.

6. Маскулинизм и феминизм не равноценны: первый менее алогичен и, соответственно, более гуманен, чем второй. Однако указанные достоинства маскулинизма паллиативны, потому что он является не конструктивной альтернативой феминизму, а его неэкстремальной (неразвернутой) формой.

7. И в феминистских, и в маскулинистских рядах присутствуют представители обоих полов, но на разных ролях. В феминистском лагере количественно преобладают женщины, хотя «главными идеологами и приверженцами феминизма являются мужчины, относящиеся к ментально женскому полу. Однако, отстаивая превосходство женского начала над мужским, они превозносят собственный пол, а не противоположный» [1, 543].

8. «Идеология феминизма есть способ психической защиты обывателей (ментальных женщин обоих полов) методом концептуализации их комплекса ничтожества, содержанием которого выступает подмена превосходства мужского пола над женским

представлением о превосходстве женского пола над мужским. Эта подмена предполагает игнорирование наличия мужского начала, а не вытеснение его женским» [1, 139 — 140].

9. Среди маскулинистов больше мужчин, главными идеологами и приверженцами маскулинизма также являются они. Маскулинисты, если брать их в массе, — слабая часть сильного пола. Это мужчины, которые идеологизируют (репрезентируют в форме идеологии) свой страх перед женщинами и свою подчиненность им.

10. Положительная альтернатива сексизму в целом, феминизму и маскулинизму в частности — гармония в отношениях полов на основе квалифицированного учета особенностей половой дифференциации.

11. Принцип гендерного равенства не соответствует гармонии между полами, потому что равенства полов нет. Мужчины и женщины неравны, поскольку они разнятся между собой биологически (телесно), социально (психологически) и духовно (гносеологически, на уровне высшего смысла жизни). Последнее различие является определяющим, первые два — базовыми.

12. По мере нарастания интимности в отношениях между мужчиной и женщиной идея равенства полов, фундаментальная для феминистской доктрины, все отчетливее обнаруживает свою нелепость. Поэтому к интимной стороне отношений между полами адепты феминизма испытывают неприязнь, тем самым подтверждая, что феминистским идеалом является гендерное отчуждение, в пределе — асексуальность.

13. Быть распространителем феминистских идей означает в сублимированной форме предавать огласке проблемы своей интимной жизни.

14. Сексизм — идеология разобщения и отчуждения полов. Процесс гендерного разобщения и отчуждения усиливается по мере исторического развития и достигает своего максимума в эпоху Постмодерна.

15. Для того чтобы избежать опасности сексизма, необходимо: а) понять, что такое равенство и неравенство; б) выявить специфику различия между мужчиной и женщиной; в) определить сущность межполовой иерархии.

16. Разговор о равенстве в человеческом мире — это разговор о равенстве в отношениях. Однако концепция отношенческого равенства утопична. Отношения осуществляются по принципу власти:

одна их сторона доминирует, вторая остается подчиненной, но стремится взять реванш. Равенство в отношениях означает их отсутствие.

17. Следовательно, отношения между мужчиной и женщиной представляют собой отношения неравенства, т. е. отношения межполовой иерархии. Разберемся в ее сути, но сначала выясним, в чем состоит коренное различие между мужчиной и женщиной.

18. Биологические и социальные различия между полами существуют, однако решающее значение имеет духовная (гносеологическая, смысловая) специфика каждого из них. Она репрезентирована в инструменте, методе и результате оперирования информацией.

19. Все женщины и почти все мужчины относятся к ментально женскому полу. Вот в чем главная причина духовного матриархата. Он процветает при едва ли не единодушной мужской поддержке, которая является стержневой и кардинально подпитывает феминизм.

20. Свойственный подавляющему большинству людей ментально женский (обывательский) инструмент оперирования информацией — вербализованная психика, метод — переживание, или оперирование формальной логикой в сочетании с алогизмом, результат — заблуждение.

21. Ментально мужской (философский) инструмент оперирования информацией — сознание, метод — познание (мышление), или оперирование диалектической логикой, результат — истина. Мужчина может освоить эту модель, но, как правило, не осваивает, женщина в принципе не способна ее освоить. Отмеченное различие между полами служит основанием для половой дифференциации на духовном (гносеологическом) уровне и, следовательно, для разделения людей на ментальных мужчин и ментальных женщин.

22. В социоцентрической общности, существующей на протяжении истории человечества, все женщины и подавляющее большинство мужчин являются ментальными женщинами, что образует почву для рассуждений о равенстве полов и, значит, для феминизма. Однако идея равенства полов при их гносеологической противоположности может быть воплощена лишь как равенство мужчин и женщин в глупости, т. е. в их поголовной принадлежности к носителям коллективного бессознательного (обывателям).

23. Выдвигая лозунг равенства полов, сторонники феминизма на деле ратуют за нивелировку гносеологических различий между мужчиной и женщиной и тем самым — за возвышение женского пола и принижение мужского.

24. Идея равенства полов не предусматривает наличия сознания ни у мужчин, ни у человечества в целом — поистине ментально женская постановка вопроса, апофеоз «женской логики». Но ее каверзность состоит в декларировании наличия сознания у представителей обоих полов на том психологически мотивированном основании, что ментальным женщинам неприятно признать себя носителями исключительно коллективного бессознательного. Доводами такого рода утверждается притязание ментальных женщин на обладание сознанием. В этой претензии заключается сущность феминизма.

25. Почему женщины не способны обладать сознанием, т. е. быть умными? Дело здесь в уникальности полов, а именно в их функциональной незаменимости. Женщина рождает людей, дает жизнь человечеству; мужчина продуцирует идеи и с их помощью защищает человечество, обеспечивает его выживание.

26. Телесность и психика женщины и, соответственно, ее биологический, социальный и духовный ресурсы стратегически, причем пожизненно, ориентированы на выполнение детородной функции. С ее актуализацией обладание сознанием несовместимо. Сознание является универсализирующим и универсальным феноменом, который не возникает без генеральной сосредоточенности на нем. Для женщины проявить столь мощную устремленность означает радикально изменить собственную природу, т. е. утратить не просто детородный инстинкт, но и его инфраструктуру. Возможно ли такое и что после этого останется от женщины, — вопросы риторические. Те же цели, достижение которых требует наличия сознания либо способности иметь его, для женщины стратегически не первостепенны. В силу указанных причин она обходится без сознания и без способности обладать им.

27. Обладание сознанием есть магистральный антропологический критерий. Следовательно, мужской пол (представители которого способны иметь сознание) выше женского, но лишь потенциально; реально нередко бывает наоборот.

28. Фундаментальное преимущество мужчины над женщиной в том, что он способен познавать (мыслить); оно почти не актуализируется, т. е. является минимально потенциальным. Фундаментальное преимущество женщины над мужчиной в том, что она способна рождать людей; оно актуализируется часто, т. е. является реальным. В приведенном соотношении мужское лидерство не только сглаживается, но и может казаться мнимым и тем самым стимулировать феминистские тенденции.

29. Все, кроме познания (мышления), что делает мужчина, представляет собой его прямое либо косвенное ассистирование женщине. И лишь познание (мышление) является специфически мужским делом.

30. В гендерном превосходстве ментальные женщины видят исключительно повод властвовать, хотя в гуманистическом смысле слова быть выше означает нести главное бремя ответственности. Женщинам оно не по плечу, поэтому они не относятся к сильному полу даже в тех случаях, если локально доминируют над мужчинами.

31. В эпоху Постмодерна различие между полами состоит еще и в том, что женщины исчерпывающе реализуют свой гендерный потенциал, а мужчины — частично, поскольку подавляющее большинство мужчин являются ментальными женщинами в тот исторический период, когда они должны быть философами (ментальными мужчинами). Сложившаяся гендерная ситуация приводит к войне полов, которая ведется по ментально женским правилам — единственно известным ее участникам. И понятно, чья сторона находится пока в выигрышном положении.

32. Однако победа женщин над мужчинами — это пиррова победа человечества, или поражение обоих полов. Женщины относятся к слабому полу, а сила слабого — глупость и, следовательно, зло. В результате и сами женщины остаются в проигрыше: властвование никого не делает счастливым.

33. По отдельности мужчина и женщина не могут быть счастливыми — лишь вместе, поскольку сообща, а не порознь, они составляют человеческое естество. Каждый из нас неполноценен в том смысле, что в одиночку он представляет собой полчеловека. Мужчина тем больше человек, чем больше он мужчина, женщина тем больше человек, чем больше она женщина. Иного пути к человечности, кроме грамотного утверждения половой дифференциации, у людей нет.

34. Из уникальности (незаменимости) полов следует различие между мужчиной и женщиной на уровне высшего смысла жизни (мужской — познание, женский — любовь), а из него — остальные нюансы гендерной дифференциации. Например, в зависимости от их половой уникальности мужчины и женщины ведут себя по-разному.

35. Женщины меркантильнее мужчин. В женской меркантильности есть снятый позитивный момент — забота о детях, о поддержании семейного очага. Однако меркантильность опасна тем, что она

может перерасти в вещизм (культ вещей), который уродует отношения. Мужчины нередко поощряют эту тенденцию, подталкивая женщин видеть в себе не столько людей, сколько поставщиков материальных (и шире — витальных) благ. При таком раскладе женщина постепенно превращается в антропогенную вещь. И не в простую, а в требующую побольше вещей. В вещь, для которой главным мерилом ценностей являются вещи.

36. Например, дорогими подарками мужчина откупается от очевидности того прискорбного факта, что его союз с женщиной строится не на любви. И приучает женщину к пагубному стилю отношений. С одной стороны, он бахвалится перед ней, пытаясь изжить свой комплекс ничтожества, с другой — уподобляет себя и ее тем животным, у которых самец — прежде всего поставщик корма и генетического материала.

37. Женщины не приемлют критику в свой адрес, хотя критика — незаменимый метод шлифовки идей и строительства отношений.

38. Женщины чрезвычайное значение придают своей внешности. Однако для каждой из них даже избыточная забота о внешности подчинена более важной цели — понравиться мужчине. Ради этого некоторые женщины действуют методом «от противного»: демонстративно не слишком заботятся о своей внешности, чтобы мужчины оценили их оригинальность.

39. Тайна полов производна от тайны человека. Каждый человек считает себя лучшим существом, но считает по-разному, в зависимости от его пола. Мужчины полагают, что они умны, женщины — что они красивы. Поэтому запрещенный прием — называть мужчину глупым, а женщину — некрасивой.

40. Мужчины и женщины говорят о разном. По форме — о чем угодно, по содержанию — о смысле жизни (счастье). Мужчины — о познании, женщины — о любви. Либо о том, что мешает познанию в первом случае и любви — во втором.

41. Хотя смысл женской жизни — в любви, женщина в одиночку, без мужчины этот смысл не добудет. И командуя мужчиной, т. е. ведя себя по феминистскому образцу, она также не сможет быть счастливой.

42. Ряды адептов феминизма формируются и пополняются из той бесчисленной массы людей, которым известны лишь слова «познание», «любовь», «смысл жизни», «счастье», но которые понятия не имеют о том, как осваивать духовные ценности, обозначаемые данными терминами. Чем бессмысленнее жизнь этих людей, тем

больше у них шансов примкнуть к феминизму либо к родственным ему феноменам.

43. Феминизм не вечен. Рано или поздно человечество изживет его. Но куда оно пойдет: вверх либо вниз? В первом случае ему предстоит сложный путь к достижению гармонии полов, во втором — простой путь к миру животных. Однако человек уже вышел из животного состояния и назад уже не вернется, а если вернется, то только вперед ногами. Иначе говоря, если мы будем неустанно феминизироваться, то вымрем.

44. Феминизация есть эскалация феминистских тенденций, происходящая в цивилизованном (буржуазном) социуме. Чрезвычайный размах феминизация приобретает в эпоху Постмодерна (постиндустриального, информационно-технологического капитализма).

45. В патриархальных типах социума — первобытнообщинном, рабовладельческом и феодальном — ментально женское (обывательское) начало главенствовало, но еще не было его экспансии — феминизации, потому что для членов патриархального социума мир был узким и в силу этого доступным для постижения. В той исторической ситуации для производства витальных благ (следовательно, для выживания человечества) было достаточно такого инструмента оперирования информацией, как сочетание формальной логики с алогизмом.

46. При капитализме, в условиях глобализации, производство витальных благ сопряжено с лавинообразным увеличением информационных потоков. Справиться с ними возможно исключительно при помощи диалектической логики. Но справляться пока некому: почти все люди принадлежат к ментально женскому полу, т. е. являются обывателями.

47. Выход, который человечество нашло в данной ситуации, оказался паллиативным: прогрессирующее вытеснение формальной логики алогизмом, или триумф «женской логики». В результате феминизм процветает и порождает феминизацию. То, что в истории человечества было всегда, сегодня резко пошло наружу. Иначе и не могло быть, поскольку история человечества по-прежнему остается историей коллективного бессознательного.

48. Сущностно феминизация представляет собой усиление роли «женской логики» в регулировании информационных потоков и тем самым приближение к максимально интенсивному использованию ресурса коллективного бессознательного.

49. Феминизация — возглавляемая мужской частью человечества эскалация алогизма, которая достигает своего пика в эпоху Постмодерна.

50. Постмодерновый мужчина все сильнее отчуждается от познания, приобретая лишь узконаправленный интеллект и все дальше отстраняясь от мужественности. А постмодерновая женщина, как и в предшествующие века, стремится понравиться мужчине, но делает это за счет отчуждения от женственности и, следовательно, от любви. Иными словами, в постмодерновых условиях нарастающими темпами идет отчуждение людей от смысла их жизни.

51. Под знаком «женской логики» выдвинут лозунг равноправия полов. Однако равноправие среди духовно (гносеологически) неравных является равноправием в пользу того, кто ниже, т. е. утверждением права на антропологическую деградацию.

52. Свойственные женщинам меркантильность и притворщичество коррелируют с таким постмодерновым атрибутом, как коммерчески ориентированное имитаторство. Не удивительно, что постмодерн насквозь феминизирован.

53. Постмодерновые женщины и мужчины признают: сильный пол сдает свои позиции. Таков промежуточный результат феминизации. Но он используется в качестве предлога для дальнейшей феминизации.

54. Постмодерновые обыватели предпочитают не обращать внимания на очевидное: хуже становится одной половине человечества — хуже и другой, даже если она до поры до времени этого не замечает в погоне за сиюминутной выгодой либо по иным причинам. Однако прозрение не наступает, зато помехи ему множатся. Феминизация не просто сопровождается, но и стимулируется разделением и отчуждением полов. В итоге страдают и мужчины, и женщины. Это — симптомы стагнации, протекающей в режиме самоценного бытия (существования ради существования), а стагнация бывает и продолжительно устойчивой, и скачкообразно апокалиптической.

55. Несчастный человек может чувствовать себя в порядке, но счастье — категория объективная, и с ним — колоссальные проблемы едва ли не у всех людей. Они почти поголовно несчастны и не хотят себе в этом признаться, поскольку не понимают, что значит быть счастливыми, как строить отношения, как достичь смысла жизни. Им остается не жить, а выживать, глушить себя разного рода отвлечениями и развлечениями, т. е. стагнировать.

56. Что такое феминизация с точки зрения ее кардинальных последствий? По форме — «отчуждение человека от противоположного пола, по содержанию — от собственного» [1, 442]. Феминизируясь, люди оказываются чужими не только друг другу, но и себе, доходя до отчуждения по отношению к своей половой идентичности.

57. Они становятся идеальными инструментами расширенного воспроизводства капитала — главной цели существования и коренного условия функционирования буржуазного, особенно постмодернового, социума. Ведь для того чтобы участвовать в этом процессе, половые признаки не важны. Расширенное воспроизводство капитала — дело бесполое, следовательно, бесчеловечное. Для него опасны единение полов и даже половая самоидентификация.

58. Критерием феминизированности индивида, независимо от его пола, является одержимость деньговерием (финансовением) — идеологией расширенного воспроизводства капитала.

59. От феминизации страдают (не всегда субъективно, зато всегда объективно) оба пола. Рвутся связи как между мужчиной и женщиной, так и между человеком и его половой принадлежностью. Однако вот оно, торжество «женской логики»! — феминизацию поддерживают оба пола, причем под эгидой мужчин. Женщины идут за ними: феминизируются, потому что именно такими они нравятся все большему числу мужчин цивилизованного социума.

60. Феминизация — освобождение женщины не от мужского ига, а от возможности присутствия в ее жизни сознания. А поскольку у подавляющего большинства мужчин сознания нет (они, как и женщины, являются носителями коллективного бессознательного, или ментальными женщинами), заинтересованность представителей сильного пола в феминизации очевидна.

61. Феминизация в радикальной форме стимулирует отчуждение человека от собственного и противоположного пола. Поэтому феминизация — не преуспевание женщины за счет фиаско мужчины, а поражение обоих полов.

62. Положительной альтернативой феминизации является соответствие полов их возможностям: умение мужчины быть мужчиной, а женщины — женщиной. Это сложный и, следовательно, чреватый многочисленными заблуждениями труд.

63. Методами феминизации культивируется не столько уникальность женщины, сколько ее зависть к мужчине и поэтому — противоестественное женское уподобление ему.

64. Женщина может взяться за сугубо мужские дела, не замечая, однако, не только того, что она в принципе не способна с ними справиться, но и того, что попытка справиться с ними превращает ее в расчеловеченное существо женского пола. Такова плата за неспецифически женские занятия женщины.

65. На поверхностный взгляд, альтернативой феминизации является маскулинизация. Но маскулинизация — полюс феминизации. Точнее, феминизация и маскулинизация суть полюсы андрогинизации. Феминизированные индивиды вместе с тем являются маскулинизированными, маскулинизированные — феминизированными. Те и другие гомосексуальны, в пределе — асексуальны.

66. Феминизированный мужчина имитирует в своих внешности, характере и поведении женственные черты.

67. Маскулинизированный мужчина гипертрофирует у себя проявления мужественности, телесные (накачка мышц и т. п.) и психические (брутальность, «мачизм»). Такова реакция представителей мужского пола на сплошную феминизацию и вместе с тем косвенный способ укрепления феминизации.

68. Маскулинизированная женщина имитирует в своих внешности, характере и поведении черты мужественности. Это и реакция женского пола на феминизацию, и ее упрочение методом «я сама».

69. Феминизированная женщина гипертрофирует у себя проявления женственности. И мужчина в ее мире оказывается факультативным существом. В крайнем случае он необходим ей лишь как поставщик витальных благ.

70. Феминизация является гендерно двусторонней: ей привержены и женщины, и мужчины. Но женщины феминизируются по преимуществу опосредованно, т. е. маскулинизируются, а мужчины — по преимуществу непосредственно. В сочетании друг с другом эти процессы ведут к гендерной конвергенции, пределом которой выступает гендерная унификация.

71. Феминизация активизирует потребительское, иждивенческое отношение не только к мужчине, но и к женщине.

72. Феминизация приводит к тому, что мужчины не учатся быть мужчинами, однако не становятся женщинами и не могут заменить женщин, а женщины не учатся быть женщинами, однако не становятся мужчинами и не могут заменить мужчин.

73. Но феминизация — еще не предел. В ее недрах зреет гомосексуализация, потом — асексуализация. Последняя представляет

собой главный признак феминизации и ее апокалиптическое будущее.

74. Деструктивной направленностью обладают и иные результаты феминизации: а) постмодерновые женщины рожают все меньше и все хуже (и труднее, и менее здоровых детей); б) постмодерновые мужчины все меньше производят идей, причем их качество не соответствует философскому уровню (и это создает угрозу существованию человечества, потому что люди являются существами информационно ориентированными).

75. В экстремально сложном положении в постмодерновую эпоху пребывают философия и гуманитарные дисциплины. Перед ними поставлена ментально женская и поэтому невыполнимая задача: как приспособиться к грядущему апокалипсису? И поскольку данная задача априори неосуществима, философия и гуманитарные дисциплины неуклонно скатываются в разряд ненужных.

76. В условиях постмодерна в системе образования и в других социальных сферах происходит феминизационный надлом, красноречивой приметой которого является гендерная диспропорция. Мужчин в этой системе становится все меньше, женщин все больше. Даже определение критериев учительского и преподавательского профессионализма делается с прицелом на женский вариант.

77. Образование и воспитание не бывают гендерно нейтральными. В патриархальном социуме превалирует маскулинизированная модель образования и воспитания, в цивилизованном (модерновом и особенно постмодерновом) — феминизированная.

78. Модерн ознаменован передачей образовательных и воспитательных функций от мужчины к женщине, постмодерн — от женщины к машине. При этом образование и воспитание превращаются в программирование их субъектов и объектов.

79. Конечная цель феминизации утопична и абсурдна: гендерная нейтральность, или бесполое состояние мужчин и женщин. Однако при монополии в социуме коллективного бессознательного (тем более в его постмодерновой модификации) утопии, и только они, становятся явью, а абсурд служит средством испытания пределов жизнеспособности человечества.

80. Перспективы феминизации: либо переход от нее к ментально мужскому оперированию информацией, либо — занавес на истории человечества. Продвижение к жизнеутверждающему сценарию пока не наблюдается.

Литература

1. Горбачев А.Ю. Философский дневник (2002—2013 гг.). Философские статьи и тезисы. Минск: Издатель А.Г. Печенко, 2014.

References

1. Gorbachyov A.Yu. Philosophskij dnevnik (2002 — 2013 gg.). Philosophskie statji i tezisyy. Minsk: Izdatel A.G. Pechenko, 2014.

В.Н. ИВАНОВА

Цикличность типов институциональной логики как метод регулирования социальных отношений в малых неоднородных группах*

Аннотация. Анализируется динамика социальных отношений в коллективе научно-исследовательского центра на фоне периодической смены его руководства и изменения институциональной среды в России в связи перестроечными инициативами на сорокалетнем временном лаге. Рассмотрена специфика административно-хозяйственных подходов со стороны руководителей центра к формированию творческих групп в указанном коллективе, занимающихся инновационной научно-технической деятельностью, с целью минимизации созависимости между членами таких групп и активизации индивидуальности у их членов за счет устранения социального доминирования и вовлечения в инновационный творческий процесс членов группы различных психологических типов. Представлен анализ цикличности этапов и форм институциональной логики в данном научном коллективе. Предпринят поиск оптимальных социальных форм взаимодействия коллектива и его руководителя с целью минимизации обратных отрицательных социальных связей. Рассмотрены возможности цикличности смены форм институциональных логик

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Иванова В.Н. Цикличность типов институциональной логики как метод регулирования социальных отношений в малых неоднородных группах // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 230—244.

внутри научного коллектива в интересах реализации более продуктивных инновационных решений за счет исключения либо минимизации социальной конфликтности.

Ключевые слова: социальные отношения, инновационная деятельность, институциональная среда, институциональная логика, социальные конфликты, управленческие стратегии, цикличность, индивидуальность, ассоциативное мышление, обратные социальные связи, временной лаг.

Abstract. The article analyzes the dynamics of social relations in the staff of the research center against the background of periodic changes in its leadership and changes in the institutional environment in Russia in connection with perestroika initiatives at a forty-year time lag. The article considers the specifics of administrative and economic approaches on the part of specific managers of the center to the formation of creative groups in the specified collective engaged in innovative scientific and technical activities, in order to minimize the codependency between the members of such groups and to activate the individuality of their members by eliminating social dominance and involving in the innovative creative process members of the group of various psychological types. The article presents an analysis of the cyclical nature of the stages and forms of institutional logic in this research team. The search for optimal social forms of interaction between the team and its leader is undertaken in order to minimize the reverse negative social connections. The article considers the possibility of cyclical changes in the forms of institutional logic within the research team in the interests of implementing more productive innovative solutions by eliminating or minimizing social conflict.

Keywords: social relations, innovation activity, institutional environment, institutional logic, social conflicts, management strategies, cyclicity, individuality, associative thinking, social feedback, time.

УДК 316.472:316.613
ББК 60.54

Инновационная деятельность научных и коммерческих организаций способствует интенсификации экономического роста страны, несмотря на негативное воздействие глобальных вызовов в сфере и экономики, и политики, и социальных отношений. При этом возникает острая необходимость устранить или минимизировать

социальные ограничения и издержки, возникающие вследствие социальной конфликтности в творческих коллективах организаций. Далее рассмотрим возможности реализации именно бесконфликтных социальных отношений в инновационной деятельности.

Отметим, что различие между прямыми и обратными социальными связями разного знака состоит в том, что обратные социальные связи возникают и проявляются внутри инновационного (творческого) коллектива, тогда как прямые формируются на предыдущих этапах развития общества, хотя и воздействуют на указанный коллектив постоянно. Но такое воздействие принимает конкретные формы на основе специфичной институциональной логики, свойственной исключительно данному коллективу как малой неоднородной группе [8].

Феномен знания в понимании его как научно-технического ресурса представляет собой ресурс нерастрачиваемый, и при этом он обеспечивает экономическое и социальное развитие общества благодаря задействованию сильных положительных обратных связей. Эти связи позволяют в свою очередь реализоваться экстернальному эффекту. Но существуют и отрицательные обратные связи. Интенсивности обратных связей и их знаки определяются как экономическими факторами, так и институциональной логикой внутри данного коллектива в данный промежуток времени. При этом — чем шире спектр типов институциональных логик, тем шире и спектр обратных связей, поскольку первый спектр предопределяет второй.

Знания социальные, в отличие от знаний естественнонаучных, предопределяют динамику инновационной деятельности, тогда как первые ответственны за потенциал такой деятельности. А вместе те и другие связи формируют комплексную систему, которая обладает уже свойством диверсификации, т. е. когда недостаток интенсивности одного типа обратных связей может быть компенсирован увеличением интенсивности связей другого типа. Но конкретный механизм подобной диверсификации предполагает и конкретный этап инновационного развития. Поэтому определенному этапу инновационного развития будет соответствовать определенный оптимальный тип институциональной логики.

Обоснованность подобного взгляда на цикличность развития и на смену форм институциональной логики можно проследить на историческом опыте появления и динамики фундаментальных противоречий (см.: [1 — 3; 5]). Диалектический анализ такого опыта

свидетельствует, что одной из возможностей разрешения фундаментальных противоречий, в том числе и социальных, является *разнесение подобного развития в пространстве и во времени*. В качестве пространства будем понимать сферу разнообразия распространения форм институциональной логики, а время определять в его прямом физическом смысле.

Специфика научно-технического знания, в отличие от знания социального либо другого гуманитарного, заключается в его свойстве интеллектуального товара, у которого всегда бывает собственник. В то же время такое знание в большинстве случаев на современном этапе развития общества является результатом коллективного творчества. А это уже создает прецедент для противоречия экономического и социального плана. Такое противоречие является формой обратной отрицательной социальной связи, поскольку заранее нельзя предвосхитить ни коммерческий потенциал будущего знания, ни творческий вклад того либо иного участника инновационного процесса, в результате которого знание и появляется. Такое противоречие само по себе уже ограничивает творческую инициативу членов коллектива. Но указанный выше путь разнесения инновационного процесса по созданию нового научно-технического знания как во времени, так и в пространстве позволяет, на наш взгляд, частично смягчить это противоречие.

Рассмотрим реализацию подобного управленческого подхода на примере истории конкретного научного коллектива в одном из московских исследовательских центров. Автор настоящего исследования имел опыт многолетней работы в этой научной организации в качестве инспектора по кадрам. В нашу компетенцию входили вопросы как текущей кадровой работы, так и оформления документов для Пенсионного фонда РФ бывшим сотрудникам, выдача заработной платы сотрудникам, а также неизбежное знание всех действительных причин как приема, так и увольнения. Организация эта небольшая (существует и в настоящее время), поэтому весь коллектив сотрудников был у инспектора по кадрам на виду.

Анализ почти 40-летнего опыта деятельности «Научно-исследовательского центра по изучению свойств поверхности и вакуума», ранее относящегося к Госстандарту СССР, а в настоящее время являющегося акционерным обществом и занимающегося исследованиями в области метрологии — АО «НИЦПВ» (см. информацию о нем на сайте www.nicpv.ru), дал возможность сформулировать некоторые

положения, которые позволяют проследить закономерности творческой активности коллектива указанного центра и связать ее с результатами коммерциализации полученного научно-технического знания, а именно:

- межличностная атмосфера внутри малой группы при ее инновационной активности подвержена циклическим изменениям, которые определяют этапы зарождения инновационного знания, его апробацию и последующую коммерциализацию, форма же таких отношений внутри конкретного цикла обязана личностным особенностям формального руководителя такой группы;

- наличие последовательности в смене атмосферы межличностных отношений, состоящей из трех этапов, которые можно охарактеризовать следующим образом: а) на первом этапе создания структуры вновь образываемого научного коллектива преобладают либеральные подходы по организации иерархической научной структуры подразделений и формированию межличностных отношений, тон которых задает лично директор-основатель; б) на этапе собственно формирования нового научного знания происходит смена руководителя, при которых формируется корпоративное мышление в практике работы всех подразделений, реализуется авторитарное руководство центром, ликвидируется любая иерархичность, все потенциальные лидеры устраняются, вводится фактически круговая порука, а заработная плата практически уравнивается; в) на этапе коммерциализации полученного ранее научного знания реализуется глубоко индивидуальная ответственность, широко применяется материальное поощрение за выполнение конкретных заданий, на разных уровнях появляются неформальные и формальные лидеры, но при этом корпоративное мышление теряется, а преобладающей формой межличностных отношений становится индивидуализм.

Описанные выше этапы социальных отношений внутри научного коллектива последовательно формируют новое знание (рис. 1):

- обмен научным опытом и информацией, налаживание межличностных связей в коллективе;

- концентрация научно-производственного потенциала всего центра на реализацию единственного крупного конъюнктурного проекта, практическое прекращение исследований в альтернативных направлениях, получение нового знания фрагментарного вида и дальнейшая консервация большого проекта как бесперспективного;

- практическая реализация отдельных фрагментов разрабатываемого ранее крупного проекта, коммерциализация таких фрагментов, постепенное ослабление научно-исследовательской активности, нарастание финансовых проблем с неутешительными для всего центра перспективами.

Институты гражданского общества как основа институциональной среды всецело определяют инновационное развитие страны. Эти институты — результат эволюции в первую очередь экономических отношений, которые уже в свою очередь ответственны за социальные отношения. Но в некоторых случаях институты гражданского общества могут формироваться и целенаправленно — через социальные инновации. Успешность подобных инноваций обеспечивается наличием ресурсов не только экономического и политического видов, но и социальных, под которыми следует понимать подготовленность социума к восприятию социальных инноваций. Иначе говоря, надстройка в виде институциональной среды может эволюционировать достаточно самостоятельно. Рассматриваемые здесь условия реализации инновационного процесса в рамках АО «НИЦПВ» представляют особый интерес, поскольку именно в сфере нанотехнологий социальные факторы в настоящее время являются решающими в успешности творческого процесса [7].

Смена институциональной логики как средства эффективной реализации инновационных проектов была распространена и в прошлых исторических реалиях, происходит она и в текущих социально-политических управленческих решениях. Так, еще при российском царе Иване IV (Грозном) началась реформа власти, когда на смену старому боярству стали приходить служивые люди, из которых впоследствии сформировалось сословие дворян. Это не обошлось без кровавого насилия в виде опричнины, но в итоге дало толчок к становлению Российского государства в качестве мировой империи. Наиболее ярко такая смена институциональной логики на государственном уровне была воспроизведена как в поступках, так и в сочинениях князя Андрея Курбского — боярина и воеводы. «Николай Михайлович Карамзин, как известно... прочел Курбского и усвоил его схему “двух Иванов”: хорошего при Избранной раде и плохого при самостоятельном правлении. С этого момента часть отечественных историков вот уже 200 лет смотрят на прошлое России через

очки, надетые Курбским» [6, 43]. Через подобные же очки воспринимаются отношения Сталина с Троцким, Бухариным, Кировым.

Однако подобное восприятие взаимоотношений лидеров и их соратников, замыкающееся на личностных акцентах и упускающее из внимания глубинную сущность реализуемых в это самое время социальных инноваций по смене институциональной логики, не только не дает возможности увидеть результат таких инноваций, но и искажает исторические роли тех самых лидеров, уделяя несравненно большее внимание именно их оппонентам. Если же сравнивать социальные инновации двух лидеров, то Иван Грозный реализовал смену боярства как политическую и экономическую опору государства на дворянское сословие, а Сталин — смену крестьянского сословия на сословие фабрично-заводских рабочих как опору индустриализации. И если первый использовал для этого опричнину, то второй — раскулачивание с последующей высылкой на стройки новых промышленных объектов. Обе эти социальные инновации способствовали, каждая в свое историческое время, обретению Россией сегодняшнего облика великой державы, хотя и были восприняты обществом достаточно болезненно.

И если формы институциональной логики, действующие в высших эшелонах власти, стоит воспринимать как источники будущих изменений институциональной среды, то институциональная логика в малых социальных группах является уже следствием подобных изменений, т. е. социальных инноваций более высокого уровня. При этом стоит заметить, что прямого копирования, пусть даже со временем, институциональной логикой практик институциональной среды, как правило, не встречается в реальной жизни. Именно этот постулат мы и попытаемся эмпирически обосновать. На рис. 1 представлены те формы социальных отношений, которые были задействованы при реализации конкретных циклов институциональной логики.

Несомненно, основание АО «НИЦПВ» было в свое время инновационным проектом по разработке «высокоточных средств измерений и методов контроля технологических процессов и качества изделий общей техники и продукции народного потребления» [4, 3]. Именно такая формулировка присутствует в распоряжении Совета Министров СССР от 07.08.1980 г. № 15-62-РС (приказ Госстандарта СССР от 15.09.80 г. № 058) о создании этого центра. По штатному

расписанию на 1989 г. этот центр, в то время именовавшийся «Все-союзным центром по изучению свойств поверхности и вакуума», уже имел в своем составе 265 человек исследовательского персонала и 27 человек административно-управленческого.

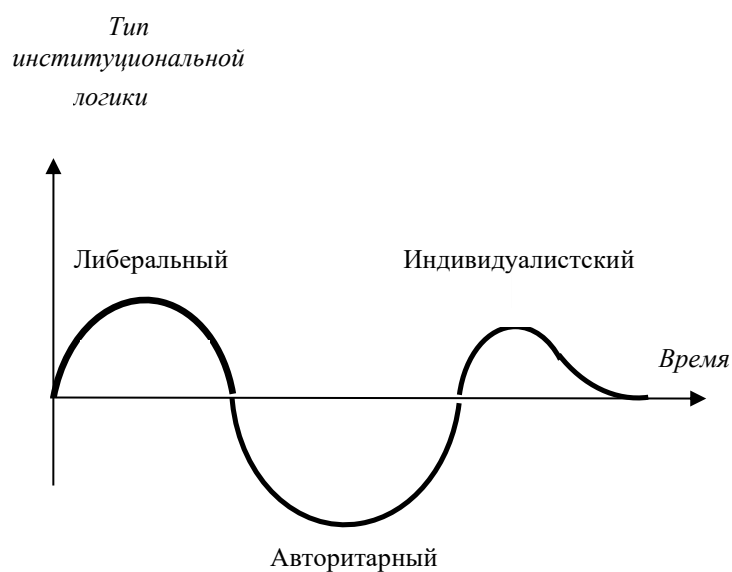

Рис. 1. Последовательность циклов институциональной логики при воспроизводстве инновационного знания в малых неоднородных группах: цикл либеральной логики — выстраивание научной иерархии в творческих группах, упорядочивание накопленного знания, структуризация информации; цикл авторитарной логики — ликвидация научно-иерархической структуры, введение коллективной ответственности по типу круговой поруки, разработка нового инновационного знания; цикл индивидуалистской логики — преобразование вновь полученного знания в товарную его форму, введение бюрократической иерархии с ответственностью индивидуальной

Сами же научные коллективы структурировали свои накопленные знания, дополняли их новыми достижениями, при этом формируя собственную социальную иерархию по типу той, что была ранее широко представлена в чисто академических институтах. Иначе говоря, сам центр был ведомственной научной организацией, но по стилю работы, взаимоотношений, гарантированному финансированию был идентичен академической структуре, самое главное с социальной точки зрения в которой — доверительные отношения между сотрудниками, отсутствие явного карьеризма, целостное погружение в научные исследования. Естественно, все это было осуществлено благодаря специфическим социальным отношениям на стадии создания и внутреннего формирования самого центра, т. е. здесь явно просматривается социальная обратная связь. В таких условиях центр функционировал чуть меньше десяти лет — это был первый демократический цикл согласно схеме, представленной на рис. 1.

Особенностью социальных отношений между сотрудниками центра в тот период была атмосфера либеральности — в области финансирования, принятия решений отделами по направленности своей деятельности, внутреннего трудового распорядка, доступности подработок в виде преподавательской деятельности в вузах Москвы и Подмоскovie, выезда с докладами на международные конференции, т. е. в центре был реализован комплекс либеральных форм деятельности, аналогов которому где-либо найти было практически невозможно. Центр был молодым по времени создания и восприимчивым ко всему новому как в науке, так и в экономике страны в целом. При этом, хотя инновационные научные проекты в центре продвигались достаточно успешно, к сожалению, ни один из них не был доведен до внедрения в производственную практику. Причин здесь несколько. С одной стороны, для больших проектов не хватало кадрового и приборного ресурсов, а для малых — заинтересованности у потенциальных потребителей. С другой стороны, достаточно высокие заработные платы у сотрудников центра не способствовали проявлению энтузиазма. И, конечно, основной фактор — невосприимчивость экономики бывшего СССР к инновациям в принципе.

Следующий этап — авторитарный цикл в жизни научного коллектива центра с новым руководством — продлился около 15 лет. Именно на этот период пришлась российская перестройка с ее большими проблемами и для страны в целом, и для научных исследований в особенности. В первую очередь сказались ограниченное

ведомственное финансирование научных разработок, которыми как раз и занимался центр, а также большой соблазн для сотрудников со стороны коммерческих фирм и возможностей командировок в страны дальнего зарубежья. А поскольку с самого начала центр был сформирован из уже слаженных научных коллективов, пусть и не очень больших, то эти самые коллективы, в количестве трех, сумели выделиться в самостоятельные юридические лица, сохранив свою тематику, но сориентировав ее не на фундаментальные исследования, а на реализацию научно-технических услуг в сфере измерений.

Но наиболее болезненным фактором для существования центра оказалась обеспеченность помещениями. Их было несколько, разбросанных по всей Москве и находящихся в аренде у различных государственных и муниципальных структур. А поскольку на этапе перестройки именно нежилые помещения стали очень востребованы, то центр стал их постепенно терять. В итоге центру пришлось арендовать две-три комнаты в двух академических московских институтах.

Это была стартовая точка для нового этапа — своего помещения нет, многие работники уволились, финансирование от Госстандарта перекратилось. Но остались костяк сотрудников по двум научным направлениям — электронной микроскопии и измерительной фазометрии, а также небольшое число вспомогательного кадрового ресурса. Именно на базе последнего новым руководством был сформирован орган по сертификации (как обязательной, так и добровольной) пищевой продукции, который и позволил центру выжить в самые первые годы перестройки.

Отношения в тот период между руководством центра и оставшимися рядовыми сотрудниками строились на доверии, взаимовыручке и, в конечном счете, на голом энтузиазме. Все сотрудники в то время были, по сути, равны, несмотря на формальные должности, оставшиеся с прошлых времен, получали маленькую, практическую одинаковую, зарплату, сидели «стол-в-стол» в маленьких арендованных комнатах. Иначе говоря, жили как одна семья. И только это позволило сохранить и сам центр, и перспективу для сотрудников в будущем. А будущее не заставило себя долго ждать.

Были налажены взаимоотношения с теперь уже Росстандартом, рядом академических институтов, ведущими вузами Москвы, Министерством науки и образования, что в итоге позволило уже к началу 2000-х гг. сформировать центр в совершенно новом качестве

— со своим отремонтированным лабораторным помещением в 550 м² в престижном районе Москвы, совершенно новым импортным оборудованием для работ по электронной микроскопии. А уже в 2004 г. ведущие сотрудники центра во главе с новым руководством, совместно с несколькими сотрудниками других научных организаций и вузов, были удостоены Премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, в частности, за исследования и разработку приборной базы в интересах метрологического обеспечения нанотехнологий.

Причин, по которым достаточно быстро и успешно удалось возродить центр, было несколько. Во-первых, это субъективный фактор в виде особого рода социальных отношений между руководством и сотрудниками центра. Эти отношения, складывающиеся на основе опыта совместных усилий по сохранению «на плаву» самого центра в самый тяжелый для него период, и позволили руководству снискать надежную поддержку всех его инициатив у коллектива центра. Кроме того, именно на конец 1990-х и начало 2000-х гг. приходится активный спрос на инновационные исследования и конструкторские разработки со стороны государственных учреждений, поскольку старые научные структуры в большинстве своем растеряли и кадры, и ориентиры в научном поле, а новых структур в требуемом количестве еще не возникло.

Здесь явно просматривается авторитарный тип руководства центром, который всплыл как бы из ниоткуда, но вписался в практику работы центра вполне естественно. Да и в стране-то в это время расцветала перестройка, а с ней и все мыслимые и немыслимые демократические начала. Всему здесь виной та самая вынужденная сплоченность коллектива центра между собой, возникшая в трудные времена его выживания, и использование этой сплоченности и доверия в достаточно узких личностных интересах его руководителя.

Для иллюстрации текущего момента истории центра приведем некоторую статистику. Списочная численность всех сотрудников, которые когда-либо работали в центре в период со дня его основания в 1981 г. до его тридцатилетнего юбилея в 2011 г. — 901 человек (согласно архиву отдела кадров центра). Максимально в центре одновременно работали до трех сотен человек, в период его первого кризиса в начале перестройки — несколько десятков, а на сегодня, в период второго кризиса, — всего полтора десятка. По этому показателю, можно считать, что центра-то и нет. Однако, несмотря на это,

центр является монополистом в важных областях аттестации средств измерений: во-первых, только у него есть право на сертификацию электронных сканирующих просвечивающих микроскопов (естественно — зарубежных, так как отечественных не выпускается); во-вторых, только он аккредитован на поверку и калибровку акусто-эмиссионных датчиков, которые в количествах тысяч стоят на атомных электростанциях, нефтепроводах и т. п. И все это благодаря тому, что центр имеет уникальное, созданное в нем самом, измерительное оборудование, которого больше нет нигде в стране, а может, и в мире вообще. В центре работают, пусть всего в количестве 3—4 человек, высококлассные специалисты, обладающие широким спектром навыков научных исследований. И самое главное — там реализован особый социальный климат доверия и взаимопомощи как между самими сотрудниками, так и между сотрудниками, и руководителем, в лице того самого — восьмого (последнего на сегодняшний день) — директора.

Интерес представляет вопросы — а как все это в итоге получилось? Здесь сказался возраст работников центра — всем уже за шестьдесят, им чужды карьерные амбиции, получают они достаточно небольшую зарплату, и их работа, как говорится, держится на энтузиазме высококвалифицированных специалистов. Поскольку центр давно уже приватизирован, то его акционеры заинтересованы только в прибылях, которые они получают через кредиты, закладывая и перезакладывая в банках помещение центра и его уникальное оборудование. Так что институциональная логика, в условиях которой работает центр, опять вернулась к либеральным формам, и уже эти формы приносят, пусть и не такую большую, но отдачу в виде морального удовлетворения коллективу центра, а также посильный вклад в экономику страны, осуществляя коммерциализацию ранее реализованных центром инновационных проектов.

Представленный выше анализ показывает, что специфика социального фактора на уровне институциональной среды для страны в целом и специфика институциональной логики как социального фактора, распространяющего свое воздействие на конкретный локальный коллектив, чаще всего находятся в противофазе с точки зрения регламентирующих поведение соответствующих социумов установок, ограничений и практик. Подобный дисбаланс вызван инерционностью институциональных логик как сферы сугубо социально-производственных отношений по сравнению с более динамичными

изменениями институциональной среды, облик которой во многом обуславливается, наряду с социальными факторами, в основном экономико-политическими факторами. А экономика как первичный фактор в эволюции сообществ, при этом определяющий в основном формы перераспределения материальных благ, а поэтому и сильно политизированный, менее подвержена инерционности.

Кроме того, величина указанного дисбаланса между практиками институциональной среды в общественной формации в целом и практиками институциональных логик в конкретном хозяйственном сообществе определяется в основном индивидуальными приоритетными установками личности руководителей таких сообществ. Последние формируются на предыдущих этапах институциональных практик и несут в себе те либо иные анахронизмы с точки зрения действующих институтов и социальных практик.

И, наконец, смена руководителей конкретного хозяйственного сообщества влечет за собой смену институциональной логики в таком сообществе, что при относительно неизменном составе рядовых членов такого сообщества может в итоге приводить как к положительным сдвигам в социальных отношениях между членами сообщества, так и к усилению в них социальной конфликтности. Подобная смена институциональной логики может при этом носить циклический характер, что позволяет использовать ее как инструмент интенсификации инновационного потенциала в данном хозяйственном коллективе за счет минимизации указанной социальной конфликтности.

Литература

1. *Иванов А.А.* Институциональные ограничения реформирования России: истоки и пути преодоления // Постреформизм и развитие / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.; Киев; Ирпень: Издательско-информационный центр Национального университета ГНС Украины, 2013. С. 237—243.

2. *Иванов А.А.* Об основном противоречии глобализации // Материалы конференции «Хозяйствующий субъект: новое экономическое состояние и развитие» (ЯрГУ имени П.Г. Демидова). Ярославль: концерн «Подати», 2003.

3. *Иванов А.А.* Образовательный процесс и либеральная концепция // XXI век: интеллект-революция: монография / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.; Киев: Издательско-

информационный центр Национального университета государственной налоговой службы Украины, 2012. С. 386—394.

4. Концепция перестройки научной и производственной деятельности НПО «ЭЛТЕСТ» в 1989—1995 гг. М.: Издание Государственного комитета СССР по стандартам, 1989. 46 с.

5. *Наливкина Е.В., Иванова Е.Н.* Элитарные национальные сообщества и экономический рост // *Предприятия России в транзитивной экономике. Материалы межд. научно-практ. конф. Ч. 2.* Ярославль: концерн «Подати», 2002. С. 49—52.

6. *Филюшкин А.* Слово и дело князя Курбского // *Дилетант.* 2013. № 5 (17). С. 38—43.

7. *Фролов Д.П.* Институциональная логика технологического прогресса (случай нанотехнологий) // *Журнал институциональных исследований.* 2012. Т. 4. № 1. С. 49—64.

8. *Шмерлина И.А.* «Институциональная логика»: критический анализ направления // *Социологический журнал.* 2016. Т. 22. № 4. С. 110—138.

References

1. *Ivanov A.A.* Institucional'nye ogranicheniya reformirovaniya Rossii: istoki i puti preodoleniya // *Postreformizm i razvitie / Pod red. YU.M. Osipova, E.S. Zotovoj.* Moskva; Kiev; Irpen': Izdatel'sko-informacionnyj centr Nacional'nogo universiteta GNS Ukrainy, 2013. S. 237—243.

2. *Ivanov A.A.* Ob osnovnom protivorechii globalizacii // *Materialy konferencii «Hozyajstvuyushchij sub"ekt: novoe ekonomicheskoe sostoyanie i razvitie» (YArGU imeni P.G. Demidova).* YAroslavl': koncern «Podati», 2003.

3. *Ivanov A.A.* Obrazovatel'nyj process i liberal'naya koncepciya // *XXI vek: intellekt-revolyuciya: monografiya / Pod red. YU.M. Osipova, E.S. Zotovoj.* M.; Kiev: Izdatel'sko-informacionnyj centr Nacional'nogo universiteta gosudarstvennoj nalogovoj sluzhby Ukrainy, 2012. S. 386—394.

4. Концепция перестройки научной и производственной деятельности НПО «ЭЛТЕСТ» в 1989—1995 гг. М.: Издание Государственного комитета СССР по стандартам, 1989. 46 с.

5. *Nalivkina E.V., Ivanova E.N.* Elitarnye nacional'nye soobshchestva i ekonomicheskij rost / *Predpriyatiya Rossii v tranzitivnoj*

ekonomike. Materialy mezhd. nauchno-prakt. konf. CH. 2. YAroslavl': koncern «Podati», 2002. S. 49—52.

6. *Filyushkin A.* Slovo i delo knyazya Kurbskogo // Diletant. 2013. № 5 (17). S. 38—43.

7. *Frolov D.P.* Institucional'naya logika tekhnologicheskogo progressa (sluchaj nanotekhnologij) // Zhurnal institucional'nyh issledovanij. 2012. T. 4. № 1. S. 49—64.

8. *SHmerlina I.A.* «Institucional'naya logika»: kriticheskij analiz napravleniya // Sociologicheskij zhurnal. 2016. T. 22. № 4. S. 110—138.

V

**РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ**

В.К. КОРОЛЕВ

**Энциклопедия философии хозяйства (Ю.М. Осипова):
экзистенциальный «ракурс»***

Аннотация. Автор приводит свои размышления по «крайнему» творению Ю.М. Осипова, в котором, как в новом прочтении философии хозяйства, усматривает дух экзистенциализма. Главное внимание уделено авторскому от него «позитивному» отличию, что позволяет характеризовать творчество Ю.М. Осипова как неоекзистенциализм, наполняющий экзистенциальное, формальное Ничто неким «Инойным» содержанием, требующим, однако, своей категориально-парадигмальной «цифровой» конкретизации.

Ключевые слова: философия, хозяйство, философия хозяйства, метафизика, софиософия, экзистенциализм, Иное, цифровизация.

Abstract. The author presents his reflections on the «extreme» creation of Y.M. Osipov, in which, as a new reading of the «Philosophy of Economy», he sees the spirit of existentialism. The main attention is paid to the author's «positive» distinction from it, which allows us to characterize Yu.M. Osipov's work as a neo-existentialism that fills the existential formal Nothing with some Another content, requiring, however, its categorical and paradigmatic digitalization concretization.

Keywords: philosophy, economy, philosophy of economy, metaphysics, sophiosophy, existentialism, Another, digitalization.

УДК 330:1
ББК 65в

* Отклик-размышление на книгу Ю.М. Осипова: Отшельник, или Вестник не от мира сего. Антироман. Иное об Ином. М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. — 736 с.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Королёв В.К. Энциклопедия философии хозяйства (Ю.М. Осипова): экзистенциальный «ракурс» // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 247—254.

Вам, господа, ничуть не понравится,
ибо здесь — правда (С. 635)!
Но это — неправда: понравилось!

В своем поздравлении Ю.М. с 80-летием я, проявив неизбывную наивность, желал ему некоего обобщения своих размышлений по поводу современного бытия философии хозяйства. Мудрый виновник торжества, конечно, и сам понимал такую необходимость, подготовив к юбилею сборник со странным, на первый взгляд, оксюморонным названием. В чем его умысел, ведь Отшельник уходит от Мира, а Вестник — идет к людям?

Действительно Ю.М., и вдруг — отшельник? Основатель и уважаемый лидер оригинальной научной школы, ЦОН, лаборатории философии хозяйства, одноименного журнала, автор десятков монографий, многих сотен статей, активнейший участник научной жизни МГУ, инициатор ежегодных научных мероприятий, имеющий десятки учеников и сотни почитателей, безгранично доброжелательный в своей научной коммуникабельности, с большим опытом «общественной жизни», и прочее, и прочее...

Естественно, тут возникают два вопроса. Первый: как понимать это его отшельничество? Это — не кокетство мудреца, а констатация того (печального, но знаменательного) факта, что автор «...хоть в нашенском миру, среди всех и как будто бы как все, но при этом он все-таки не среди всех и все-таки он не как все — от того-то и отшельник он как иновидец, инознатец и иновестник, несносный для многих самозванный и дерзкий отщепенец, отважный и стойкий первопроходец. Он все равно... один — наедине со своим, слишком особенным <...> иным сознанием» (С. 16). «Как же тут не стать и не быть отшельником..?» (С. 17).

Вопрос второй: ну, и зачем такому «отшельнику»-«иновоззренческому бастарду», «волхву-метафизику» «коварная юдоль» многолетнего вестничества как воистину «сизифов труд» — вновь и вновь нести человеку некую Весть не от «мира сего», открывающую тайну всего и вся, которую разгадать человеку нельзя, но к которой он может ненароком приблизиться, рискуя как и от нее не оторваться, так и в ней исчезнуть? Конечно, «море не подожжешь», но прометеев огонь никто не отменял! Как говорится, «Dum spiro, spero»! Своим творчеством автор показывает, что не только надо, но и необходимо нести, пусть в надежде только на «посвященных», весть об Ином, видит в этом свою судьбу, Божью «спасительную кару»! Это духовное,

мессианское самопожертвование воистину достойно не просто уважения, а преклонения!

Эта книга, как и все творчество Ю.М., не для «широкого» читателя, она предназначена «...для глубоких, затяжных раздумий, ныне уже практически и невозможных...», но таких нужных для нашего кризисного мира. Богатый материал для этого и находится в «Антиромане», этой «нарочито бездонной дыре, глумливо в себя манящей», очередной «книге о знании незнаемого и незнании знаемого, ИноКниге» (С. 672), «книге-лабиринте» (С. 699), с рассказом о рождении не просто нового, а воистину иного воззрения на мир, бытие, жизнь, на человека с его сознанием, думами и выдумками, его экзистенцией, хозяйством, деяниями, культурой, историей — обо всем гуманитарном. Полагаю, в этом своем качестве «Отшельник...» можно считать своего рода *энциклопедией* авторской софийной метафизики, охватывающей софиасофию, полилектику и философии хозяйства!

Автор прямо говорит, что его творение — жанрово разншерстное, внешне лишённое единого формо-технического замысла и как будто не обладающее уникальной смысловой композицией. Антироман — «сама-себе-книга», с собой же непрерывно дискутирующая, обремененная благим отшельничеством и инфицированная не таким уж благим неотмирным вестничеством» (С. 467). Вместе с этим нельзя не согласиться с автором: «книга сия вовсе не конгломерат, не сборная солянка, не ловкое попурри из не спетых песен, а собрание хоть и разного, но вполне себе друг другу сродственного, вышедшего из одного идейно-концептуально-воззренческого очага» (С. 468).

Будучи испытателем — по совокупности — четверть вековых, спровоцированных Ю.М. умственных сладостных мучений, читателем, определенно «нешироким», хочу поделиться своим *восприятием* «антиромана» как очередной лекарственной дозы осиповской философии.

Полагаю, нет смысла «разбирать» все богатство высказанных в нем «иномыслей», приводить какие-либо комментарии, дискуссии, оценки, замечания по содержанию этого труда. «Отшельник...» представляет их новое прочтение самим автором, за которым читателю не принципиально угнаться, оригинально итожит (переосмысливает), изложенное ранее Ю.М., полный список работ которого приведен в разделе «Кредо» (С. 611—612). На ряд монографий — «Иное», «Requiem», «Обретение», «Наедине с Софией», «Белые

скрижали» — я делал содержательные отклики в журнале «Философия хозяйства», нет смысла повторяться.

Кроме того, творчество Ю.М. принципиально не предназначено для квазиклассического ментального анализа: оно может (софийно) открываться — или нет, и это является не недостатком, а спецификой «осиповщины». Но, будучи «профессиональным» философом, не могу не дать некую парадигмальную «привязку» (извините, Ю.М., без этого любое (по)знание становится неким «облаком») к сложившейся системе философского знания: полагаю, творчество Осипова — и «Отшельник...» тут является серьезной уликой — носит во многом *экзистенциальный* характер, прежде всего, — в кризисной необходимости и неизбежности поиска выхода в «Иное» в его оригинальной авторской трактовке. (Для этого нет необходимости вдаваться в соотнесение софиасофии с различными вариантами экзистенциализма; достаточно иметь в виду его культурный пафос, философскую идеологию, фундаментальные положения [1].)

Для обоснования этой гипотезы спроецируем содержание «Отшельника...» на основные идеи экзистенциализма. Во-первых, начнем с формы: они часто выражены (прежде всего, А. Камю, Ж.-П. Сартром, М. Хайдеггером) не столько научно-теоретическим, сколько символическим, художественно-мифопоэтическим языком, превосходящим язык рационалистического интеллектуализма классической науки и философии. Для философского стиля мышления экзистенциализма, часто использующего для своего выражения язык искусства, характерно стремление «схватить» бытие как нечто непосредственное, преодолеть рационалистическую ограниченность интеллектуализма. Это в значительной мере можно отнести и к творчеству Ю.М.: изложение своих «измыслов» у него вполне экзистенциальное — литературно-художественное, эссеистское.

Второе. Главная проблема экзистенциализма — бытие Человека в социуме, поиск путей выхода из его оков: от свободы «от» — к свободе «для», дающей возможность становления человека как личности в ходе духовного развития. Вторая свобода выступает как экзистенция направленности «на» — «нечто», пока отсутствующее у социального; именно это восхождение к чему-то неведомому и делает человека личностью, имеющей возможность быть «сама собой». Но разве не это, по сути дела, является экзистенциальной «интенцией» Ю.М., пусть и содержательно иной?

Третье. Это стремление выступает как тяжкое бремя жизни «против течения» социальной унификации, обрекает личность на

«одиночество в толпе»: быть свободным — означает не иметь той «позитивности», с которой она может себя отождествить в окружении «мэнов», живущих в безличном мире «как все». Это ли не «отшельничество» Ю.М.?

Четвертое. Средством прорыва из «мэнского» мира у экзистенциалистов выступает творчество — религиозное, художественное, философское. Но именно этим, вплоть до художественного творчества, а не рационалистическим философствованием, и занимается всю свою софиасофскую, «философско-хозяйственную» жизнь Ю.М.

Пятое. Нужно сказать, что экзистенциализм, рожденный осмыслением «перестроечных» социально-политических процессов-революций и мировых войн первой половины XX в., является «философией кризиса». Но разве не о кризисе *социума* и *человека* тридцать лет говорит Ю.М.?

Шестое. Содержательно в онтологии экзистенциализма *интенция* (пользуясь терминологией Э. Гуссерля) сознания трансцендентально направлена на «другое», трактуемое как некое «ничто» — «Бытие как тайну» (М. Хайдеггер), что знаменует выход кризисного сознания за свои пределы. Не является ли это «другое-ничто» аналогом Иного Ю.М.? Конечно, совпадения тут нет, у Ю.М. «Иное не значит лишь другое, не такое, отличное, хотя это все и есть, — иное — не это, так или иначе известное, общепринятое, утвержденное, затвержденное, ...это как раз то, что есть тайна, к которой, правда, можно и должно лишь немногим (единицам!) приобщиться — молча, без слов, по наитию, откровенчески» (С. 650). Итак, если «классический» экзистенциализм посылает человека в пустое Ничто, то Ю.М. говорит о некоем содержательно Ином...

Седьмое. В идеологии экзистенциализма, несмотря на постоянное трансцендентирование как загадочная «направленность-На», на акцентирование принципиальной возможности «чего-то», явно преобладает настроение не просто неустранимой неудовлетворенности наличным, но и отсутствие приемлемого для жизни человека этого «чего-то»: выход в пустое «ничто» вряд ли может вдохновить его. Да, экзистенция трактуется как возможность *выхода*, но конкретизируется она как возможность личности обрести свободу через пессимистический взгляд в себя — на свою слабость, смертность... Можно ли назвать это «позитивной программой»?

В отличие от этого, важно отметить именно «позитивный» вклад Ю.М. в развитие своих софиасофии и философии хозяйства идеологии «классического» экзистенциализма: если тот, повторимся,

упирается (негативно) в выход во «что-то-другое» как в ничто (и автор в «Отшельнике...» бегло отдал дань этой традиции словами о переходе в «ничтомир» (С. 588—589), то в целом, интенционально Ю.М. не просто декларирует надежду на (позитивный) выход из inferнального кризиса человечества, но трактует его как выход не в пустое ничто, а в инобытие, «иносознание», причем указывает на механизм перехода — через софийность, на его объективную возможность в виде «неотмирной» судьбы России. Повторюсь — Ю.М. делает это, в отличие от классиков экзистенциализма, не через противопоставление социума и человека, а через показ возможностей их «инойности» как *подлинного* существования, поиска своего, иного, познания и знания, собственного пути в жизни, недетерминированного обществом, что делает человека хозяином своей судьбы, дарит ему исковую (экзистенциализмом) свободу личности.

Наконец, восьмое, обобщающее: «экзистенциализм» философии хозяйства Ю.М. выходит за рамки классической типизации — не имеет ни религиозного, ни атеистического, ни этического, ни эстетического характера: его можно характеризовать как *неоэкзистенциализм*, в котором экзистенцией является иное.

Итак, многолетнее знакомство с Ю.М., текстуальное и личное, делает совершенно очевидным (полагаю, не только для меня), что он — личность ментально абсолютно уникальная, неповторимая. За половину века своей научно-педагогической деятельности я не встречал *ни одного* человека, которого можно поставить рядом с Ю.М. по характеру его интеллектуальности, сочетания в ней научной прозорливости и «отвязности» мифопоэтической мысли. Это хорошо видно по материалам журнала «Философия хозяйства», где публикации Ю.М. разительно отличаются от всех остальных.

В заключение хочу отметить следующее: «Антироман» носит обобщающий, даже исповедальный характер (биография, письма, перечень достижений, перифраз пушкинского «Памятника»), понятно, он был написан к юбилею, и 80 лет — возраст, достойный для «завершающих» дум. Но содержание творения убедительно свидетельствует о том, что это — явно не «дембельский альбом»! Уверен, «Отшельник...» — творение «крайнее».

В связи с этим возникает вопрос о перспективах творчества Ю.М. Конечно, ему виднее, чем и как заниматься, но понятно, что с возрастом все труднее находить мотивацию своей работе. Нахально полагаю, к следующему юбилею хорошо бы дать некую новую для предшествующего творчества, выводящую за его размыслительные

пределы, мощную идею. Что это может быть? Конечно, сама софисофия, философия хозяйства, их идеи, высказанные автором в его многочисленных трудах, являются «инойными» для «официального» социально-гуманитарного знания, причем не только экономической ипостаси, метафизически трактуя мир человеческий и самого человека не логическими и рациональными, хотя это и есть, а металогически и метарационально, софисофски — по-Иному.

На мой — малость «допущенный» взгляд — такой идеей достойна быть содержательная трансформация концепта «Иное». Во-первых, для преодоления парадигмальной трактовки «официоза» упомянутого знания уже недостаточно трактовать «Иное» как «великую неизвестность» (С. 561), противопоставлять ей загадочное определение: «Иное же есть не что-нибудь, а всего лишь... иное, без какого-либо объяснительного предиката или хотя бы синонима... его надо самому ухватить, понять, в себе отобразить, причем как именно иное. Иное — и все тут!» (С. 650). Нет, не все! Конечно, «Иное — всегда впереди», но все-таки хочется разглядеть его поближе... Может, пора приоткрыть завесу тайны Иного, дать его *иную* — парадигмальную — трактовку для софисофии и философии хозяйства как некой бессистемной, но все же «системы знаний» (имеющей, кстати сказать, свой учебный курс)? Вне парадигмальности «Наличное» и «Иное» нельзя сравнивать (как науку и миф). Отрицание (наличности) не может быть только «голым», «зряшным», оно нуждается в переходе к своей диалектической стадии, содержательной конкретизации, хотя бы для опровержения вывода: «Уже все сказал — и что же? А ничего!» (С. 638).

Во-вторых, мир быстро развивается, в нем заявляют о себе новые тенденции, векторы развития, прежде всего, цифровизация. Осиповская оригинальная — постдогматическая, постнаучная, софисофская, полилектическая — метафизика как «суждение о том, что вроде бы есть, но чего при этом и нет, как и о том, чего, казалось бы, нет, но что таки есть» (С. 640) дает методологическую возможность заявить о своем «чего» в ее трактовке — *цифровой конкретизации* иного! Ведь цифровизация — это не просто модернизация (экономики, о чем уже перестали даже говорить), а переход в новое, иное, качество бытия человека в современном мире. (Тем более, что Ю.М. едва ли не первым углядел эту суть цифровизации.) Вот и в «Отшельнике...» автор говорит о тотальной сетевой цифровизации как переводе «...реального мира в мир-призрак, в говорящее ничто» (С. 641), прозорливо замечая, что «призрак цифровизации забродил по миру,

за ним крадется призрак цифрократии, а там уже поспекает призрак цифротирании, цифрофрении» (С. 644).

Более того, (китайцы) говорят о реальной возможности 6G — цифровой эры, в которой люди перестанут отличать реальную жизнь от виртуального мира некой Метавселенной (Metaverse), объединяющей физико-биологический и цифровой миры, выступающей как система виртуальных интернет-пространств, в которой взаимодействие с сетью становится самой жизнью как игрой, которую можно исследовать и преобразовывать. В ней человеку не надо мучительно искать выход из кризиса наличности: можно просто «воткнуть в мозг электрод» и получить мир таким, каким хочется. (Святитель Василий Великий говорил: «Ад невозможно сделать привлекательным, поэтому дьявол делает привлекательной дорогу туда».)

В развитие этого возникает вопрос: не может ли эта Метавселенная захватить качество «оцифрованного» иного?

Понятно, такого «Иного» хочется избежать, нужна альтернатива этой его трактовке и перспективе. Хочется воскликнуть: «Что можете предложить, Ю.М.? Выручайте! Ваше позитивно-экзистенциальное осмысление “Иной” цифровизации может стать той пилюлей из фильма “Матрица”, которая спасает сознание человека от “цифрофрении”». Полагаю, это достойно осиповской мудрости! Да и кто (что), кроме философии хозяйства, может интеллектуально и нравственно осилить этот метаморфоз «Иного»? Такой труд стал бы яркой точкой в ожидаемом учениками и поклонниками творческом многоточии... Это «хождение по мукам» рано заканчивать! Ждем очередного откровения!

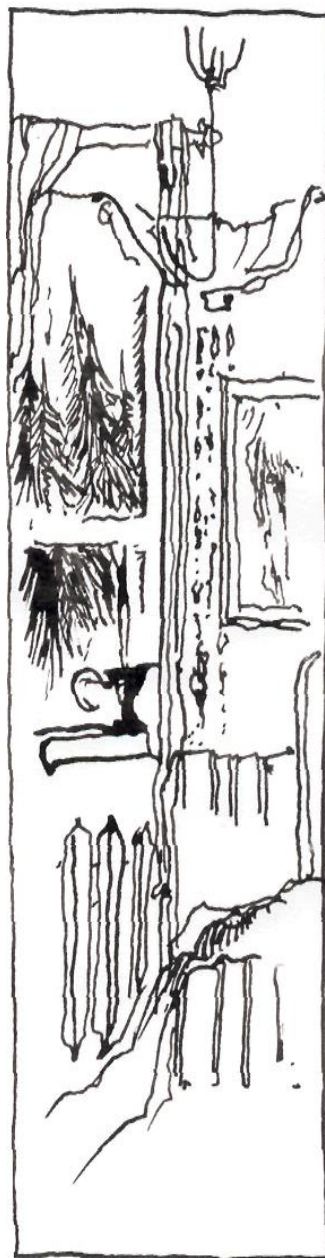
Литература

1. Гайденко П.П. Экзистенциализм // Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 5. М.: Изд. Советская энциклопедия. С. 538—542.

Referenses

1. Gaydenko P.P. Ekzistentsializm // Filosofskaya entsiklopediya. V 5 tomakh. T. 5. M.: Izd. Sovetskaya entsiklopediya. S. 538—542.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Т.С. СУХИНА

Социум России: состояние и тенденции (обзор дискуссии)*

Аннотация. Представлен обзор выступлений на секции «Социум России: состояние и тенденции», состоявшейся 9 декабря 2021 г. в рамках международной научной конференции «Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство», которая была проведена на экономическом факультете МГУ 8—10 декабря 2021 г. в режиме онлайн. На заседании были представлены доклады, в которых авторы с разных позиций охарактеризовали и проанализировали процессы и изменения, происходящие в условиях новых реалий в российском обществе с человеком и при его участии под влиянием различных факторов.

Ключевые слова: экономика, общество, человек, цифровизация, цифровые технологии, созидательный труд, система общественных потребностей.

Abstract. The review of the session at the section «Society of Russia: State and Trends», held on December 9, 2021, as part of the international scientific conference «Russia under the pressure of new realities: civilization, society, economy», which was held online at the Faculty of Economics of Moscow State University on December 8—10, 2021 is presented. At the meeting reports were presented, in which the authors characterized and analyzed from different positions the processes and changes taking place in the new realities in Russian society with a person and with his participation under the influence of various factors

Keywords: economy, society, human, digitalization, digital technologies, creative work, system of social needs.

УДК 330
ББК 65.01; 60.52

Заседание секции «Социум России: состояние и тенденции» состоялось 9 декабря 2021 г. в формате видеоконференции в рамках

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Социум России: состояние и тенденции (обзор дискуссии)// Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 257—264.

работы международной научной конференции «Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство», проводившейся на экономическом факультете МГУ 8—10 декабря 2021 г. в режиме онлайн.

На заседании были представлены доклады, рассматривающие с разных позиций процессы и изменения, происходящие в условиях новых реалий в российском обществе с человеком и при его участии под влиянием различных факторов.

К.т.н., профессор **П.П. Жуликов** (Московский финансово-промышленный университет «Синергия») в докладе, подготовленном в соавторстве с к.э.н. **О.В. Жуликовой** (средняя школа № 10, г. Чехов), на тему: «Инвестиции в человеческий капитал» отметил, что «на современном этапе развития экономики, т. е. капиталистического хозяйства, капитал стал основным и практически единственным действующим и дееспособным режиссером в театре экономических действий. Капитал субъективизировался — изменил свою сущность и превратился в глобальную, полигональную, интернациональную нейронную сеть, покрывающую все мировое хозяйство и управляющую развитием мирового сообщества через своих адептов, в первую очередь, банкиров, финансистов, программистов». По мнению докладчика, «капитал, оцифровывая театр экономических действий, создает новую реальность, которую еще предстоит осознать, в которой человек — это просто ресурсная поддержка капитала, органический элемент в его новой реальности, развитие которого надо инвестировать».

Д.э.н., профессор **М.Л. Альпидовская** (Финансовый университет при Правительстве РФ) в докладе «Избежит ли общество цифрового устранения?» рассмотрела особенности и перспективы проекта «новой нормальности». С точки зрения докладчика, «на смену общества модерна должно прийти качественно иное социо-историческое устройство по причине нарастающего кризиса современного общества, в котором система ценностей начала рушиться, и социально-экономическая организация нацелилась к терминальной стадии дисфункции. Вместе с тем, вызывает особое беспокойство, и весьма небезосновательно, что “некие” наднациональные структуры, взявшие в настоящее время контроль над всем человечеством в свои руки, не ограничиваясь обозначением причин роста народонаселения и промышленности, уходят в сферу антропологии, “назначая”

врагом человечества самого человека, и призывают к переделке природы человека — трансгуманизму, а в конечном итоге построению «нового дивного мира»». Проект новой нормальности — это сознательный проект хаотизации пространства с тотальным разрушением его структурности. Этот проект нежизнеспособен, человечество существует за счет непрерывности своей истории. Нельзя прервать историю без уничтожения самой цивилизации, подытожила М.Л. Альпидовская.

К.э.н., доцент **Е.В. Зайцева** (РЭУ имени Г.В. Плеханова) в выступлении на тему: «Духовно-нравственное единство российского общества как условие его существования», подготовленном в соавторстве с к.э.н. **П.С. Толкачевым**, подчеркнула, что «все очевиднее для многих людей становится вывод, что единство нашей страны возможно только при наличии единого духовного начала. В нравственном отношении это правило давно известно: возлюби ближнего как самого себя. А работать оно сможет при наличии единого идеала, который есть совокупность совершенств (уважение, доброта, праведность, целомудрие, скромность, послушание, кротость, смирение, и любовь, которая включает в себя все). И исторической, и экзистенциальной задачей нашего общества становится реализация этого идеала».

К.и.н. **Э. Мартин-Иогансон** (г. Лондон, Великобритания) в докладе «Трансгуманизм: технологическая сингулярность или разрушение человечества» представила критический анализ идейного содержания трансгуманизма как философской доктрины и культурно-идеологического движения. На основе критики основных концептуальных идей и философских оснований трансгуманизма была показана опасность этого движения, сопряженного с неизбежными глубокими социально-политическими, этическими рисками и онтологической угрозой, ведущей к разрушению человечества. В основе трансгуманизма лежит идея преодоления человеческих возможностей с помощью технологий. Под эгидой благих намерений для человечества трансгуманизм постулирует тезис о том, что человек не является законченным звеном эволюции и должен стать объектом искусственных изменений.

Д.и.н., профессор исторического факультета МГУ **Г.Р. Наумова** представила доклад «Экономическая история в Московском университете», в котором высказала несколько важных по-

ложений, связанных и с 80-летием экономического факультета МГУ и с предстоящим юбилеем профессора исторического факультета МГУ В.И. Бовыкина, ученицей которого Г.Р. Наумова себя считает. Особенности школы экономической истории В.И. Бовыкина, тенденции ее развития выявились через постижение его последователями социального облика российского капитализма, суть которого — в историческом представлении нашего собственного хозяйственного опыта, сформировавшегося именно в России, обусловленного нашим родословием и нашей традицией. Тема человека в экономической истории, его роль, принцип конкретности, изучение человека, истории предпринимательства — все это развивается и продолжается в исследованиях последователей В.И. Бовыкина, считает профессор Наумова.

В выступлении на тему: «Ни человечности, ни справедливости: сбились с пути» д.ф.н., профессор **А.Н. Фатенков** (Университет Лобачевского, г. Нижний Новгород) отметил, что ценностная иерархия, сформированная отечественной культурой, вполне узнаваема: «Как минимум — справедливость, как максимум — человечность. Такой опознается автором ценностная вертикаль социально-культурных ожиданий русского человека. В целом плодотворная и вызывающая симпатию, она выказывает и уязвимость, обусловленную возможной формализацией справедливости и последующей ее редукцией к эффективности. Культ эффективности, поступательно ведущий к бесчеловечности, атрибутивно присущ капиталистической системе, одним из ординарных элементов которой, увы, является сегодня Россия». Каков выход? Есть ли надежда? Для того, чтобы сделать социальный прорыв, а не скатиться в обрыв, нужна комбинация жесткости в противостоянии внешнему влиянию и раскрепощенности внутри, чтобы люди вновь стали получать удовольствие от созидательного труда, заключил докладчик.

В докладе на тему: «Россия: сетевая или суверенная?» к.ф.н. **А.А. Тарасов** (Приволжский исследовательский медицинский университет, г. Нижний Новгород) представил обоснование утверждения, что сохранение суверенитета России и развитие сети несовместимы. «В истории человечества существуют две основные формы управления обществом, две формы устройства общества — их можно назвать “правовая” и “сетевая”. “Сетевая” является более ранней и примитивной, но многое говорит о том, что именно эта форма со-

циальности сегодня возвращается, более того — процветает! — в отличие от “правовой”. Если первая форма в политико-социальном смысле соответствует “сюзеренитету”, то вторая — суверенитету. Если ты хочешь быть автономной личностью, а не повязанным контрактами и обязательствами, которые и будут тобой управлять, то есть только один выход — подчиниться какому-то высшему порядку. Мы стоим на развилке всего с двумя альтернативами — либо выбираем мета-уровень, либо зависимость. И сегодня, когда сеть называют “Мета”, нам под видом развития предлагают мимикрию примитивного сетевого общества под современное», — подытожил А.А. Тарасов.

В своем выступлении на тему: «Виртуальный мир как предмет онтологической эволюции» д.соц.н., к.ф.н., профессор **И.Ю. Фомичев** (Тюменский индустриальный университет) проанализировал традиционные антологические пространства человеческого бытия — природное, социальное, родовое, космическое — в которых субъект по-разному укореняется, при этом в данном процессе всегда латентно присутствует человек (даже как «вселенский», по выражению С.Н. Булгакова, субъект). В виртуальном же, точнее в киберпространстве, онтология субъекта реализуется в симулятивной форме и возникает в цифровом процессе как символ, как знак в информационном поле.

Д.полит.н., профессор **С.В. Бирюков** (Центр изучения России, Восточно-Китайский педагогический университет, г. Шанхай, КНР) в докладе «Стронизм и Россия: необходимость позитивной консолидации и ухода от консенсуса неразвития» отметил, что модель развития, близкая к латиноамериканской, была де-факто избрана Россией в 1991—1992 гг. в рамках «радикальной экономической реформы» (модернизация элиты вместо модернизации страны); особенности экономической, социальной и в значительной степени политической структуры нашей страны де-факто воспроизводят латиноамериканские реалии. В этой связи вопрос ставится о том, опыт какой из латиноамериканских стран был бы наиболее полезен в случае России — пиночетизм в Чили, различные варианты «социалистической модели», перонизм в Аргентине или стронизм в Парагвае. Наибольшей угрозой для России, по мнению автора, является следование стронистской «стратегии неразвития» (когда «верхи» бесконтрольны и коррумпированы, а низы маргинализированы и разложе-

ны путем многолетнего применения социал-дарвинистских практик); подобной угрозы, по мнению автора, не удастся избежать в случае отказа от модернизации в интересах страны и большинства общества.

К.э.н., доцент **Д.П. Соколов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) в выступлении на тему: «Человек в изменяющемся хозяйстве: субъект или объект?» сконцентрировался на вопросах, связанных с человеком, его ролью в современном мире. Если четвертая промышленная революция действительно приведет к массовому высвобождению умственного труда человека, в том числе и творческого, неизбежно возникает вопрос: а где здесь человек? По мнению докладчика, «ответ всегда один — в центре социально-экономической системы. Вопрос лишь в его осознании себя таковым, и, что не менее важно, в отношении к Другому как к такому же человеку, а не как к объекту удовлетворения своих потребностей и порожденных ими экономических интересов. Одной из возможных угроз в отсутствии такого осознания станет полная утрата субъектности человека (как индивида и общества) в своем же развитии — подобно тому, как бывший крестьянин обратился в бесправного наемного работника капиталистического предприятия. Но в условиях технологического развития отчуждение человека происходит и будет происходить не только в пользу собственника средств производства, но и в отношении созданного человечеством техномира. Сможет ли человек повернуться лицом к человеку? От этого будет зависеть наше будущее», — заключил Д.П. Соколов.

В докладе на тему: «Система общественных потребностей под натиском новых реалий» к.э.н., доцент **Г.В. Фадейчева**, проректор Академии труда и социальных отношений, акцентировала внимание на том, что система общественных потребностей — это система общественного воспроизводства, и ее можно рассматривать достаточно широко — как воспроизводство хозяйства, самого социума, а также в глобальном аспекте. Общественное воспроизводство изменяется, в том числе под влиянием цифровизации, появляются новые экономические формы. Происходит трансформация потребности в труде. Появляется много новых аспектов, связанных с формированием системы общественных потребностей, которые концептуально требуют соответствующих решений. Система трансформируется, трансформация происходит достаточно быстро, она касается и производ-

ства, и такой важной потребности, как потребность в труде, выдвигая на первый план вопрос о роли человека, о том, «что представляет собой человек», заключила Г.В. Фадеева.

Д.соц.н., к.э.н., профессор **Л.И. Ростовцева** (Тульский филиал РЭУ имени Г.В. Плеханова) представила доклад «Преемственность поколений как фактор стабильного развития России», в котором подчеркнула, что поступательное развитие культуры и общества осуществляется через механизмы преемственности. Мы все озабочены вопросом, что будет дальше с человеком: старое не срабатывает, новое страшит. Взаимоотношения между поколениями определяются балансом между традициями и инновациями. Сегодня важно создать новые механизмы для укрепления связи между поколениями, чтобы преодолеть неуверенность молодого поколения, потерю идентичности, связанную с цифровым кочевничеством.

К.ф.н. **С.С. Мерзляков** (экономический факультет МГУ) в докладе «Ценности российского IT-специалиста: основные результаты второго этапа исследования» представил результаты второго этапа исследования, которое проводится чтобы понять, как можно использовать ценностные особенности IT-специалистов в социокультурном развитии российского общества: что можно взять, как применить.

В докладе «Перемены в социально-трудовых отношениях» **Т.С. Сухина** (экономический факультет МГУ) обратила внимание, что «исследование взаимосвязей развития цифровых технологий и появления новых форм социально-трудовых отношений показывает, что в современном обществе прослеживается тенденция роста уязвимости и манипулируемости современного человека, в основе которой — новая парадигма занятости. Возможности, открывающиеся благодаря стремительному развитию технологий, не только вдохновляют, но и вызывают страх перед неизбежностью цифровой эпохи и ролью, уготованной в ней Человеку. Становится все более понятно, что цифровизация способна не только помочь в решении множества проблем, но и усугубить их», — подытожила Т.С. Сухина.

В докладе к.э.н. **Т.Ю. Яковец** (Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева) на тему: «Христианский социализм и современность» сформулировала и обосновала предложение разработать концепцию христианского социализма, о необходимости

которой С.Н. Булгаков писал еще в начале XX в., для реализации идей дирижизма в России. Его целью должно стать сбережение народа страны, инструменты реализации — индикативный план и социальная доктрина как его часть. По мнению докладчика, христианский социализм должен выступать в единой связке со всеми социалистическими партиями РФ.

Подводя итоги работы секции, ведущая заседание **М.Л. Альпидовская** поблагодарила участников и отметила, что «тема очень актуальная и многоплановая, нам необходимо думать о том, что происходит сегодня и что нас ждет в будущем».

* * *

22 февраля 2022 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся теоретический семинар «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Экономика сегодня: какая, чья, зачем. куда?», посвященный памяти Б.И. Пашко (в онлайн-формате). Выступили 20 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, М.В. Кулаков, К.В. Молчанов, И.В. Пшеницын, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), А.А. Гриценко (Киев, Украина), М.М. Гужев (Волжский), С.Г. Ковалев (СПб.), П.С. Лемещенко (Минск, Белоруссия), В.В. Чекмарев (Кострома); кандидаты наук О.В. Доброчеев, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.А. Починкова (Новороссийск), А.Ю. Протасов (СПб.), В.А. Ушанков (СПб.), Е.С. Зотова, Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов; научный сотрудник Т.С. Сухина; президент Фонда экономических исследований М.Л. Хазин.

* * *

Е.С. ЗОТОВА

**Экономика сегодня: какая, чья, зачем, куда?
(обзор актуальной дискуссии)***

Аннотация. Представлен обзор выступлений на состоявшемся 22 февраля 2022 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в онлайн-формате теоретическом семинаре «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Экономика сегодня: какая, чья, зачем, куда?», посвященном памяти Б.И. Пашко.

Ключевые слова: экономика, хозяйство, политико-экономическая система современной России, экономическая наука, сетевая экономика, экономическая политика.

Abstract. The article presents an overview of reports on February 22, 2022 at Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University in the online format on the theoretical seminar «Debating Problems of Modern Social and Economic Thought» on the topic: «Economy Today: Which, Whose, Why, Where?» dedicated to the memory of B.I. Pashko.

Keywords: economics, economy, political and economic system of modern Russia, economic science, network economy, economic policy.

УДК 330
ББК 65в

Организаторы традиционного теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Экономика сегодня: какая, чья, зачем, куда?», посвященного памяти Б.И. Пашко, который состоялся 22 февраля 2022 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в онлайн-формате, — лаборатория философии хозяйства и научный совет «Центр общественных наук МГУ» — сформулировали вынесенные на обсуждение проблемы так: «Неплохо бы разобраться, что есть ныне экономика, кому и чему служит,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Экономика сегодня: какая, чья, зачем, куда? (обзор актуальной дискуссии) // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 265—275.

куда идет сама и куда ведет человечество. Учебники и общепринятые, как и навязанные, доктрины не помогут. Надо думать!».

Открывая заседания, д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) отметил, что концептуальная (теоретическая, воззренческая) экономическая наука продолжает упорно рассуждать о своем любимом предмете, который в реальности, как науке кажется, вроде бы есть, но который эта наука так для себя и не установила, а потому рассуждает она либо более всего о самой себе, не утруждая себя раскрытием реальной реальности, либо о некоей мнимой реальности, которую она как целое даже вообразить не может.

«А вообще-то экономика, — подчеркнул профессор Осипов, — как целостный феномен реальности — “terra incognita”, да и не для одной экономической науки, а и даже для всех ее — сей мнимой экономики — участников, однако terra, где можно быть, действовать и даже достигать гешефтных целей.

Этакая тут бесконечная, хоть и с перерывами, игра с неизвестностью среди хаоса, но на основах и в пределах хаосмоса как неустойчивого и даже мимолетного квазипорядка. И вовсю играют, а некоторые играют и весьма успешно, проявляя не одну шулерско-игровую смекалку, но и силу власти, произвола, алчности, бессердечия, в общем, как в казино, за карточной игрой, в куче ловкачей, мошенников и ловцов дармовой удачи. И это с учетом, что есть организаторы и держатели всего этого игровско-казинового мира, его хозяева и, разумеется, главные, вполне и беспощадные, бенефициары (сейчас по преимуществу заокеанские, американские, уолл-стритовские).

Управлять игровско-казиновским экономическим хаосом довольно-таки можно, и им весьма управляют, хотя, разумеется, до некоторых пределов и пор, с выходом за которые можно “уцелевать” в качестве бенефициаров только лишь через вхождение в новый, еще больший, хаос, не минуя и катастроф, отчего не экономика ныне, пусть и экономика-фигт, а экономика — перманентный кризис, хотя точнее — экономика-катастрофа, она же и самоубийца.

Сегодня мы являемся свидетелями величайшего в истории человечества происшествия — гибели экономики, причем гибели... *от самой себя!*

Что ж, нам, уважаемые коллеги, они же земские судии и присяжные заседатели, есть о чем поговорить — о конце экономики как стоимостной модели хозяйства, производства, бытия, жизнеотправления, ибо с господством технологической цифры умрет цифра стоимостная (денежно-ценовая), а вместе с этим умрет и экономика. Как тут не вспомнить о паразитическом, загнивающем и умирающем империализме В.И. Ленина, правда, с той поправкой, что речь тут все-таки не об империализме, даже и экономическом, а о самой по себе экономике».

В начале своего доклада д.ф.н. **К.В. Молчанов** (экономический факультет МГУ) обратил внимание присутствующих на то, что на семинаре было предложено обсудить параметры экономики — это явно было указано в теме семинара. Однако не было акцентировано внимание на том, параметры *чего* именно будут обсуждаться. Что есть сама экономика? Ее корректного определения нет. Экономика, заметил докладчик, обычно понимается, в основном, в связи с производством, хотя, все же, и с учетом комплекса многих других факторов, в том числе управленческих и социальных. Но в связи с этим экономика понимается, очевидно, шире, чем производство: о ней приходится говорить с учетом системы производства, распределения, обмена и потребления. Часто экономика понимается еще шире — как общественное производство в целом, в единстве тем или иным образом перечисляемых его сторон. Иногда обсуждаются неэкономические факторы, без которых существование экономики невозможно, например, судебная система. При этом многие дополнительные и даже второстепенные положения, которые по понятным причинам не могут игнорироваться и поэтому вводятся учеными явно или косвенно в определение экономики, на самом деле приводят к разнообразным и часто противоречащим друг другу пониманиям. И, в итоге, вопрос об однозначном и корректном понимании экономики не решен, попросту не обсуждается и даже не ставится на научных форумах. Проблема усугубляется нелогичностью обозначенной ситуации. Действительно, еще Аристотель писал, что «невозможно что-либо мыслить, если не мыслить что-то одно»: когда нет однозначного и корректного понимания (определения) феномена и разные люди ведут разговор, по сути, о разном, то нельзя проводить обсуждения, нельзя осуществить познание.

Возникает еще один существенный вопрос: а на основе какой логической основы ведутся обсуждения в экономической науке, в том числе вопросов социально-экономического развития? При этом известны и другие существенные проблемы в экономической науке, например, противоречивое понимание (природы) стоимости, в более общем смысле — основы количественных соотношений при обмене товаров. Эти и другие проблемы экономической науки, как отметил докладчик, не решаются, да и, похоже, не могут быть решены на основе материалистических взглядов, лежащих в основе экономической науки, необходимы новые подходы к пониманию, определению и изучению экономики. Альтернативой, заметил докладчик, является диалектика, на основе которой он ведет авторские разработки, о которых уже докладывалось на ряде научных форумов. При этом К.В. Молчанов обратил внимание, что на настоящее время первостепенно важным является не столько совокупность положений диалектических разработок, сколько понимание необходимости отказа от существующей экономической теории, на чем и был сделан основной акцент.

Заведующий кафедрой экономической теории, к.э.н., доцент **А.Ю. Протасов** (СПбГУ) в своем выступлении на тему: «Элиты и российская модель экономики: невыученные уроки истории» обратился к вопросу об идентификации модели российской экономики, которая в процессе ее трансформации после распада СССР приобрела современную форму. По мере изменения политико-экономических условий и внешнеполитической ситуации и отношений с Западом российская элита на протяжении последних тридцати лет ориентировалась на разные варианты капиталистического устройства хозяйственного механизма страны — от попытки реализовать модель либеральной рыночной экономики в 1990-е гг. до современной модели экономики с жестким государственным, всепроникающим регулированием образца «осажденной крепости» в условиях внешних санкций.

В выступлении было отмечено, что политико-экономическая система современной России все больше напоминает не экономику в традиционном ее смысле, а постэкономику (не экономику), когда хозяйственные решения принимаются не исходя из экономической целесообразности, а в угоду политическим или другим соображениям. В таких условиях успешность экономического развития страны,

а если брать шире, то и вообще целостность страны, зависит от качества бизнес- и политических элит. Целесообразно вспомнить горькие уроки распада СССР, когда бывшая советская элита, в угоду своим собственным экономическим интересам, пошла на размен власти и целостности страны на деньги. В современной России, когда полтриллиона долларов, принадлежащих российским элитам, аффилированным с глобальным капиталом, находится на счетах западных финансовых структур, в условиях геополитической и геэкономической нестабильности, может повториться ситуация тридцатилетней давности, заметил А.Ю. Протасов.

Если обратиться к уникальному опыту советской истории, заметил к.т.н. **О.В. Доброчеев** (НИЦ «Курчатовский институт»), можно заметить, что долговременные цели хозяйственного развития формируются в симбиозе революционных социальных и естественно-научных идей. Так, начав претворять в жизнь призрак коммунизма К. Маркса, Советский Союз реализовал научную фантастику Ж. Верна и К. Циолковского по выходу человека в космос. Завершив эти два — казавшиеся в XIX в. безумными — проекта, человечество XXI в. оказалось в новой кризисной ситуации пандемии и развала мира по-американски, выход из которой нуждается в новых «научных ересьях».

«Когда, в результате наших исследований под руководством академика Б. Чертока, — сказал докладчик, — стало понятно, что следующий шаг в освоении космоса последует не ранее, чем через 80 лет, задачами нового времени могут стать космическое здоровье человека и сотовая геэкономическая структура мира, базирующиеся на открытых в конце XX в. единых для космоса и жизни физических законах природы. Достаточно вспомнить работы А. Чижевского 100-летней давности по модуляции жизни волнами солнечной активности, опыты Б. Белоусова по физико-химическому моделированию жизни 70-летней давности, а также работы последних десятилетий по физике и химии жизни: прежде всего, С. Шноля с соавторами — по дискретной изменчивости биологических образований, наши совместно с А. Серебровым — по турбулентной аналогии роста биологических тел, совместно с Д. Лиджиевым — по гидродинамической аналогии колебательной активности органов человека, а также теоретическое описание, совместно с А. Клепачем, феномена стохастического резонанса в экономических системах».

Сопоставление теоретических следствий физики жизни с опытными знаниями восточной медицины, выполненное докладчиком совместно с к.мед.н. Д. Лиджиевым, приводит к выводу, что человек — это цельное физическое явление, существующее по единым с космосом флуктуационным законам природы. Поэтому состояние организма человека, живущего по этим законам, можно назвать космическим здоровьем. Такое понимание жизни смещает акцент в сохранении и лечении человека на ансамблевую гармонизацию активности его органов и поддержание устойчивой волновой ритмики жизни в целом.

Такое направление развития здравоохранения, по мнению О.В. Доброчеева, не только обеспечит человека эффективными средствами лечения, но и заложит основы стратегии сохранения его феномена в условиях деградирующей окружающей среды. Это становится важнейшей народно-хозяйственной задачей, для решения которой потребуются не менее 18 лет и не меньшая концентрация усилий всех отраслей хозяйства, чем та, которая 60 лет назад требовалась для выхода человека в космос.

В докладе «Экономика как концентрированное выражение (заложник) политики» д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал ВолГУ) рассказал о необходимости рассматривать экономику и политику во взаимодействии, поскольку политика в известных условиях может становиться приоритетным фактором развития. В настоящее время, в частности, на примере реализации проекта «Северный поток — 2» и в целом развития в последние годы мировой торговли и внешнеэкономической деятельности, можно утверждать, что экономика стала заложником политики. В этих условиях повышаются значимость и эффективность политики для экономики России, в связи с чем, необходимо преодоление господства олигархически-криминальной собственности и поддерживающего ее клана. А для этого нужна политическая воля, заметил профессор Гузев.

Пытаясь ответить на вопрос «Какая и чья экономика?», д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (Северо-Кавказский филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону) подчеркнул, что экономика, во-первых, всегда принадлежит тем, кто в рассматриваемый период является собственником доминирующего товара, т. е., во-первых, товара, сама собственность на который позволяет присваивать определенную часть мирового прибавочного продукта, и, во-вторых, сопровождается

стяжательно-присвоенческими отношениями. Например, в прошлом это были золото (империи Карфагена и Великой Армении) или земля (Российская империя), а ныне — новые и информационные технологии. Сами изменения форм доминантного товара от золота к земле и далее — к нынешним новым и информационным технологиям — свидетельствуют о том, что движение есть, и оно ведет к тому фактору производства, который позволяет присваивать наибольшую часть современного мирового прибавочного продукта — к современному предпринимательству, подвел итог профессор Бугаян.

В своем докладе на тему: «Новое качество богатства в современном мире» к.э.н. **Е.А. Починкова** (Московский гуманитарно-экономический университет (филиал), г. Новороссийск) отметила, что сегодня богатство трактуется в большей степени не как количественная, а как качественная категория. В первую очередь, богатство связывается со свободой. Другими качествами богатства выступают: качество жизни, поддержание здоровья и возможность жить в экологических условиях, семья, возможность обеспечивать близких. И все это вместе позволяет реализовать идеи и цели. Подобное качество богатства проявляется не только на индивидуальном, но и на общественном уровне. В современном мире национальное богатство дает возможность независимости и суверенитета, позволяет противостоять эпидемиям, обеспечивает единство социума., однако всегда требуется связка с целями и идеями развития, подчеркнула Е.А. Починкова.

«От хозяйства к экономике и от экономики к постхозяйству» — так обозначил тему своего выступления к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, г. Новороссийск). Он отметил, что для того, чтобы идентифицировать «геном» современной экономики, необходимо посмотреть на нее в широком эволюционном, смысловом, логическом горизонте: прошлое, настоящее, будущее. В противном случае она рискует выглядеть как «никакая, ничья, низачем существующая и ориентированная в никуда».

Поскольку есть серьезные основания говорить о том, что сейчас крупнейшие экономики мира и мировое хозяйство в целом пребывают на историческо-логическом рубеже преодоления эпохи «экономизма», есть смысл присмотреться к логике эволюционно-диалектической спирали отрицания-отрицания: хозяйство — эконо-

мика — постхозяйство в контексте общего и особенного в хозяйстве и экономике.

К «общему» докладчик отнес динамическую совокупность совместно производящих и потребляющих субъектов, вступающих в этих процессах и по поводу них в общинно-социальные отношения (социально-экономические отношения) — при этом субъекты связаны между собой совокупностью вертикальных и горизонтальных отношений, неумолимо проявляющихся в эволюционной диалектической логике: хозяйство порождает экономику, экономика порождает хозяйство.

К «особенному» докладчик отнес доминирование хозяйства на ранней, слаборазвитой ступени развития и на постэкономической, высочайшей ступени развития, а доминирование экономики — на срединной. Критериями градации ступеней объективно являются соотношение необходимого и прибавочного продукта, соотношение физического, а также умственного труда и потребления: в хозяйстве имеет место доминирование производства и потребления в движении продукта, а в экономике — распределение и обмен.

Современная переходная эпоха в этом смысле выглядит как постепенный, противоречивый, конверсивно-реверсивный процесс преодоления экономики на пути к постхозяйству, а основными проблемами трансформации здесь выступают следующие пары отношений: человек — социум, производство — потребление, физический — умственный труд, характер и качество саморегулирования — регулирование, внутренний — внешний рынок, общество — государство. Суть проблемы, заметил профессор Кашицын, состоит в адекватности поиска, идентификации и эффективности формирующихся хозяйственных форм, организации и управления этими процессами, ну и, конечно, в креато-генезе самого этого поиска.

В своем выступлении на тему: «Переход к сетевой экономике на современном этапе цифровизации» к.э.н. **Н.П. Недзвецкая** (экономический факультет МГУ) обратила внимание слушателей на процесс преобразования традиционной экономики в «сетевую» на фоне тотальной глобализации и монополизации. Главным инструментарием сетевой экономики становятся высокоразвитые цифровые технологии, способные к функциональной обработке «Big Data» во всех отраслях национального хозяйства, начиная от промышленного сектора и заканчивая управленческим, подчиняя валютно-

финансовую область и определяя новые методы работы сферы потребления. Сетевая экономика однозначно способна функционировать «по заказу», ориентируясь на запросы потребителя, который, в свою очередь, оказывается «привязанным» к определенным серверам. Сетевая экономика стремится к максимальной минимизации издержек и установлению полного хозяйственного контроля, заметила Н.П. Недзвецкая.

В выступлении д.э.н., профессора **С.Г. Ковалева** (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) на тему: «Глобальное и суверенное: диалектика компромиса» было раскрыто взаимодействие крупнейших субъектов мирового сообщества: мировых держав, ТНК, ТНБ, и стран, действующих в пространственно-временном континууме современного мира. Докладчик представил тенденции глобализации, в том числе сжатие суверенного поля в пользу глобального, а также раскрыл противоречивые конкурентные интересы участников современного мира, в том числе политические, военные и экономические.

В докладе были показаны стратегические возможности РФ в изменяющейся экономике, констатирована потребность перехода страны к модели воспроизводства и развития, направленной на обеспечение высокой степени самодостаточности в ключевых секторах и приоритетных технологических направлениях с целью укрепления ее суверенности. При этом суверенную дееспособность экономики следует рассматривать как ее ключевую характеристику, подчеркнул профессор Ковалев.

В выступлении д.э.н., профессора **В.В. Чекмарева** (Костромское отделение Петровской академии наук и искусств) на тему: «Туннель экономической необходимости» была сделана попытка рассмотреть общий абрис темы семинара в рамках гносеологии идей Ю.М. Осипова.

Так, категории целого — мир и экономика сегодня. Обходя все знакомые и истертые определения экономики, докладчик оттолкнулся от понимания целого как некой мистической общности — общности людей, общности духовного. Целое заявило о себе в своем существовании, и тогда ответ на вопрос: «Чья экономика сегодня?» один — человеческая.

Рассматривая экономику в контексте философии «какая?», В.В. Чекмарев подчеркнул, что целое как рефлексующее себя и

движущееся к своей полноте — экономика человеческая, а неизменность роли экономики в общественном устройстве (философемы «зачем?», «куда?») в том, что целое открывается лишь смотрящему на мир его глазами. При этом смотрящий на мир должен дать себе планку понимания смысла жизни и способов жизни.

Учитывая ранее прозвучавшие теоретические положения участников семинара О.В. Доброчеева, И.Р. Бугаяна, К.В. Молчанова, профессор Чекмарев предложил определение экономики как инструмента исторически природоподобного эволюционирования человечества в пищевой цепочке биологически-вирусологической, ансамблевой гармонизации всех видов человеческой энергии в рамках волновых свойств человека.

В заключение докладчик охарактеризовал туннель экономической необходимости как возможную модель развития. По его мнению, туннельный эффект развития заключается в появлении света не только в конце туннеля, но и в результате функционирования всеобщей производительной силы общественного труда. Под экономической необходимостью В.В. Чекмарев предложил понимать конкретные экономические и социальные условия, в том числе формы организации производства вещественных и невещественных продуктов, политику государства, институты и мировоззренческую мотивацию всех участников общественного производства.

В выступлении д.э.н., профессора **И.В. Пшеницына** (г. Москва) прозвучало, что важнейшая сущностная характеристика любой экономики — ее антиприродная, антинародная направленность. Собственно, поэтому параллельно с развитием экономики неизбежно разрастаются демографические и экологические проблемы, уничтожающие народно-хозяйственный уклад. Необходимость обеспечения суверенитета России, ее защита от развитой, капиталистической экономики Запада диктуют необходимость развития национальной экономики. Задача философии хозяйства в том, чтобы не путать эту оборонительную функцию экономики с повышением качества жизни народа, к чему никакая экономика не имеет ни малейшего отношения, заметил профессор Пшеницын.

В заключительном слове ведущий заседание **Ю.М. Осипов** отметил: «Я отдаю себе отчет в известной, де, предвзятости моего представления об экономике и ее судьбе, отчего и, как бы, в нереалистичности моих об экономике заключений, однако хочу обратить

внимание на то, что реальная экономика совсем не та, о которой пекутся классики и классические учебники, а ее, то бишь экономики, бытие и судьба выпекаются не в этом, как бы видимом, а в ином, как раз вовсе и не видимом, мире, что означает, что несмотря на все еще, вроде бы бодрый, бег того, что мы называем экономикой, решение о ее все более спотыкающемся и затухающем беге, как и эсхатологическом конце, уже принято — дело лишь за временем (такой экономике все равно не быть!).

Разумеется, ни у кого, как и у меня, нет ярлыка на истину, так что каждый из нас остается со своим ярлыком на право иметь свое — как раз вполне и истинное — мнение, отчего у нас есть возможность все и не все об экономике глубокомысленно размышлять: глядь, а экономика-проказница — тут себе и тут, глядь, а ее — экономики-шалуньи — уже и нет как нет, — чего на свете и в темени зёмно-космической на самом-то деле не бывает!».

* * *

22 марта 2022 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся теоретический семинар «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «“Эпоха постправды” как правда об эпохе» (в онлайн-формате). Выступили 15 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, К.В. Молчанов, Ф.И. Гиренок, Л.А. Асланов, Г.Р. Наумова, Н.Б. Шулевский, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), В.В. Чекмарев (Кострома), В.А. Кутырев (Н. Новгород), А.И. Субетто (СПб.); кандидаты наук С.А. Марков, О.В. Доброчеев, С.А. Ермишина, В.В. Кашицын (Новороссийск), Н.И. Злыгостева (Киров), Е.В. Шелкопляс (Иваново), Е.С. Зотова; научный сотрудник Т.С. Сухина.

И.П. СМЕРНОВ

Ложь ложью спасается*

Аннотация. Автор размышляет о реакции германских медиа и немецкого общества на войну на Украине с точки зрения диалектики правды и постправды. Эти размышления подтверждаются некоторыми пророчествами Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: правда, постправда, русская мысль, Ф.М. Достоевский, война.

Abstract. The author reflects on the reaction of the German media and German society to the war in Ukraine from the point of view of the dialectic of truth and post-truth. These reflections confirm some of the prophecies of F.M. Dostoevsky.

Keywords: truth, post truth, Russian thought, F.M. Dostoevsky, war.

УДК 327; 32.019.5

ББК 63.3; 66.2

Эпоха постправды со всей очевидностью вступила в свои глобальные права, и это можно уверенно констатировать, наблюдая современные события. Русская культура очень чувствительна к концепту правды, который всегда играл в ней принципиальную роль, наглядно демонстрируя ее синтетическую направленность. Русская правда исторически представляет собой синтез истины и справедливости, причем оба слагаемых диалектическим образом относятся к области как гносеологии, так и онтологии, олицетворяя органическую взаимосвязь этих областей в русской мысли [2, 50—53]. Правда трактовалась в отечественной культуре как «единственный правый, верный себе путь жизни» (В.С. Соловьев), «жизнь в согласии с истинно сущим» (С.Л. Франк). В рамках западной мыслительной традиции правда соответствует лишь гносеологически понимаемой истине, в этом смысле она может быть только относительной. Тогда как русская правда неразрывно связана с Абсолютом.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Смирнов И.П. Ложь ложью спасается // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 276—280.

На это сравнение наталкивает нынешняя реакция немецкой медиасферы и немецкого общества по поводу ситуации вокруг Украины и, в частности, ведущихся на ее территории военных действий, которая не просто удивляет, но ошеломляет и шокирует. Следуя своей трактовке правды в качестве категории относительной, в любой актуальной политической дискуссии германский собеседник спрашивает тебя по каждому поводу: — Источник?.. Опираясь со своей стороны исключительно на немецкие или другие западные медиа, в высшей степени «независимые» и «объективные» [3], он априори объявляет все твои информационные источники русской пропагандой, что заведомо в его глазах их дискредитирует, без какой-либо альтернативы. На самом деле вера немецкого обывателя в злонамеренность «русской пропаганды» носит абсолютный и иррациональный характер, хотя сам он это обстоятельство ни за что не признает. Какова же в восприятии германского современника картина происходящих событий? Попробую обобщенно ее обрисовать.

Человечество жило в новом мировом порядке после Второй мировой войны, в мире без насилия. Хотя в этот период и происходили различные локальные войны, однако теперь — впервые в послевоенной истории — конфликт развязала одна из ядерных держав, Россия. Ее армия состоит, разумеется, из 18-летних необученных призывников, вооруженных безнадежно устаревшим («помоечным», в дословном переводе) оружием, и поэтому сдается в плен целыми частями при первой возможности. Для принятия огромного числа русских военнопленных Германия обязана, исходя из гуманитарных соображений, создать специальный безвизовый режим. Мариуполь немецкие средства массовой информации приравнивают к Дрездену, в связи с чем телевизионные программы транслируют подробные беседы с ветеранами, пережившими в детстве уничтожение Дрездена англичанами. При этом акцент делается на определенно сформулированной задаче — сборе свидетельств для будущего суда над Россией за военные преступления. Российский правящий режим все чаще характеризуется как фашистский. Утверждается, что все свои международные договоры начиная с 1990 г. наша страна не выполняла. Военная тактика российской армии, по мнению немецких комментаторов, основана в первую очередь на жутком бесчеловечном устремлении. Она исходит из того, что если завалить украинские города горами трупов мирных жителей, то Украина будет вынуждена

капитулировать. Но Россия не учла стойкость и мужество свободолюбивого украинского народа, который несмотря ни на что не сдается. Его не могут запугать ни расстрелы и бомбардировки русскими войсками гуманитарных коридоров с колоннами беженцев, ни система концлагерей для украинцев, созданная на территории России. После провала этой тактики Россия перешла к ядерному шантажу и теперь угрожает применить против населения Украины ядерное оружие. Или как минимум химическое...

На этом фантастическом фоне ставшая знаменитой речь Олафа Шольца 27 февраля 2022 г. в бундестаге представляется немецкому наблюдателю вполне логичной: сегодня Германия имеет полное право забыть о своем историческом чувстве вины за Вторую мировую войну, оно перечеркнуто «зверствами России». Чтобы обосновать и утвердить эту позицию, в ход идут любые приемы, включая самые беззастенчивые и курьезные фейки. Чем чудовищнее ложь, тем проще в нее поверят, как утверждал доктор Геббельс. Снимки с разрушениями Донецка выдаются за снимки Киева, загримированная любительская актриса Марианна Подгурская — за жертву нападения российских войск на роддом в Мариуполе, старые кадры бомбардировок Ливии или Сирии — за кадры бомбардировок украинских городов, невзирая на зеленую растительность на них вместо задержавшегося на Украине мартовского снега. В сознании немецкого обывателя русские танки подошли к Запорожской АЭС, крупнейшей атомной станции Европы, и в упор расстреляли ее ядерные реакторы. Неважно, что в реальности уже за несколько дней до этого АЭС была практически без сопротивления взята под контроль российскими войсками, именно с целью избежать провокации. Русские самолеты сбиваются якобы десятками, визуальным подтверждением чему служит слегка подправленная графика из популярных компьютерных игр.

Соответственно, психологическая атмосфера, царящая сегодня в Германии, близка к коллективной истерике, которая подчинена ясно выстроенному сценарию. Уровень праведной экзальтации просто пугает, она не позволяет большинству немцев адекватно оценить получаемую ежечасно информацию и как минимум признать, что вовсе не Россия первой из ядерных держав начала вооруженный конфликт в послевоенный период (даже если принять ошибочную трактовку начала войны в 2022 г., а не в 2014-м, когда украинская

армия организовала военную операцию в Донбассе). Напоминая им о событиях только самой новейшей истории в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, упираешься как в бетонную стену в обескураживающий категоричностью и внутренней убежденностью аргумент: — Это другое. Следствия ведущейся информационной кампании на уровне общества известны. Всевозможные бойкоты, начиная от Чайковского и Достоевского, заканчивая преследованиями русскоязычных детей в школах. Торжественные переименования и снятия мемориальных досок, громкие увольнения деятелей культуры российского происхождения, введение уголовного преследования за использование нашей символики. Ученое сообщество тоже не остается в стороне, например, научные журналы отказываются принимать статьи даже с соавторами из России.

Степень лицемерия, абсурдности, карикатурности этих и других подобных мероприятий заставляет вспомнить М.Е. Салтыкова-Щедрина. Что касается механизма выдачи лжи за правду, он подробно описан Ф.М. Достоевским. В «Дневнике писателя» за 1877 г. ему посвящена глава «Ложь ложью спасается». Говоря о восприятии Дон Кихотом содержания прочитанных им «правдивейших» рыцарских романов, писатель делает следующее наблюдение: «Стало быть, написана ложь. Как же спасти истину? И вот он придумывает для спасения истины другую мечту, но уже вдвое, втрое фантастичнее первой, грубее и нелепее... Реализм, стало быть, удовлетворен, правда спасена, и верить в первую, в главную мечту, можно уже без сомнений — и все, опять-таки, единственно благодаря второй, уже гораздо нелепейшей мечте, придуманной лишь для спасения реализма первой. Спросите самих себя: не случилось ли с вами сто раз, может быть, такого же обстоятельства в жизни?» [1, 365].

Случалось, вот и теперь случается в очередной раз. Изобретая и вбрасывая в общественное сознание самые «грубые и нелепые» детали, Запад раскручивает спираль лжи и пытается спасти одной ложью другую, главную. Мотивы за последние пару веков практически не изменились, и они тоже указаны Ф.М. Достоевским. В «Дневнике» за 1876 г. он рассуждает сразу о нескольких исторических ситуациях с точки зрения лжи Европы относительно России. О победе над Наполеоном: «Пруссия и Австрия, которых мы же освободили, немедленно приписали себе всю честь побед, а впоследствии, теперь то есть, уже прямо утверждают, что тогда победили

они одни, а Россия только мешала» [1, 93]. Однако этот факт (не правда ли, сильно напоминающий происходящую сейчас ревизию истории Второй мировой?) Достоевский оценивает положительно, в том смысле, что Россия была оставлена Европой в покое. Похожим образом он относится к поражению в Крымской войне, ведь в противном случае «они тотчас же бы стали готовиться к новой войне, имеющей целью уже истребление России, и, главное, за них стал бы весь свет»; «осуществился бы всеобщий крестовый поход на Россию»; «ввиду “священной цели” — изгнания России из Европы» [1, 93]. Еще один исторический эпизод, подавление польского восстания 1863 г., писатель характеризует словами: «разделка наша с Польшей чуть было не произвела взрыва во всей Европе» [1, 93].

На мой взгляд, мало назвать мысли Ф.М. Достоевского пророческими, для эпохи постправды он – в полной мере актуальный русский мыслитель...

Литература

1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб.: Азбука, 2016.
2. Смирнов И.П. История мысли. Теоретические основания. М., 2020.
3. Смирнов И.П. Неодирижизм в медиасфере современной Германии // Философия хозяйства. 2014. № 6. С. 257—261.

References

1. Dostoevskij F.M. Dnevnik pisatelya. SPb.: Azbuka, 2016.
2. Smirnov I.P. Istoriya mysli. Teoreticheskie osnovaniya. M., 2020.
3. Smirnov I.P. Neodirizhizm v mediasfere sovremennoj Germanii // Filosofiya hozyajstva. 2014. № 6. S. 257—261.

Е.С. ЗОТОВА

«Эпоха постправды» как правда об эпохе*

Аннотация. Представлен обзор выступлений на состоявшемся 22 марта 2022 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в онлайн-формате теоретическом семинаре «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «“Эпоха постправды” как правда об эпохе».

Ключевые слова: правда, истина, постправда, эпоха постправды, философия хозяйства.

Abstract. The article presents an overview of reports of the theoretical seminar hold on March 22, 2022 at Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University in the online format «Debating Problems of Modern Social and Economic Thoughts» on the topic: «The Post-Truth Era as a Truth about the Era».

Keywords: truth, post-truth, post-truth era, philosophy of economy.

УДК 330
ББК 65в

22 марта 2022 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в онлайн-формате состоялся теоретический семинар «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «“Эпоха постправды” как правда об эпохе», в котором приняли участие 42 человека.

Организаторы семинара — лаборатория философии хозяйства и научный совет «Центр общественных наук МГУ» — так сформулировали проблему для обсуждения: «Дожили! Лгали втихую, лгали конфузливо, а теперь и лгать не надо, даже и правдоподобно: правда снимается как благородный, но ненужный никому анахронизм. Что заявлено, да еще и громко, на весь мир, то и... нет, не правда вовсе... а... вот тут-то и вопрос, тут-то и загвоздочка, ибо... что? Тоже думать надо, вот и подумаем!».

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. «Эпоха постправды» как правда об эпохе // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 281—293.

Во вступительном слове д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) заметил, что «ложь в бытии человека, в бытии его сознания с бессознанием, разума с безумием, рации с иррацией, сердца с бессердечием, морали с аморалью и т. п. всегда активнее, масштабнее, быстрее правды, которая, если и есть, помимо, конечно, чистой фактографии, то всегда как укромная противоположность лжи, разумеется, не одного лишь откровенного вранья, но и сокровенных недомолвок, умолчаний, придумок, уловок, отчетов, справок, экспертных оценок, иносказаний, мифов, утопий, “мечт”, комплиментов, тостов, добрейших пожеланий, меморий: не было б лжи, не было б и правды, а не наоборот — ложь все-таки в социобщении первичнее и мощнее правды.

Почему же сейчас заговорили о “постправде”? Нет, не потому, что на свет человеческий явилась вдруг обильная ложь и затмила собой правду; просто из бытия человеческого исчезают или даже изымаются сии сакральные феномены, причем оба сразу — и ложь, и правда, — что означает, что все говоримое теперь и не ложь, и не правда, а лишь просто говоримое, либо приносящее успех говоруну, либо нет, а ложь это или правда — уже не имеет никакого значения. Главное — успех проговоренного, его удача, достижение им своей цели!

Можно заметить, что так, мол, было всегда. Да, было, но было все-таки с присутствием в мирообщении оценочных критериев в виде лжи и правды, а теперь этих критериев нет, точнее, они есть, но никакого значения не имеют. Отчего и эпоха “постправды”, но, заметим, и “постлжи” тоже!

Отчего вдруг взялась эта треклятая эпоха? Да всего лишь от медийно-информационно-интернетной революции, грянувшей незаметненько в зёмном мире и породившей так называемый виртуальный, он же и особый — всепроникающий и всемогущий — параллельно-ноосферный, мир, в котором ни человека, ни социума, ни порядка, ни законов, ни ответственности, ни, само собой, совести: любая ахиня теперь проходит, любая заумь верна, любая чушь скоропостижна, любая дурь идет на ура.

Вообще-то это самый что ни на есть антимир, вполне бесовский, а потому вполне и нечеловеческий. То ли человек обращается в беса, то ли бес окончательно и массово вселяется в человека, то ли бес наконец-то вышел из человека на свободу, не забыв прихватить с собой и человека. А может, и нет никакого беса, а просто человек на

вершине своего развитийного бытия наконец-то становится... человеком — ЧЕЛОВЕКОМ!

В общем, есть нам о чем подумать и потолковать, подперев руками буйно-образованную голову, как это делают сидящие зачем-то на Нотр-Дам-де-Пари витающие за пределами лжи и правды хмурые химеры».

В своем выступлении д.ф.н., профессор **Ф.И. Гиренок** (философский факультет МГУ) сказал, что сегодня для нас думать по-новому — значит думать по-русски, а думать по-русски — значит думать, исходя не из общечеловеческих ценностей, а, как сказал Н. Данилевский, исходя из интересов России, из тех ценностей, что испытаны экзистенцией русского народа и отражены в его галлюцинозе. Всегда было так, что война доделывала то, что не сделали торговля или политика. Что не сделали наши политики? Они пошли за западными ценностями, пошли к капитализму, стали защищать идею права и незыблемость частной собственности. И этим новшеством разрушили связи между сознанием и галлюцинозом народа. Что нам показала современная история Украины? Что западное сознание заражено идеей нацизма, его антиантропологизмом. И это нужно иметь в виду сегодня всем политикам, заметил профессор Гиренок.

«Постистина (постправда) как самострел в голову Homo sapiens, проявление его потребности в непонимании (dementia)» — так обозначил тему своего выступления д.ф.н., профессор **В.А. Кутырев** (Университет Лобачевского, г. Нижний Новгород). «К 2100 г. человек разумный перестанет существовать, так как сам себя модифицирует с помощью искусственного интеллекта и биотехнологий», — процитировал он манифест общественного движения «Россия 2045», находящего все более широкую поддержку и подкрепление финансируемыми программами внедрения. И когда говорят, заметил докладчик, что у человечества нет идеалов, то это неправда. Перестать существовать — вот реальная цель «прогрессивного» человечества!

Но люди не могут говорить о самоотрицании открыто. Отсюда отказ от понятий «истина» и «правда», возникновение потребности в понимании, куда на самом деле ведет нас нерегулируемый прогресс. И выдумки, что будем жить в виде «мозгов в банке», «светового кокона», «информационного поля», но почему-то это все равно будут люди. У-ничто-жение, смерть — выдаются за жизнь и бессмертие. Здесь корень всей другой «мелкой лжи»: политкорректности, квоти-

рований, фейковщины и т. д. Возникает цивилизация фальшизма. Чтобы выжить, человечество должно с ней бороться, подытожил профессор Кутырев.

«Современная эпоха — это эпоха великого эволюционного перелома, “запущенная” первой фазой глобальной экологической катастрофы 30 лет назад, на рубеже 1980—1990-х гг.», — сказал д.э.н., профессор **А.И. Субетто** (Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург). Докладчик добавил, что одновременно это эпоха краха рынка, капитализма и либерализма, несущих в себе источники возможной экологической гибели человечества до середины XXI в. С другой стороны, это «роды» действительного разума и действительного — ноосферного — человека. При этом докладчик сослался на разработанную им научно-мировоззренческую систему — ноосферизм, аргументирующую данный вывод. В контексте темы семинара автор применил понятия «онтологическая правда», рассмотренная в докладе как «правда бытия», или «правда истории», и «онтологическая логика», введенные В.Г. Комаровым в книге «Правда: онтологическое основание социального разума» (2002). «Онтологическая правда» — это правда истории, очищенная от феноменологических покровов, иллюзий, в том числе и материальных кажимостей. «Онтологическая ложь» ей противостоит, она иногда становится доминирующей, как, например, система германского фашизма в 1930-х гг. или система современного глобального империализма во главе с США, экологический приговор которой подписала природа.

Россия как «цивилизация Правды», евразийская цивилизация, центр устойчивости/неустойчивости мира является историческим предиктором, постоянно указывающим на направленность онтологической правды. Так было в 1917 г., когда она стала пионером социалистического прорыва, так было в 1945 г., когда она, в лице СССР, разгромила гитлеровский режим в Берлине, так было в 1957—1961 гг., когда она совершила космический прорыв. Теперь она призвана совершить ноосферный прорыв человечества.

В XXI в. «онтологическая правда» получает ноосферное измерение. Стихийная — в последние столетия в рыночно-капиталистическом формате — история закончилась. Начиная с рубежа 1980—1990-х гг., она превратилась в «онтологическую ложь», т. е. в «нечто», не имеющее будущего.

«Онтологическая правда», т. е. продолжение истории человечества на Земле и (в будущем) в космосе, — это управляемая социоприродная или, что тоже самое, социобиосферная эволюция на базе общественного интеллекта, научно-образовательного общества и ноосферного социализма. Прогноз о переходе биосферы в ноосферу В.И. Вернадского приобретает реальность и новые основания. Но для этого человек, его разум должны взять ответственность за будущее всей мегасистемы жизни на Земле. За этим стоит преодоление «барьера сложности», с которым столкнулись в стихийной, рыночной форме развития человечества наука, культура, образование, совокупный интеллект обществ стран мира, о котором говорил академик Н.Н. Моисеев.

В России сложилась не только мощная научная школа философии хозяйства С.Н. Булгакова — Ю.М. Осипова, но и не менее мощная русская ноосферная научная школа, не имеющая аналогов в мире, выдвигающая общественный интеллект, или коллективный разум, России на «передний край» в свершении ноосферного прорыва человечества, вне которого будущего для человечества не существует. Россия призвана всей логикой истории, заключил профессор Субетто, своей исторической сущностью стать лидером ноосферного прорыва человечества — и это есть правда об эпохе, которую мы переживаем.

Российская версия глобального мироустройства начала выстраиваться в аппарате помощника Президента РФ по национальной безопасности Ю. Батурина еще в 1995 г., отметил в своем докладе к.т.н. **О.В. Доброчеев** (НИЦ «Курчатовский институт»). Одним из первых ее продуктов, сказал докладчик, была наша статья в газете «Известия» от 28 апреля 1995 г., в которой говорилось, что продолжением российского кризиса 1990-х станет в начале XXI в. кризис глобальный. Затем, в январе 1999 г., в статье «Глобальный кризис. Российский сценарий» (в «Независимой газете») были опубликованы его масштабы: сокращение населения планеты на несколько процентов за 30 лет. Для предотвращения этого сценария была найдена устойчивая сотовая структура глобального мира, которая через 8 лет была принята с небольшими уточнениями и отражена в «Докладе всемирному банку 2009». Два года спустя, в журнале «Мировая энергетическая политика», № 2, в статье «Накануне “Оранжевой революции”» была сформулирована необходимость диверсификации ядерных источников энергии, оранжевый цвет которой мы видим на

Солнце. Затем, в статье «Глобальный мир. Российский сценарий. От Новороссии к Евророссии» на сайте «regemeny.ru» была описана устойчивая в будущем архитектура европейского мира и т. д. Рефлексия западных ученых и политиков состояла в лжеоранжевой революции на Украине 2004 г, грузинской агрессии 2008 г., затем госперевороте на Украине в 2014 г. и построении там «анти-России». Поэтому российские действия на Украине имеют под собой не только огромную дипломатическую борьбу за мирное урегулирование кризиса, но и долговременную стратегическую проработку.

По этой причине наш с Ю. Батуриным политический оппонент 1995 г., а ныне — управляющий директор «Kissinger Associates» — Томас Грэм сообщил РБК 18 марта 2022 г.: «Международный либеральный порядок, который США поддерживали, не будет универсальным. Угроза ядерного оружия такова, что мирное сосуществование России и США — императив. Россия преодолела длительный период слабости и теперь может защищаться, применяя силу, если это будет нужно. Вопрос только в том, потребуется ли большая война, чтобы продемонстрировать это...», подчеркнул О.В. Доброчеев.

В современном мире, сказал д.х.н., профессор **Л.А. Асланов** (химический факультет МГУ), обозначилась нехватка пресной воды, продолжает расти опустынивание земель, растет загрязнение воздуха, водных источников, почв и даже мирового океана. Это ведет к сокращению производства продуктов питания, когда население земного шара увеличивается. Началась борьба за выживание — «война всех против всех». Это хаотичный процесс самоорганизации человечества в новых условиях. Главными фигурантами в борьбе за выживание будут крупные этносы, организованные в сильные государства с крепкой экономикой, сильной армией и обеспеченные природными ресурсами. Первыми в борьбу включились США, но у них нет перспектив на победу из-за внутренних негативных социальных процессов, которые нет возможности обсуждать, поскольку они лежат далеко за пределами темы нашей сегодняшней дискуссии, заметил профессор Асланов.

«Все услышанное мною, по ходу дискуссии, — заметила к.ф.н., доцент **Н.И. Злыгостева** (Кировская областная научная библиотека имени А.И. Герцена), — очень интересно. Я разделяю здоровый пессимизм Ф.И. Гиренка, особенно в отношении к российской политической элите, чья прозападная ориентация сложилась не

сегодня. Начиная с XVIII в., она развивалась уже не только в “мыслях о Западе”, но и, собственно, в “западных мыслях”. В условиях всеобщей глобализации и определяющей современное общество культуры постмодернизма ее влияние на все сферы жизни значительно возросло. На Западе, ориентированном на систему экономических, политических, социальных ценностей, достаточно условных и изменчивых, внешнее вытеснило внутреннее, искусственное — естественное, мнимое — настоящее».

Докладчик отметила, что и в нашей стране наблюдается этот процесс, к счастью, затрагивающий далеко не все слои общества и согласилась с Ю.М. Осиповым, рассматривающим Россию как явление особое, в известном смысле, инобытийное, существующее не только в реальном рациональном пространстве, но и в иррациональном. Запад всегда был устремлен в будущее: экономическое, социальное, техногенное, по-своему привлекательное, но всегда неустойчивое и неопределенное, поскольку основа, на которой и сложилась европейская цивилизация, уже давно была ею утрачена.

Россия, напротив, была обращена к прошлому, с его неизменной системой духовно-нравственных ценностей, создававших прочность ее бытия, а не просто существования. Осознать это и во времена минувшие, и в нынешние Западу непросто. Россия не укладывается в его рациональную логику, оставаясь для него непонятной и оттого опасной. Н.И. Злыгостева заключила: «хочется вслед за Ф.И. Тютчевым сказать: “В Россию можно только верить”».

К.и.н., доцент **С.А. Ермашина** (исторический факультет МГУ) в своем выступлении «“Правда” в традиционном русском сознании и российском общественно-политическом дискурсе в XX—XXI вв.» рассмотрела понимание правды в русском традиционном сознании, имеющем исток в христианской православной традиции, запечатлевшей отражение Правды Небесной, а в земном варианте соединяющей суд (закон) и милость (благо). В процессе исторического развития раскрылись пути воплощения *правды земной* как наиболее соответствующие этим идеалам, нравственно-этическим ценностям в политической, хозяйственной, общественной, культурной сферах, в освоении пространства, в отношении к народам, к достоинству человека, свободе и многим другим сферам российского домостроительства. Представители золотого фонда русской мысли Н.М. Карамзин и А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев и многие другие выдающиеся мысли-

тели раскрыли эти основы в концепциях согласного взаимодействия власти, церкви, общества, соединения принципов свободы человека, приоритетов общества и традиций государства. «Хозяйственная формула» включила оптимальное сочетание личного, общественно-государственного начал без крайностей «хищнического капитализма» и «всенивелирующего» социализма (С.Н. Булгаков). Эти идеи не были востребованы «господствующим классом» до революции. В советскую эпоху правящая большевистская партия использовала понятия правды, отечества и другие базовые ценности, опираясь на советско-общинную основу и традиционные нравственно-этические принципы (Н.А. Бердяев), но, в конечном итоге, идеологический дискурс и политическая практика помешали распознать преобразовательный потенциал традиций российской жизнедеятельности. В постсоветский период ведущая часть политических элит, хотя и провозглашала справедливость своих действий, но проводила «реформы», внедряя чуждые дискурсивные практики, а точнее — подчиняя западным парадигмам, установкам не только свое сознание, но пытаясь сделать из них ориентиры для всего общества. Задача состоит, как ее вот уже тридцать лет видят исследователи на основе традиций философии хозяйства, сказала С.А. Ермишина, в изучении Правды российского домостроительства и разработке соответствующих общественно-политических и хозяйственных парадигм развития, а также в выработке критического отношения к чуждым дискурсивным повесткам.

В своем выступлении, названном «Истоки и содержание эпохи постправды: что имеем и что дальше?» к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) обозначил причинно-следственную связь двух полярных начал правды и лжи посредством такой эволюционной взаимозависимости сущности (содержания) и формы (функционала), где правда является способом сканирования и организации фактов, при котором сознание добывается примата сущности (содержания) по отношению к форме-функционалу.

В этом смысле эпоха Модерна, достигнув своего пика в развитии культуры, науки, искусства, экономики в конце XIX в., столкнувшись с ближайшей перспективой абсолютного доминирования правды-содержания, уперлась в человека с его сознанием, абсолютно не готового жить по правде в противоречивом многообразии бытия. Поэтому понадобилась эпоха Постмодерна как историко-логического периода порогового изменения в логике взаимосвязи

сути и формы, правды и лжи, чем, собственно, и оказался наполнен весь XX в., в течение которого неуклонно нарастал эффект подмены содержания формой, правды ложью — подмены, с линейной неизбежностью движения, господством тотального обмана. Однако по мере исчерпания возможностей обмана, закономерным императивом становится насилие, которое, подмяв государство в XXI в., превращается в механизм целеполагания, подавления и уничтожения сознания, в чем, собственно, и состоит суть современной эпохи постправды.

Таким образом, полностью проиграв правде в развитии, формо-функционал (эффект ультрамонополии), уничтожая сознание (отменяя тем самым развитие), стремится к тотальному, ничем не ограниченному господству, предпринимая фронтальную «переполоховку» сущности и формы посредством присвоения права идентификации фактов вне сознания и безоговорочного вменения искусственных, ситуационных, эфемерных правил. Тем самым форма окончательно отрывается от сути и превращается в антиправду, или абсолютную ложь. Мир превращается в антимир, человек — в античеловека (эффект пересотворения человека), а потребность развития как продукта сознания обнуляется. Поэтому появление термина «постправда» в Оксфордском словаре 2016 г. определенно неслучайно.

Разумеется, любая историко-логическая бытийность России как прародины страдательного стяжания процесса обретения правды и справедливости экзистенциально трудно совместима с вышеобозначенным процессом. Отсюда и проистекает текущий крах более чем трехсотлетнего периода попыток вхождения в культуру Запада и, уж тем более, растворения в нем, что стало возможным и неизбежным сегодня благодаря его, Запада, самоуничтожению.

Или, другими словами, альтернативы у России возвращения к самой себе на основе абсорбции от Запада культуры доминирования сущности-смысла над формой (модерн) и синтеза его с российской традиционной культурой ценностей и опыта просто нет. А опережающий бросок в будущее на базе этого синтеза определенно императивен, подытожил профессор Кашицын.

Обозначив тему своего выступления «Самообман как признак дряхления элит», к.мед.н. **Е.В. Шелкопляс**, директор Института развития человека (г. Иваново), заметил, что понятием «элита» обозначают лучших людей общества. Их основная функция — опреде-

ление текущей политической программы действий, отражающей интересы общества. Как и все сущности мира, элиты проходят собственный цикл бытия. Аристотель описывал их следующим образом: власть одного (царская) вырождается в тиранию, ее сменяет «аристократия», вырождающаяся вскоре в «олигархию», на смену которой приходит крайне короткая «демократия», вырождающаяся во власть «охлоса», толпы, ведомой демагогом; нарастающий хаос и антисоциальность поведения охлагонов приводят к установлению единоличной власти, и цикл повторяется. Лучшей формой власти мыслитель считал «политию», соединяющую особенности трех исходных форм, при условии, что массы будут просвещенными и ответственными. Во все времена суть процесса вырождения, одряхления элит — их бесконтрольность, постепенное нарастание эгоистических мотивов поведения, безответственность перед обществом.

Управление обществом требует влияния на сознание граждан. Учитывая то, что оно подвержено влиянию авторитетов, власти целенаправленно формируют у общества иллюзии, ныне именуемые «постправдой». Примером массовой иллюзии «народовластия» являются выборы «представительной власти». В конце цикла собственного бытия элиты вырождаются настолько, что начинают обманывать себя, чтобы избежать крайней тревоги за свое существование. Сегодня представления о безмерно богатой «мировой закулисе», покупающей любых очередных властителей по своему усмотрению, ставят наблюдателя в тупик. То ли мировая элита прогуляла все, что имела, то ли одряхлела вконец, коль власти стали столь смехотворны, заметил Е.В. Шелкопляс.

Категория «хозяйство», сказал д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (Северо-Кавказский филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону), — результат 140-летних Пунических войн. Она вобрала в себя две полные противоположности: общественный сектор Рима и экономику Карфагена, которые могут существовать совместно лишь как их диалектическое единство, подобное двум полюсам магнита.

Содержание хозяйств определяется избранной населением стран идеологией и проводимой элитой политикой. Победа Рима, население которого требовало бесплатных «хлеба и зрелищ», обрекла его элиту на избрание содержанием римского хозяйства общественного сектора, равно как и позже в России (Третьем Риме) и других странах (Индии, КНР), хозяйства которых также уместно относить к римской генерации.

Таким образом, несмотря на прошедшие более 2 тыс. лет, мировое хозяйство продолжает оставаться расколотым. В одной его части содержанием является общественный сектор, порождающий одну правду, в другой — экономика и, соответственно, там господствует иная правда (Британский мир, ЕС, Япония). Вследствие этого худшее, что вызывает катастрофные тенденции, это санкции, заметил профессор Бугаян.

Эпоха Постмодерна, сказал д.ф.н., профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ), превратила истину и правду в средства постправды, действующей против гуманитарного мира в качестве античеловеческих мутаций. Этот туманный концепт ведет богемную жизнь, сея во всех сферах бытия и познания семена смешения «всего со всем», не обременяя себя никакими смысловыми нормами и правилами, оправдывая свое онтологическое беззаконие и когнитивный произвол пустым четырехзначием «пост...». Постправда пытается заменить страдание, беды и пагубу, присущие истине, удовольствиями. «Какие же “сокровища” скрываются в чреве “постправды”, временно исполняющей когнитивные функции концепта? Феномен постправды представляет и выражает замену аномально ослабевшей воли европейцев искусственной, безжизненно-инфернальной волей к власти. Постправда есть выражение нечеловеческой, машинно-технической воли, стремящейся к войне.

Постправда представляет “волю” — волю беснующейся глобальной мусорной помойки. Постправда есть “невидимая рука” А. Смита в этой видимой помойке. И эта рука показывает кукиш “мусоропроизводителям”. Постправда представляет форму игровой воли как совершенного способа зомбирования, расчеловечивания людей, доставляющего им радость и наслаждения, позволяющего превратить жестокость, убийства, смерть в игровой дискурс. Постправда предлагает играть вместо, после... смерти. Постправда содержит в себе и позитивное начало, скрыто, в искаженной форме представляя и выражая императивы, кванты изначальной творящей и творческой свободы мироздания. В форме постправды действует творящая свобода Великой неизвестности, Бездны», — заметил профессор Шулевский.

В докладе профессора **В.В. Чекмарева** «Правда “стратегии национальной безопасности”» было отмечено, что мы вступаем в новую эпоху — эпоху сверхновой России. Истинная причина нашего кардинального преобразования — в обращении к философии хозяй-

ства. Когда-то, с подачи К. Маркса, который отказался от политической экономии и создал теорию производственных отношений, де-факто в хозяйстве от человека отделилась форма хозяйства — предприятие. Современная экономика фактически базируется на теории Маркса в части организации эффективной экономики вне человека и не для человека (в производстве остался человек только как носитель рабочей силы). Производство выступило против человека, стало самостоятельной силой, принуждая человека даже против его личных интересов, наклонностей, предпочтений и т. п.

Можно полагать, что причиной болезни «потребительство», а также идеологии экономического роста является отлучение людей и экономики от философии хозяйства. Возвращаясь к понятию «производственные отношения», следует отметить анахронизм их трактовки как синонима экономических отношений. Необходимо во всех словарях и энциклопедиях произвести ревизию и «развести» эти понятия, исходя из понимания экономики как части хозяйства, а производства — как части экономики.

Это особенно важно и имеет принципиальное значение в проводимой санкционной политике различных государств в общем экономическом пространстве. А для единого экономического пространства возникает эффект его деформации. Профессор Чекмарев отметил, что как в борьбе с социализмом менялся капитализм, так и в борьбе с Западом меняется Россия, и истоками и причинами войны миров является рождение новой истории планеты Земля.

В заключительном слове **Ю.М. Осипов** заметил, что «большой — острый и значительный по смыслам — разговор состоялся. Человеческий мир меняется, но не просто меняется, а страшно меняется, и не потому, что устремлен в зияющую новой новизной неизвестность, а потому что уходит за пределы всего нам привычного зёмно-человеческого, и это не все — он как бы сворачивается в точку, в ничто, в сингуляр, из чего, возможно, что-нибудь затем и выйдет, да вот что же, да и зачем?

Разговор наш не мог не затронуть украинских событий, вполне и трагических. Но тут важно понять, что помимо защиты России, русского мира, русских, помимо противостояния агрессивному, высокомерному и расистскому — уже и “постправдинскому” — Западу, Россия, хочет она этого или не хочет, вступила в борьбу с захватившим Запад и, немало, саму Россию оголтелым античеловеческим антимиром. Это означает, что Россия ведет войну не

просто за свои интересы и даже не за интересы кого-либо, а за интересы всего все-еще-человеческого, а потому ведет в полном смысле слова священную войну!

Нам — России, россиянам, русским — надо сильно меняться, избавляясь от анимировского наваждения, куда более страшного, чем те же политические, экономические или технологические зависимости, ибо от последних можно освободиться по желанию странового правления, а вот от анимировского помрачения, проникшего не только в умы, но и в души российские, освободиться куда как труднее, ибо тут уже потребно перерождение, как раз обратное тому, что случилось с Россией и россиянами за последние полвека».

АНОНСЫ — 2022

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2022

Секция экономических наук

**«Наука и искусство экономической политики
в кризисных условиях»**

Секция лаборатории философии хозяйства

**«Экономический дирижизм под знаком экстраординарных
перемен: концепты и механизмы»**

Новая хозяйственная, экономическая и экзистенциальная реальность в России и в мире. Стратегическое (многогранное, глубокое, масштабное, долговременное) влияние политико-милитарного фактора. Мобилизационный момент в национальном бытии России. Соответствующий экстраординарной реальности национально-государственный дирижизм (хозяйственный, экономический, цивилизационный, экзистенциальный). Перераспределение трудо-творческих возможностей, ресурсов, потенций, интенций. Возрождение (усиление) стратегического планирования и управления социохозяйственными процессами. Национальный технологизм в действии. Актуальное всестороннее перестроение России как суверенного социально-хозяйственного целого — не закрытого, но защищенного. Освобождение экономики, науки, образования, здравоохранения и иных сфер от искусственно-менеджеральных пут.

18 апреля, 14.00 — 18.30

19 апреля, 14.00 — 17.10

(онлайн-формат)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на тему:

«Мир-перемена как текущая реальность»

Не мир перемен, а мир-перемена! Не так общемировой кризис, как общемировое оцепенение. Что происходит, куда все идет, если уже не катится? Непреложная роль ковида и непреходящее значение таинственных пандемий. Мир на пороге, а что при дверях? Есть, есть, о чем призадуматься с завязанными глазами, спутанными ногами и затуманенной головой.

Май 2022 г.

* * *

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

из цикла

«Россия: земля и люди»

на тему:

«Экология как наше всё: человек, хозяйство, природа»

Экология давно уже не просто учение о равновесии в природе, а... не учение вовсе... а тревожное оцепенение, как раз перед обозрением того, что натворил демиургирующий экономический человек с природой, с неприродой, с обществом, с самим собой, когда не то что равновесия какого-то добиваться, а выжить бы, да не в каком-то там равновесии, а совсем наоборот — во всеобщем раздразе! Что ж, подумаем, поговорим, глядишь, и что-то этакое вдруг ухватим — как перо Жар-птицы!

Июнь 2022 г.

(Совместно с Тамбовским государственным университетом
имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района
Тамбовской области)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2022

Всероссийский научный симпозиум

на тему:

«Государство и хозяйство: неразлучность и мера»

Цивилизованного хозяйства нет без государства (права, денег, инвестиций, пособий, вмешательств, контроля, да мало ли еще чего), но и государства нет без хозяйства вообще и собственно государственного хозяйства. Иное дело — степень огосударствления хозяйства, как и степень охоязяйствования государства, тут могут быть разные решения. А вот отделять одно от другого — не более чем постмодернистское безумие! Особенно для (в) России. Безумству безумных не поем мы песню! Обсудим!

Сентябрь-октябрь 2022 г.

(Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орленок»)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на тему:

«Суверенная Россия: экономика, технология, культура»

Хозяйственно (экономически) суверенная и цивилизационно культурно самобытная Россия: мечты и реальность. Либо Россия во всех отношениях суверенная и самобытная страна, еще и по устройству своему имперская, либо никакой России! «Псевдороссийский симулякр» — в действии! Самое главное, ответственное и тяжкое состоит в том, что России таки придется существенно и полномасштабно измениться — перейти от неполноценного пореформенного образа к полноценному постреформенному! Оставшемуся в России органично российскому интеллекту (не искусственному, боже упаси!) ничего не остается как твердить и твердить об этом пренеприятнейшем для многих российских-де интеллектуалов моменте — почти с ленинской страстью! Соберемся, поговорим, может, наконец, чего-нибудь и добьемся!

7—9 декабря 2022 г.

(МГУ, экономический факультет)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (*managerial@mail.ru*).

ГУЗЕВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, Волжский, Россия (*guzev@vgi.volsu.ru*).

ПУДОВ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Якутский научно-исследовательский институт сельского хозяйства имени М.Г. Сафронова. Якутск, Россия (*agro_on_line@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

БАКЛАНОВ ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент, департамент гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*slava.home2010@mail.ru*).

УШАНКОВ ВЯЧЕСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*slawusha@gmail.com*).

ШАПИРО НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и экономического образования, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия (*v-shapiro@mail.ru*).

КОЗЛОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ЮРОСЛАВОВИЧ,

старший преподаватель, кафедра международных отношений и внешней политики, исторический факультет, Донецкий национальный университет, Донецк, Донецкая Народная Республика (alexkozlovskiy@mail.ru).

КОРОЛЕВ ОЛЕГ ЛЕОНИДОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра бизнес-информатики и математического моделирования, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия (o.korolyov@cfuv.ru).

СКАЛКИН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (vskalkin@fa.ru).

СИДОРОВА СОФЬЯ АНДРЕЕВНА,

соискатель ученой степени к.э.н., департамент бизнес-аналитики, факультет налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (sidorova_s94@mail.ru).

КЕРИМОВА НУРИЯ НАТИГ КЫЗЫ,

докторант, кафедра экономической теории, Азербайджанский государственный экономический университет, Баку, Азербайджан (Nuriyya.karimova@hotmail.com).

БАБКИН РОСТИСЛАВ РОМАНОВИЧ,

магистрант, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (babkin.rostislav13@gmail.com).

СТРИЖАКОВА ЕКАТЕРИНА НИКИТИЧНА,

доктор экономических наук, профессор, кафедра производственного менеджмента, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия (kathystr@inbox.ru).

СТРИЖАКОВ ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра производственного менеджмента, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия (kathystr@inbox.ru).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (kmolchnov@econ.msu.ru).

КОН ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

аспирант, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*slavakon.sk@gmail.com*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (*vkorolev@sfsedu.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,

кандидат исторических наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*post123_2000@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

SHEVCHENKO IGOR GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (*managerial@mail.ru*).

GUZEV MIKHAIL MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Deputy Research Director, Volzhsky branch of Higher Education «Volgograd State University», Volzhsky, Russia (*guz-ev@vsgi.volsu.ru*).

PUDOV ALEKSEI GRIGORIEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Yakut Scientific Research Institute of Agriculture named by M.G. Safronov, Yakutsk, Russia (*agro_on_line@mail.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

BAKLANOV VYACHESLAV IVANOVICH,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*slava.home2010@mail.ru*).

USHANKOV VYACHESLAV ANATOLIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russia (*slawusha@gmail.com*).

SHAPIRO NATALIA ALEKSANDROVNA,

Doctor of Economics, Professor, Herzen University, Saint Petersburg, Russia (*v-shapiro@mail.ru*).

KOZLOVSKIY ALEKSEY UYROSLAVOVICH,

Senior Lecturer, Donetsk National University, Donetsk, Donetsk People's Republic (*alexkozlovskiy@mail.ru*).

KOROLYOV OLEG LEONIDIVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia (*o.korolyov@cfuv.ru*).

SKALKIN VLADIMIR VLADIMIRIVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Economics Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*vskalkin@fa.ru*).

SIDOROVA SOFIA ANDREEVNA,

Postgraduate Student, Business-Analytics Department, Tax, Audit and Business-Analysis Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*sidorova_s94@mail.ru*).

KARIMOVA NURIYYA NATIG,

Doctoral Student, Economic Theory Department, Azerbaijan State University of Economics, Baku, Azerbaijan (*Nuriyya.karimova@hotmail.com*).

BABKIN ROSTISLAV ROMANOVICH,

Master's Student, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (*babkin.rostislav13@gmail.com*).

STRIZHAKOVA EKATERINA NIKITICHNA,

Doctor of Economics, Professor, Department of Industrial Management, Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia (*kathystr@inbox.ru*).

STRIZHAKOV DMITRY VALERIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Industrial Management, Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia (*kathystr@inbox.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

KON VYACHESLAV ALEXANDROVICH,

Postgraduate Student, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*slava-kon.sk@gmail.com*).

KOROLEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of the Theory of Culture, Ethic and Aesthetic, Institute of Philosophy and Social-Political Science, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*vkorolev@sfnedu.ru*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

SMIRNOV IGOR PAVLOVICH,

Candidate of Historical Sciences, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*post123_2000@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумера-

ция формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагать другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует нарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.